

RED HILL
I'LL WAIT

♡ ∞
MOM

среди МОНСТРОВ

Серия "Красный холм"

vk.com/beautiful_disaster_ru

Джейми МакГвайр

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

Тринадцатилетние имеют свои недостатки, и взрослеть никогда не было так сложно. Дженна пообещала своей матери, если произойдет что-нибудь плохое во время выходных у ее отца, то они встретятся на ранчо Красный Холм.

После того, как она обнаруживает написанные баллончиком семь слов на стене отца на утро, после смертельной вспышки, она дает себе обещание, добраться до ранчо живыми с ее семилетней сестрой, Хэлли.

«Среди Монстров» — дополнение к новелле «Красный Холм», обе книги рассматриваются с двух точек зрения, о том, что испытывают разрушенные семьи каждые выходные: Что если твоего ребенка не будет рядом с тобой, когда мир рухнет? На что вы пойдете, чтобы добраться до них? На что пойдут они, чтобы добраться до вас?

Для Дженны, увидеть вновь ее мать стоит всего. С решимостью, сдержать ее обещание, она сталкивается с опытом и решениями, которые заставляют оставить свое детство в прошлом.

Джейми Макгвайр

Среди монстров

Переводчик: Лилия Калиева

Оформление: Наталия Павлова

Глава 1

Сожаление — это не то, что должно волновать 13-летнего ребенка. В момент осознания ошибки можно было бы простить гневные упреки или неправильный выбор, и тогда все бы позабылось. С волейболом, группой поддержки, студенческим советом, уроками фортепиано, и случайным свободным временем для себя, практически не хватало времени на что-то еще, и точно не для какого-то глупого сожаления. Но когда все отступало, это единственное, о чем я могла думать.

Тем утром, когда я вышла из загородного дома мамы, мои мысли крутились вокруг безжалостных комментариев Элли или Лиззи по отношению ко мне, или я думала о том, смогу ли я пройти через столовую не получив какую-нибудь отвратительную реплику. Нужно было сделать домашку по алгебре. Сегодня нас забирает папа.

Папа. Уф.

Мама просила быть милой с его новой подружкой, но я понятия не имела, кем она была. С самого развода, дом папы стал прибежищем матерей-одиночек или женщин едва ли старше меня.

Поначалу папа пытался контролировать, насколько серьезными были знакомства мамы. У его Первой подружки были свои дети, и она не приезжала по выходным, когда моя маленькая сестра, Хэлли, и я были у папы. Но после папа понял, мама не была заинтересована в знакомствах, а он не смог заставить ее играть по его правилам, забросил это дело. Подруга номер Два ворвалась в нашу жизнь внезапно, и он чувствовал, что ее присутствие рядом с нами вполне хорошая идея.

С номером Три он просто хорошо проводил ночи. Он познакомил нас с Четвертой через 36 часов их первого свидания. У Пятой был малыш-мальчик, и папа перевез мои вещи из моей спальни, чтобы освободить место для сине-красных штор, стенной драпировки с пожарной машиной, и коробки игрушек, полную глупых самосвалов и миниатюрных автомобилей. Шестая едва ли была в возрасте, чтобы пить и не имела детей, и хотя моя спальня снова опустела, я все еще застряла в комнате с моей семилетней сестрой.

Сейчас была Седьмая, так что, была вероятность, что моя комната снова будет занята.

Я скользнула внутрь через стеклянные двойные двери Средней школы Бишоп, не глядя назад, чтобы посмотреть, уехала ли мама. Она всегда ждала, пока я не доходила до дверей. Она, наверное, даже не осознавала, что она до сих пор так делает.

Небо прояснилось, но крупные капли начали постукивать по окнам. Казалось, стук проходит эхом по всему зданию, пока я поднималась по лестнице на основной этаж. Я повернула налево, направляясь к своему шкафчику, и прошла мимо миссис Гиззо.

Она улыбнулась мне.

— Успела! Кажется, там уже везде мокро, — сказала она.

Я кивнула.

— Увидимся позже, — она подмигнула мне, проходя мимо меня.

Миссис Гиззо преподавала три часа английского в седьмом классе. Она не возражала, когда я писала рассказы в ее классе, при условии, что я закончу свою работу. Только сочинение рассказов было моим единственным выходом. Не было разговоров с мамой о том, что я была сердита или подавлена ее поведением. Разговоры об отце вызывали лишь ссору. Каким-то образом Миссис Гиззо поняла все это, и она не ругала меня из-за выплеска гнева

на бумаге, как делали некоторые учителя.

Я остановилась перед моим шкафчиком и набрала на кодовом замке числа 4, 44, 12. С рывком потянула ручку и открыла тонкую металлическую дверь, вытащила книгу по предварительному курсу алгебры, а затем положила ее в рюкзак. Я провела слишком много времени за ноутбуком ночью, так что, домашку по математике нужно было сделать в течение классного часа.

В заднем кармане зазвонил мой мобильный, и я повернулась, чтобы скрыть громоздкий зелено-фиолетовый чехол, пока я проверяла сообщение. Пришло сообщение от папы. Он напоминал, что он забирает меня сегодня.

Я не идиотка.

Я ответила, что я в курсе, и сунула телефон обратно в карман.

— Эй, Дженна! — Хлоя поприветствовала меня с широкой улыбкой.

Я вскочила.

— Привет!

Ее улыбка погасла.

— Выходные у отца?

— Да, — ответила я, доставая большую папку из моего шкафчика.

— Это отстой. Ну, может быть, он будет чувствовать себя плохо после прошлого раза и отправит у вас куда-нибудь развлекаться.

— Сомневаюсь. Номер Семь, вероятно, будет с нами.

Лицо Хлои ввинчивается в отвращении.

— У них сейчас номера?

— Ага, — выдохнула я, шагая с ней в классную комнату.

Когда Хлоя и я сели на свои места, я сразу же вытащила смятую тетрадь с закладкой на странице, где у меня были затруднения, чтобы закончить работу. Через десять минут и четыре проблемы, я сложила работу пополам и сунула в учебник.

Мистер Хилтербрэн сидел, погружившись в свой телефон, подперев рукой подбородок. Я нахмурилась и подвинулась к Хлое. Учителям было запрещено пользоваться телефонами при студентах. Тот факт, что мистер Хилтербрэн нарушил правило, отвлекаясь на свой мобильник, игнорируя нас всех, был странно тревожным.

Хлоя наклонилась.

— Он сидит так, с самого начала урока.

За пять минут до звонка, мистер Хилтербрэн, казалось, вышел из транса, моргнул и спросил:

— Вы что-нибудь слышали об эпидемии в Европе? Это во всех новостях.

Примерно двадцать учеников смотрели друг на друга, а потом на нашего учителя. Он просто посмотрел на свой телефон, а затем покачал головой в недоумении.

— Какая эпидемия? — спросила я.

Мистер Хилтербрэн начал говорить, но раздался звонок. Я собрала свои вещи и подождала Хлою возле ее шкафчика, прежде чем отправиться алгебру.

У нас с Хлоей почти все уроки были вместе, кроме последнего. У нее был хор, у меня волейбол.

Пока мы поднимались на второй этаж, Хлоя с гримасой спросила:

— Ты когда-нибудь чувствовала все эти запахи на лестничных площадках?

Из каштановых волос Хлои выглянули ярко-красные пряди. Мы привыкли одинаково

выглядеть, но ее мама была парикмахером, и с тех пор как мы начали ходить в среднюю школу, волосы Хлои стали намного красивее, чем мои.

Я всегда ждала ее вдумчивое мнение. Ее ум работал самым загадочным и чудесным образом. Это было одним из многих вещей, которые я находила милым в ней. Она была спокойная, если только она не собиралась выдать что-то философское.

— Пахнет духами, одеколоном и плесенью. Чем выше мы поднимаемся, тем становится хуже.

— Это влажность, — ответила я.

Она покачала головой.

— Может быть, эта лестница говорит нам, чего ожидать; каждый год, мы все определяемся как личность. С каждым годом стереотипы укореняются, и так, пока мы не закончим школу.

— Или, может быть, это просто влажность, — сказала я, улыбаясь.

В тот момент, когда мы вошли в класс миссис Сайдерс, она подняла руку, говоря нам быть спокойным, пока она подключала кабели интерактивной доски на свой ноутбук.

Чем больше студентов заходили, бормотание и болтовня становились все громче.

Миссис Сайдерс отбросила вьющуюся прядь длинных волос, выскочившую из ее низкого пучка.

— Пожалуйста! Успокойтесь! — сказала она, как мы садились на наши места.

После заставки начались национальные новости, миссис Сайдерс сделала несколько шагов назад, и обнял себя обеими руками. Я наблюдала за ней, зная, что учителя никогда намеренно не притворяются, что они боятся, так что она, вероятно, даже не понимала, что она делает это. Это заставило меня волноваться еще больше.

Миссис Сайдерс покачала головой, когда раздался звонок.

Я направила глаза на ведущего подробно описывающий хаос на небольшой площади рядом с его головой. В нижней части экрана появился список стран, выделенный желтым цветом.

— Что происходит с этими странами? — спросил Тристан. Он только что вошел, как всегда с опозданием.

— С этими странами ООН потерял контакт, — сказала миссис Сайдерс.

Я нахмурилась.

— Что вы имеете в виду? Как это можно потерять контакт с целой страной? — спросил я.

Миссис Сайдерс не повернулась.

— Премьер-министр Франции только что объявил чрезвычайное положение. За последние полчаса, было выявлены случаи вируса в Великобритании, и так же сообщают, что он бесконтрольно распространяется.

— Должны ли мы смотреть это? — Тристан сглотнул, его адамово яблоко едва ли подпрыгивало.

— Хотите, чтобы я выключила? — спросила миссис Сайдерс.

— Немного жутковато, — с задней части класса пискнула Морган.

— Не хуже, чем не знать, что происходит, — сказала я, — Мы должны оставить его.

Мы смотрели один и тот же канал в течение занятия. Никто не разговаривал. Было слышно, только как кто-то задыхался или вздыхал, чтобы напомнить мне, где я находилась.

Связь с Германией пропала первой. Стран к северу, как Норвегия и Швеция, не было

слышно с половины девятого. Франция отключилась быстро, а затем были Испания, Италия, Англии, Ирландии и Греции, где были зарегистрированы случаи вируса.

Любительское видео с мобильного телефона мелькнуло всего на несколько секунд. Ведущий побледнел, и я почувствовала себя не очень хорошо. Люди бежали от чего-то с абсолютным ужасом на их лицах, но мы не могли видеть, отчего они бежали.

— Это ведь не пересечет океан, верно? — спросил Тристан.

— Верно, — сказала миссис Сайдерс.

Она оглянулась на класс, я могла видеть беспокойство в ее глазах. Когда она повернулась обратно, я написала папе.

«Ты смотришь новости?»

«Да. Как ты?»

«Взволнована».

«Все будет в порядке. Губернатор Беллмон только, что вернулся в город. Он не приехал бы, если бы не беспокоился».

«Окей».

«Люблю тебя. Скоро увидимся».

Хлоя спокойно заерзала.

— Я слышал по радио, сегодня утром что-то об ученом и погибших людях в Германии. Ведущая новостей сказала, что они пытались уничтожить трупы, но моя мама сказала, что в этом нет никакого смысла. Я думаю, что есть. Знаешь, Библия говорит, что мертвые воскреснут. Она также говорит, что всякий, кто ест плоть Христа и пьет его кровь, будет жить вечно.

— Это ужасно, Хлоя.

Она вздохнула.

— И все же так поэтично.

Я положила телефон обратно в карман и посмотрела на свою подругу.

— Мой папа говорит, что губернатор вернулся в Андерсон для какой-то фотосессии с пожарными. Я сомневаюсь, что он переживает за сбор денег, если правительство обеспокоено эпидемией.

Беспокойство отразилось на обычно веселом выражении Хлои.

— Вы не думаете, что возможно... мертвые возвращаются и нападают на живых?

— Нет, — сказала я, качая головой.

— Похоже, жутких зомби, — сказал Тристан.

Казалось, коллективный вздох высосал весь воздух из комнаты, а потом все переросло паническую болтовню.

— Можно позвонить родителям? — спросила одна из девочек

— Я звоню маме! — сказала другая.

— Ладно, ребята, — сказала миссис Сайдерс, подняв руки. — Еще не было зарегистрировано ни одного случая в США. Давайте все просто успокоимся. Сделайте глубокий вдох. Школа будет держать в курсе событий, и если мы будем причина беспокоиться, они распустят всех по домам. Пока этого не произойдет, нет никакого смысла расстраиваться.

Прозвенел звонок, а мы собрали наши вещи. Я бросилась вниз по лестнице, Хлоя шла позади меня. Положила вещи в свой шкафчик. Хлоя сделала то же самое, через один шкафчик, и мы вновь собрались, чтобы направиться на второй урок.

— Заберите меня! — кричала девушка в свой телефон. — Меня не волнует! Приезжай и забери меня прямо сейчас, папа!

Директор школы и заведующая шли по коридору с серьезным выражением лица.

— У меня плохое предчувствие, — сказала Хлоя. — Когда ты слышишь о войне или о чем угодно по новостям, это не кажется таким реальным. Сейчас все рядом, знаешь? Не перед твоими глазами, а рядом с тобой.

— Слишком близко, — сказала я.

Глава 2

В коридорах было странно тихо. Даже если дети и разговаривали, то шепотом, так, как будто высказывание своих страхов вслух делало их реальнее.

Хлоя и я спустились вниз, где висел радиоактивный знак, на который я до сегодняшнего дня не обращала внимания. Средняя школа Бишоп была объявлена противорадиационным убежищем еще до того, как родились мои бабушка с дедушкой и якобы мог выстоять торнадо или что-нибудь еще, все, за исключением быстро распространяющегося вируса. К тому же, находясь под землей, я чувствовала себя небезопасно как в ловушке.

Мы с мамой были фанатами апокалипсиса, и, наверное, смотрели все ТВ шоу про конец света. Это то, что нам нравилось. Мы даже побывали на нескольких конвенциях. Интересно, мама чувствовала сигналы опасности так же, как и я? Что-то глубоко присущее мне кричало мне, что надо бежать, хотя я не знала, куда и отчего.

Я вытащила телефон и написала ей сообщение.

Хлоя положила свои книги на парту, на два ряда дальше, чем моя. Мистер Холланд не разрешил нам выбрать самим места в начале семестра как миссис Сайдерс. В его классе не было и интерактивной доски.

— Ладно, убрали телефоны, — сказал мистер Холланд, — я знаю, что много чего происходит в мире, но не здесь. Пока директор Холл не объявит о роспуске, все будет как обычно. Ясно?

Все согласились, но мистер Холланд так же заставил открыть нас учебники и хотя бы притвориться, что мы сосредоточены на уроке. Я отложила телефон и открыла учебник на странице 149, как было сказано.

Притворство было именно тем, что мы были должны делать, и большинству детей в этой комнате не удалось это сделать. Карина Теш начала всхлипывать, и к тому времени, когда раздался звонок, ее хныканье побудило слезы еще у нескольких девочек в классе.

Когда Хлоя и я поднялись по лестнице на главный этаж, через большие стеклянные двери и окна у школы мы увидели много машин, припаркованных на обочине, а взрослые и дети бежали в школу или из нее.

— Где твоя мама сегодня? — я спросила.

Хлоя поджала губы.

— Она уехала в Гринвилль. Ей нужно было забрать кое-какие вещи. Хотя она вернется к концу занятий.

— Может она приедет раньше.

Хлоя опустила взгляд. Мы оба знали, Гринвилль находился достаточно далеко, чтобы ее мама успела доехать обратно до последнего звонка.

После обеда, классные комнаты были полупустыми.

В классе истории, у миссис Стаки также была интерактивная доска. На экране промелькнула надпись «Срочные новости», появился ведущий с нахмуренными глазами.

— Я Брайан Дженкинс, и добро пожаловать в СДК (Силы для Косово). Мы только что получили сообщение, что первые случаи неизвестного вируса были обнаружены на американской земле. Сообщается, что в аэропортах Атланты и Нью-Йорка происходят беспорядки, инфицированные нападают путешественников в терминалах.

— Нет, Господи, нет, — сказала миссис Стаки, закрывая рукой рот. Не заботься о

последствиях, все вытащили свои телефоны и начали набирать сообщения. Некоторые даже звонили, крича на родителей о новостях.

Я написала папе.

«Пожалуйста, скажи, что ты уже едешь».

«Да. Забираю сестренку с подготовительной школы. Скоро буду. Держись»

Я убрала телефон. Хлоя кусала губу, печатая что-то на телефоне.

— Если мой папа доберется сюда раньше твоей мамы, ты можешь поехать с нами.

Она покачала головой.

— Я не могу поехать в Андерсон. Мама будет волноваться.

— Может быть, мы могли бы отвезти тебя домой?

Хлоя нахмурилась, глядя на свой телефон.

— Она приедет.

К следующему уроку, Хлоя и я были двумя из шести детей в классе испанского. Зашел семиклассник и передал миссис Холл несколько листков бумаги. С тяжелым взглядом, она посмотрела на полупустой класс.

— Коул, Таннер, Амелия, Аддисон, и Дженна, приехали ваши родители, чтобы забрать вас.

Все, кроме меня кинулись собирать свои вещи, и бросились к двери. Хлоя помахала мне на прощание.

— Я напишу тебе позже. Уверена, что не хочешь поехать с нами? — спросила я.

Она покачала головой, и на ее лице растянулась я притворная улыбка.

— Я буду ждать маму. Поезжай. Бьюсь об заклад, Хэлли волнуется в машине.

— Хорошо. Напиши мне, как только она заберет тебя.

— Оки-доки, — ответила она, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

Я не остановилась у своего шкафчика. Хлоя была права. Если папа зайдет в школу за мной, Хэлли останется в машине одна и скорее всего, доведет себя до иступления.

Папа был в форме и держал фуражку под мышкой. Это был первый раз, когда он пришел забрать меня в парадной форме, и на мгновение, он заставил меня забыть, зачем он приехал так рано.

— Ух ты! — промолвила я.

Он выглядел как солдат, а не пожарный.

— Пошли, — отвели папа. Он вывел меня через двери и ступеньки, положив руки на мое плечо.

Двигатель Его белого Шевроле Тахо был на ходу, окна были закрыты, когда мы дошли до машины на припаркованной линии. Хэлли вообще не запаниковала, когда я открыла переднюю дверь. Она сидела позади меня в середине в одном из капитанских кресел, с затянутым ремнем безопасности и плотно сложив руки на коленях. Задние нераздельные сиденья были полны бутылками воды и несколькими полными белыми пластиковыми пакетами консервных банок.

Забравшись на свое место, я положила учебник и папку на приборную панель.

— Привет, Хэлли, — поздоровалась я, стараясь казаться веселой. Я повернулась, чтобы коротко ей улыбнуться, прежде чем пристегнуться.

Папа вскочил на сиденье и переключил скорость на приводе. Отъезжая от тротуара, он спросил,

— Ты пристегнулась, Pop Can (банка газировки/содовой)?

Он обращался не ко мне. Один из пожарных однажды сказал, что Хэлли выглядит не больше чем банка газировки, и это прозвище привязалось к ней. Она родилась на пять недель раньше, и была довольно маленькой для своих лет. Она носила детские вещи даже в садике. Папа был на полтора сантиметра ниже мамы, так что мы всегда дразнили Хэлли, что она миниатюрная, как и он.

Хэлли пристегнула ремень, а затем вытерла нос тыльной стороной ладони.

Папа быстро завернул за угол, и мое плечо ударилось о дверь.

— Прости. Я пытаюсь выбраться из города. Как прошел твой день? — спросил папа с оттенком нервозности в голосе.

Я подняла бровь.

— Что случилось с Хэлли? Почему она такая тихая?

— Из-за новостей в школу набежали родители. Она все еще расстроена, — он не сводил глаз с дороги.

— Ты сказал маме, что забираешь нас рано?

— Позвонил в больницу. Не смог дозвониться.

— На сотовый не звонил? — спросила я.

Он скорчил кислую рожу.

— Она не любит мои звонки на сотовый, когда она на работе. Она сказала, что можно звонить только при чрезвычайных ситуациях.

— Эпидемия не является чрезвычайной ситуацией?

— Если я позвоню ей на мобильник, она подумает, что что-то случилось с одной из вас. Я не собираюсь пугать ее. Ваша бабушка позвонила ей, и сказала, мама в операционной. Я уверен, что она позвонит, когда она сможет.

Я вытащила свой телефон и начала набирать текст.

— Что ты делаешь? — оборвал меня папа.

— Я, по крайней мере, собираюсь дать ей понять, где мы находимся и что мы в порядке.

— Убери телефон, Дженна. Я сказал, что она в операционной. Я не хочу потом выслушивать выговор от нее.

— Она сказала, я могу писать ей, если произошло что-то важное.

— Вы хотите, чтобы она подумала, что с вами что-то случилось?

Я фыркнула и посмотрела в окно. Я смотрела на здания, рассыпанные по полю, пока не остались одни только сельскохозяйственные угодья и заводы. Мы проехали через федеральную автостраду к платной дороге, и я уже собиралась спросить папу, куда он собрался, но мне не понадобилось много времени, чтобы выяснить куда. Движение и к северу и к югу от трассы I-35 по-прежнему продолжалось, но я раньше никогда не видела, чтобы она настолько была перегружена. Вероятно, папа решил поехать в Андерсон с юга по старому шоссе Темптон.

Через пятнадцать минут, папа повернул на север, подтверждая мои подозрения. Еще через пятнадцать минут, мы были в пределах города Андерсон. Мы проехали школу и бейсбольное поле, выставочный комплекс, затем в центре города.

— Куда мы идем? — спросила я.

Я оглянулась на Хэлли. Она до сих пор не сказала ни слова, что было совсем ненормальным. Она, как правило, с трудом переводила дыхание, когда мы были в машине, борясь за эфирное время.

— В Оружейную Палату, — ответил он.

— Все же едем? — спросила я, — надеялась, мы поедem домой смотреть новости.

— Почему ты думаешь, я выключил радио? — ответил он вопросом, — это не очень хорошая идея.

Он заглянул в зеркало заднего вида и подмигнул Хэлли.

— Не нужно пугать сестру.

— Она уже напугана.

Он завернул прямо на северо-восточный угол города. Парковочные места окружающих зданий почти полностью были заполнены за три квартала до Оружейной. Бессистемная парковка и занятые места выглядели как на ярмарочной неделе, но мы были не в той части города, где она проводилась.

— Так много машин, — проговорила я.

— Намного больше, чем когда я уезжал, — сказал папа.

— Все эти люди приехали в Оружейную, только потому, что они думают, что безопаснее находиться рядом с губернатором Беллмоном, да?

— Он позвонил в Национальную гвардию, для того, чтобы быть в безопасности, — сказал папа, — они скоро должны быть здесь.

— Не уверена, успокаивает эта новость или нет.

Папа похлопал меня по ноге.

— Это просто мера предосторожности. Я не позволю чему-нибудь случиться с вами. Слышишь, Хэлли? Ты с папой. Не о чем беспокоиться.

Хэлли не ответила.

Папа нашел место для парковки, и мы, взяв Хэлли за руки, пересекли оживленную улицу. Казалось, вся округа собралась на Оружейной. Папа повел нас туда через черный ход, и мы нашли группу пожарных, которые выглядели официально своих формах. Папа присоединился к ним, теряясь среди них.

— Привет, малыш, — сказал Джейсон Снид, подмигнув. Он был молодым и очаровательным блондином с голубыми глазами.

Я была влюблен в него, с тех пор как мне было четыре. Однажды я даже сказала ему, что в один прекрасный день я собираюсь выйти за него замуж, и я верила в это, пока он не женился два года спустя.

— Привет, — ответила я.

— Вы все в порядке? — тихо спросил он.

— Пока, ничего. Слышно что-нибудь новое?

— Вирус распространяется вдоль восточного побережья. Но мы находимся в середине ничего. Ничто не заходит так далеко. Военные сдерживают его. Губернатор Беллмон находится в контакте с некоторыми сенаторами США, и они держатся уверенно.

— Он всегда так говорит, — проворчала я.

Джейсон сузил глаза, но его улыбка выдала его.

— Так молода, и уже так цинична.

Губернатор поднялся на импровизированную сцену в центре комнаты, говоря утешительные слова в микрофон, люди кричали свои вопросы и проблемы.

— Я слышу, что вы говорите. Я не прошу вас не волноваться. Такие слова, как эпидемия и пандемия в настоящее время вызывают вокруг беспокойство. Но мы здесь в безопасности, и это то, на чем мы должны сосредоточиться сейчас. Паника ничего не решит.

— Это террористы? — кто-то крикнул.

— Нет, — ответил губернатор, — сказали, что это — вирус.

— Какой вирус? — спросил еще кто-то.

— Мы еще не уверены, — ответил губернатор Беллмон.

Он был честен. Мне нравилось это в нем.

— Появились случаи заражения в Миссисипи, — сказал какой-то мужчина, держа в руках телефон.

Толпа взорвалась, губернатор наклонился и прошептал что-то на ухо человеку. Он был одет в костюм, и он кивнул, прежде чем немедленно покинуть сцену. Он подошел к Тому, начальнику пожарной, в 30 сантиметрах от места, где мы стояли. Том внимательно выслушал человека в костюме, а затем махнул своим людям, созывая их приблизиться.

— Губернатор распорядился собрать воду и запасы продуктов. Вступаем в режим стихийных бедствий, ребята. Я знаю, что большинство из вас пришли для фотосессии, но пора за работу. Пойдемте.

Мужчины кивнули и повернули к черному ходу. Папа огляделся вокруг и поймал Тома, пока тот шел к начальнику полиции и мэру.

— Том, мои девочки здесь, — сказал папа.

Том посмотрел на меня и Хэлли, а затем кивнул, давая папе негласное разрешение остаться, прежде чем пойти дальше.

— И что теперь? — спросила я.

— Ждем ребят, пока они не вернуться, и поможем чем можем.

Он наклонился и прошептал мне на ухо:

— Сделай мне одолжение, Дженна. Не трогай свой телефон. Не хочу, чтобы какая-нибудь информация в новостях напугала твою сестру.

Я чувствовал, что маленькая рука сжала мою. Я опустилась на колени рядом с Хэлли. Ее светлые волосы были в ужасном беспорядке, как всегда было после школы. Ее одежда не сочеталась, и ее серая верстовая куртка была привязана на талии. Она отодвинула вверх свои очки в черной оправе, ее ледяные голубые глаза блестели.

Мы не могли не выглядеть настолько разными Хэлли с ее светло-голубыми глазами и крохотным телосложением, и я с медово-коричневой радужкой и каштановыми волосами. Я всегда была спортивной, всегда выходила за границы, боролась за независимость, даже когда я была маленькой. Хэлли всегда казалась такой хрупкой.

Как будто услышав мои мысли и воплощая их, она выдала следующее:

— Я хочу к маме.

— Бьюсь об заклад, она приедет сюда, как только она закончит работу. Она тоже хочет быть здесь, с нами, — сказал я.

Хэлли покачала головой.

— Она не приедет сюда, Дженна. Она пойдет на наше место.

— В Красный Холм? Только если случится что-то плохое, глупышка.

Хэлли оглядела помещение, полное в испуганных людей.

— Все плохо, Дженна.

Я встала и потянула ее на себя.

Бетонные стены и полы Оружейной казались намного меньше, чем тогда, когда я была здесь в день для посещений Национальной гвардии год назад. Это был просто один гигантский зал, но даже тогда с огромными военными транспортными средствами, припаркованными внутри, пространство казалось больше. Теперь, все транспортные средства были на улице, но было так много людей, из-за этого у меня немного разразилась клаустрофобия. Тем не менее, как сообщали по новостям ситуация ухудшилась и новость, о том, что губернатор пребывал в Андерсоне, привлекала все больше людей к старому кирпичному дому.

Папа помогал другим пожарным передавать воду и одеяла, и они также подключили все вентиляторы к каждой розетке, которые смогли найти. Губернатор Беллмон стоял на сцене, выступая со словами утешения, временами, вытирая капающий пот со лба. Он выглядел как проповедник Судного дня, во время уличного возрождения, только мы были забиты внутри захудалого здания, который был старше моего отца.

Я не могла себе представить, как тяжело нести ответственность за сохранение спокойствия такого количества людей в такой пугающей ситуации. Я была рада, что это был он, а не я.

— Я не могу дышать, — сказала Хэлли.

Из-за влажности кожи, ее очки часто опускались до носа так, что она всегда толкала их на макушку, как мама делала с солнцезащитными очками. Когда она попыталась сосредоточиться, ее левый глаз поворачивался вовнутрь.

Я вытерла ее по нос своей блузкой и опустила очки на место.

— Твой глаз не слушается, — сказала я, подмигнув.

Родившись раньше срока, Хэлли много болела в младенчестве. Мама часто говорила, что ее раннее появление на свет объясняет, почему она — единственный человек в нашей семье, который носит очки и почему она меньше других в классе. Мама настаивала на том, что Хэлли была сильнее любого из нас, и определенно, никогда не будет комплексовать о своем ленивом глазе. Конечно, мама говорила так, пока нянчилась с Хэлли. Но когда упоминали ее очки или ленивый глаз, мы редко акцентировали на этом внимание, и если и мы делали то, только чтобы объявить, что, как странно было то, что один из ее одноклассников заметил это. И вместо этого мы называли его чокнутым глазом.

Хэлли выпучила губы.

— Я хочу есть.

Я привела ее к столу с корзинами полными закусками. Я взяла четыре маленькие пачки чипсов и положила четыре бутылки воды в рюкзак Хэлли. Мы пошли вместе через шаткие деревянные двери в травянистый двор, окруженный высоким забором, который выглядел зловеще с колючей проволокой сверху. Несколько ржавые Хаммеры и военные грузовики были припаркованы там. Я даже заметила танк и была уверена, что он предназначен только для вида.

Некоторые горожане стояли вместе, обсуждая теории о происхождении вируса и делая звонки. Хэлли выбрала место в углу двора, и мы сели в траву, уже зеленую из-за переизбытка весеннего дождя.

Я уже подумывала написать Хлое, Хэлли вскочила:

— Мои штаны промокли!

Я вскочила, проверила на наличие влажности на брюках. Я вздохнула.

— Прости. Я найду что-нибудь для нас, куда мы можем сесть.

Я вернулась в Оружейную и нашла несколько пластиковых скатертей. Я взяла одну и оторвала его зубами, и присоединилась к Хэлли снаружи.

— Вот, — сказала я, кладя кусок на землю. — Наш собственный маленький пикник.

— Мне холодно, — скулила Хэлли.

— Это охлаждение, — согласилась я, — ты вспотела внутри. Из-за этого мерзнешь быстрее.

Она развязала рукава куртки, обернутой вокруг ее талии и надела ее.

— Из-за пота? — спросила она в замешательстве.

Я пожала плечами и застегнула куртку.

— В этом весь смысл.

Хэлли жевала свои чипсы, пока мы смотрели, как еще больше транспортных средств съезжают по шестой улице. Водители, казалось, искали места для парковки.

— Почему так много людей приезжает сюда?

— Наверное, потому, что губернатор здесь, и они думают, что это должно быть безопасным.

— А это действительно так?

— Я не знаю, — ответила я. — Копы и пожарные здесь, и Национальная гвардия едет. Я бы сказал, что больше безопасно, чем нет.

Это немного успокоило Хэлли, но это длилось всего несколько секунд, прежде чем она снова нахмурилась.

— Хочу к маме.

Я сжала губы:

— Я тоже.

Несколько молодых людей в камуфляжной форме пришли через деревянную дверь и вышли во двор, крича людям, чтобы они вернулись обратно в Оружейную. Я схватила Хэлли и потянула с пути прежде, чем завернуть нашу скатерть и все, что было на ней его в свой рюкзак.

Папа кричал наши имена внутри, а затем он появился, бросаясь к нам.

— Где вы были? — сказал он сердито.

— Хэлли была голодна, — сказала я.

Его внимание уже было обращено на мужчин. Некоторые из них запускали Хаммеры, и другие открывали большие ворота в конце двора.

— Что они делают? — спросила я.

Папа отвернулся от Хэлли и тихо проговорил:

— Есть сообщения о вирусе в нашем штате. Национальная гвардия не придет. Губернатор дал этим ребятам разрешение вывезти военную технику на дороги, ведущие в город и обратно, чтобы убедиться, что никто из зараженных проберется внутрь.

Женщины и дети начали плакать. Стало гораздо громче, когда Хаммеры вышли за ворота, и молодые люди приковали его цепями и закрыли снова. Другие бросились к собственным грузовикам, направляясь к шоссе, ведущих из города.

— Ты уже позвонил маме? — спросила я, — Что с мамой? Ты сказал им позволить ей заехать внутрь?

Папа разговаривал с Томом о чем-то серьезном.

— Пап? Папа!

— Не сейчас, Дженна.

— Ты говорил с мамой? — добавила я безжалостно.

Он прервал свой разговор, выдохнул, но разочарованно вздохнул и покачал головой.

— Ваша бабушка сказала, что она говорила с ней ранее. Она все еще была в операционной. Она занята.

Я вытащила свой телефон. Уже давно было пора ей закончить работу. Хлоя уехала из школы час назад, и ничего мне не написала.

— Я звоню ей.

— Дженна, не смей!

— Я звоню ей!

Хэлли подняла очки и вытерла глаза, прежде чем посмотреть меня. Я коснулась экрана, а затем поднесла телефон к уху. Через динамик пробилось несколько «бип-бип». Я попробовала еще раз.

— Не можешь дозвониться? — спросил папа, не в силах скрыть тревогу в голосе.

После того, как снова прозвучало «бип-бип», я нажала на отмену вызова.

— Ты должен был позволить мне попробовать раньше!

— Дженна, успокойся, — сказал отец.

Я пыталась написать Хлое. Прошла минута, а затем выскочил красный значок рядом с моим сообщением, показывая, что оно не отправилось. После мгновенного момента паники, я заметила обеспокоенный взгляд на лице Хэлли, так что я проглотила свой страх.

Папа положил свою руку на мое плечо.

— Она будет здесь, Дженна. Это первое место, куда она направится, когда она закончит работу в больнице.

Я потянула Хэлли на себя.

— Слышишь? Мы увидим ее через час или два.

Хэлли уткнулась лбом на мой живот и покачала головой.

Я опустила на колени, ожидая, пока Хэлли не посмотрит на меня.

— Она будет здесь, и она не позволит чему-нибудь остановить ее.

Хэлли обняла меня, и папа обнял нас обоих, прежде чем уговорить нас уйти обратно в здание. Сразу почувствовался горячий и застывший воздух. Напряжения не поубавилось, и Хэлли тоже чувствовала это. Что-то перевернулось моей в груди, когда она крепко сжала мою руку.

Губернатор вытер лоб платком, а потом засунул его обратно в нагрудный карман.

— У нас есть три десятка людей на патруле. Они опытные охотники и стрелки. Будьте уверены, что Андерсон заблокирован.

— У меня семья, которая пытается попасть домой! — кричала женщина.

После больших криков, губернатор приказал всем успокоиться.

— Инфекция распространилась в нашем штате. Если они не заражены, то им разрешено войти. Но я слышал, что автомагистраль между штатами уже закрыта.

Толпа снова взорвалась.

Я кликнула на телефоне, чтобы проверить время. Мама должна быть на полпути в Андерсон в настоящее время.

Шум со двора прервал крики граждан внутри. Несколько человек бросились смотреть,

что это было, а затем стали кричать еще громче. Дверь осталась открытой, и ряд появляющихся шумов, как фейерверк, покатился вниз по дороге.

— Оставайтесь здесь, — сказал папа, оставляя нас внутри, прежде чем выйти во двор.

— Что это?

— Это стрельба?

— Ребята стреляют!

— Во что они стреляют?

Плачущие собрались вместе и образовали симфонию страха и тоски. Внутри здания было душно и снаружи холодно. Солнце уже почти село, и я знала, что будет только холоднее.

— Пап? — сказала я, когда он вернулся. — Мы должны оставаться здесь?

— Шеф хочет, чтобы оставались здесь, пока люди хотят остаться.

— Я не взяла собой пальто.

— У вас дома есть, — он похлопал меня по спине, глядя мимо меня с опаской, как-бы сканируя двор.

— У Хэлли есть только куртка. Может быть, мы должны поехать домой и взять некоторые из наших вещей?

Он кивнул:

— Мы поедem.

— Я не хочу провести здесь ночь.

— Я тоже, — всхлипнула Хэлли.

Папа оглядел комнату.

— Люди заболевают быстро. Вероятно, это не очень хорошая идея оставаться здесь со всеми этими людьми.

Я согласилась.

— Том, — папа позвал своего начальника.

Том протолкнулся через несколько человек, чтобы добраться до нас. Он всегда казался довольно лишенным эмоций, за исключением случайного смешка. Его голос был монотонным, но глаза были доброжелательными. Он был не ниже моего отца, с его ростом в 172 см, но, будучи главным, он не был устрашающим. Хотя в тот момент страх блестел в его глазах.

— Есть новости от ваших девочек? — спросил папа.

Том покачал головой, выглядя немного потерянным:

— Нет, — вздохнул он. — Телефон Конни перестал работать около часа назад. Они обе пытаются добраться домой из колледжа, и они едут автомагистрали. Я сказал им, что это самый быстрый маршрут до дома приходит через Гринвилль.

Папа нахмурился.

— Они вместе?

— Всегда.

— Они позаботятся друг о друге, — сказал папа, взглянув на Хэлли и меня.

Том выразил признательность и огляделся.

— Эта группа людей не собирается оставаться спокойным надолго. Нам нужен каждый готовый, помочь полиции, когда начнется паника.

— Я хотел поговорить с вами об этом. Я надеялся взять девочек домой. Может быть, мы должны поручить всем идти домой. Это, кажется, не безопасно, держать всех вместе, когда

как инфекция быстро распространяется.

— Я сказал то же самое, — сказал Том тихо. — Губернатор поручил полиции, держать всех здесь. Они просто вышли на улицу, чтобы взять свои винтовки и снаряжение.

— Боже, все станет еще хуже.

— Я знаю это. Они знают это. Губернатор просто делает лучшее, что может, и они выполняют приказы.

— Что, черт возьми, губернатор знает о борьбе с беспорядками? — проворчал папа.

Том положил руку на плечо отца:

— Ни черта!

Папа застыл.

— Они не могут заставить нас остаться здесь.

— Не думаю, что они будут стрелять, но ты должны остаться, Энди. Это наша работа помогать людям.

— Я отец в первую очередь, Том.

Том посмотрел на меня и Хэлли с сочувствием:

— Нам всем есть что делать. Делай то, что считаешь правильным.

Он отошел, и папа смотрел на него, сжимая челюсти.

Я проверила телефон снова, уже в который раз ожидая увидеть какие-либо сообщения от мамы или Хлои. Ничего.

— Она почти здесь? — спросила Хэлли.

— Почти, — сказала я, не уверенная, говорю ли я правду.

У входа в Оружейную послышался писк тормозов военного грузовика, а затем все больше людей прошли через передние двери.

— Они подвозят людей? — спросил Хэлли.

Один из военных пробился вперед, и его испуганные жена и сыновья пошли за ним.

— Иди назад! — проворчал отец, потянув свою жену и детей под руки.

— Я не уверена, что они подвозят кого-то, — ответила я.

— Мой бог, как жарко, ужасно жарко, — произнесла женщина рядом, вытирая лоб маленького сына. Ее длинные косы были собраны в пучок на макушке, и она переложила красное пальто сына на другую руку.

— Я хочу домой, мамочка, — сказал мальчик, с пальцем у рта.

— Я знаю, малыш. Я тоже, — ее глаза стали ярче, когда она увидела Хэлли. — Смотри там маленькая девочка. Может быть, она поиграет чух-чух с тобой.

Она подошла к нам.

— Всем привет.

— Привет, — поздоровалась Хэлли.

Одной рукой, мальчик держался за ноги своей матери. Его волосы были недавно подстрижены, и его гладкая темная кожа разительно контрастировала с его белой футболкой. Он выглядел лет на четыре или пять.

Мать убрала его другую руку от губ.

— Что ты скажешь, сынок?

Он протянул руку:

— Я — Тобин. Приятно познакомиться!

Хэлли посмотрела на меня. Палец Тобина все еще блестел от слюны.

Хэлли собирала крошечные бутылочки дезинфицирующих средств для рук, не потому,

что это был новый предмет в школе. Она начала моду. Хэлли не только была гермофобом (человек, одержимый чистотой, убивая бактерии), но и жутко запасливой. Папа даже окрестили ее второй рюкзак — М.Х. - мешок хлама. Она хранила там крошечные игрушки из хэппи мила из Макдональдс, старый фотоаппарат, калькулятор, который уже давно не работал, три или четыре блокнота и несколько ручек и случайные предметы, которые она собрала из игрушечных автоматов в магазинах или ресторанах. Однажды, я даже нашла засохший флакон лака для ногтей, который был явно старше ее самой.

— Ужас! — сказала мать, посмеиваясь. Она взяла дезинфицирующую салфетку из маленького рюкзака Тобина и вытерла его пальцы и ладони.

Хэлли подождала несколько секунд, пока его рука не высохла, а затем пожалала:

— Хэлли.

Мальчик сорвал рюкзак и сел на пол, прежде чем вытащить маленькие автомобили и несколько миниатюрных поездов. Хэлли села рядом с ним и наблюдала за мгновение, прежде чем присоединиться. Она была вдвое старше его, но она по-прежнему любила хорошую компанию для игр.

— Я — Тавия, — сказала женщина, скрестив руки на животе, поглядывая, как играют маленькие дети.

— Дженна, — уверена, что улыбка вышла неловкой. Было странно вести обычный разговор, в то время как Оружейная превращалась лагерь для интернированных (принудительное задержание граждан).

— Ты в порядке? — спросила Тавия.

— Сегодня довольно сложный день, — ответила я.

Она улыбнулась моей честности.

— Где ваши родители? — она вытерла лоб тыльной стороной ладони.

— Папа там, — бросила я, указывая головой в его сторону. Он помогал своему товарищу собрать медикаменты в углу комнаты. — Мама работает в Бишопе. Она уже едет сюда.

— Оу, — сказала она, обеспокоено. — Мой брат тоже в пути сюда. Хотя я не слышала от него уже несколько часов. Я слышала, что на дорогах ужасные пробки. Слышала про это? — спросила она.

— Да.

— Должна признаться, — сказала Тавия, не повышая голос, — я знала, что твой папа один из пожарных. Подумала, что ты, возможно, услышала что-то полезное.

— Знаю, что трассу I-35 закрыли, и полиция хочет, чтобы мы оставались здесь.

Когда я произнесла эти слова, несколько человек в защитном снаряжении зашли через большие двойные двери, держа полуавтоматические винтовки. Коллективный вздох прошел от входа, где мы стояли, и толпа снова начала паниковать.

Губернатор Беллмон стоял на выступе.

— Теперь, это просто мера предосторожности. Эмоции накалены. Скоро потемнеет. Мы хотим убедиться, что все защитные механизмы на месте, прежде чем солнце сядет. Вот и все. Все, постарайтесь сохранять спокойствие.

Тавия нервно засмеялась:

— Сохранять спокойствие? Этот человек совсем чокнулся.

— Сейчас напряженное время. Он просто делает все, что в его силах, — отрезал мужчина.

Тавия обернулась:

— Я не говорю, что он не делает. Он всегда заботился о нашем штате. Но он должен позволить делать все возможное у нас дома. Я так считаю.

Уголки моих губ поднялись. Мне она нравилась.

— Солнце сядет в ближайшее время, — Хэлли толкнула вверх свои очки, посмотрев на меня.

Тобин стукнул вагон в нее, делая вид, что водитель или пассажиры или кто-то еще тихо кричали.

— Они привезли фонарики и свечи, — сказала я.

Тавия откинулась, чтобы получить лучший обзор на дальнюю стену:

— Я вижу несколько высоких фонарей там. Я бы сказал, что они подготовились, по крайней мере, на ночь.

— Мы остаемся здесь? — спросила Хэлли, ее голос повысился на октаву. — Я не хочу оставаться здесь.

Тавия наклонилась.

— Я тоже, но я уверена, что это только на одну ночь. Они разберутся в этом беспорядке, а затем мы все можем идти домой.

Я была рад, Тавия ответила за меня. Хэлли часто задавала много вопросов, на которые у меня не было ответов. Хотя я не жаловалась. Ни мама, ни папа не знали ответы на все вопросы.

Я посмотрела на папу. В тот момент, он случайно взглянул, чтобы проверить нас, и наши глаза встретились. Он пытался скрыть это, но я видел, что это был один из тех времен, когда он не знал ответ. Я подумала, знал ли кто-нибудь.

Я только начала успокаиваться, так кто-то начал стучаться в двери. Несколько полицейских ослабили цепи, которые они закрутили вокруг ручек двери час назад.

Ворвался пожилой мужчина в камуфляжной форме:

— Они... они убили их! Тупые сукины сыновья застрелили их всех.

Люди начали задыхаться и начали плакать.

— Кто? — спросил главный полицейский, стоящий между мужчиной и толпой.

— Эти идиоты, охраняющие переезд! Они застрелил грузовик и всю семью, которая пыталась пройти...

— Какую семью? — спросил кто-то.

Началась нервная беседа.

— Я не знаю. Я пытался остановить их. Я пытался остановить их! — сказал мужчина. Он начал плакать. — Люди застряли в пробке... они вышли из своих машин и пытались бежать в Андерсон. Эти ребята застрелили всех! Они все мертвы! Мужчины... Женщины... дети... они стреляли во всех, кто двигался.

Вопли и крики стали громче.

— Что нам делать?

— Почему они это сделали?

— Инфекция добралась сюда?

— Да! Инфекция здесь! Они просто не могли стрелять в невинных людей!

— Нет! Нет! — сказал старик. — Они не были заражены!

— Вы не можете этого знать, — сказал губернатор Беллмон, с подиума. — Давайте думать, что они успешно защитили нас. Пожалуйста! Пожалуйста, успокойтесь!

— Защитили нас? Что если эти люди были нашими семьями, которые пытались добраться до дома? — кричал мужчина.

Женщина закричала, и кулаки поднимались в воздух, люди требовали ответов.

— Мы не можем уйти! — кричал губернатор. — Мы не знаем всех причин случившегося, но мы знаем, там убивают людей. Если вы хотите жить, вы должны остаться здесь! — он собрался, а затем проговорил более мягко, — Мы все знаем, что это. Мы должны держаться вместе.

Паника и рыдания затихли, уступая место хныкающим и жужжащим разговорам.

Подожел папа и встал на колени рядом с Хэлли.

— Все в порядке, Pop can?

Он звал ее так только, когда пытался поднять настроение. Она этого еще не понимала, но я догадалась сразу после развода. Папа вел себя чрезмерно странно, когда он пытался быть папой. Было естественнее для него быть просто пожарным.

Хэлли шмыгала носом.

Папа заметил Тавию и Тобина, когда он встал.

— Мой сын хотел поиграть с вашей дочкой. Надеюсь, что все в порядке.

— Да, — сказал папа, пренебрежительно махнув. — Спасибо, ей тоже нужно отвлекаться.

— Я — Тавия. Это — Тобин, — сказала она, не обращая внимания, что ее сына не заботило знакомство.

— Андю, — сказал папа, пожимая руку. Седина его каштановых волос у уха как раз

выбилась на свет. В тот момент, он выглядел намного старше, или, может быть, это было от бремени страха, что он нес.

Вежливая улыбка Тавии исчезла:

— Он не прав, имею в виду губернатора. Это не безопасно держать так много людей внутри здания с двумя выходами. Если что-то идет не так...

— Все будет хорошо, — сказал папа, глядя на Хэлли и меня.

Тавия проигнорировала его.

— Ваши девочки заметят. Если что-то уродливое войдет через те двери, и мы все пытаемся протиснуться в другой, они заметят. Нет смысла удерживать ее от них, когда все просто идет вниз по улице.

Папа сделал шаг по направлению к ней.

— Вы слышали Беллмона. Он сказал оставаться здесь, и департамент полиции будет обеспечивать исполнение его приказа.

Тавия переставила свои приоритеты. Она была не из тех, кто отступает. Это напомнило мне о сотнях ссорах папы и мамы за власть. Именно поэтому они развелись. Она никогда не позволяла ему победить, даже когда это не имело значения. Он всегда говорил, что нужно принадлежать особому типу людей, чтобы жениться на рыжей. Он, как оказалось, не был одним из них. В те дни, когда я теряла нить одной из тирад мамы, я не могла обвинить его, когда он перестал пытаться.

— У меня есть сын, — прошипела Тавия. — Когда дело доходит до его безопасности, я не слушаю ничьих приказов. Беллмон боится, и он принимает необдуманные решения.

— Это не имеет значения. Вся полиция находится под его руководством. Мы остаемся.

— Вы знаете, что он неправ. Я вижу это на вашем лице. Я видела это на вашем лице каждый раз, когда вы смотрели на ваших девочек. Посмотрите на них, и скажите мне, они в безопасности.

— Говорите тише, — зарычал папа.

Тавия откинулся назад, давая папе достаточное пространство. Она выдохнула через нос.

— Мы можем ускользнуть после наступления темноты.

— Это самое худшее время для поездки.

— Я живу за продуктовым магазином на главной улице, — сказала она.

Папа покачал головой: — Это на полпути через весь город!

— Ну, где живете вы?

Папа посмотрел на меня и Хэлли, а затем вниз на Тобина.

— В двух с половиной кварталах к югу, — Тавия начала говорить, но папа перебил, — Один из этих кварталов парк, так что больше похоже на пять или шесть.

— Мы можем сделать это, — сказала Тавия, — Мы можем проскользнуть сразу после наступления темноты и спрятаться в вашем доме, как мы делаем здесь, но это было бы безопаснее, до наступления дня.

— Я даже не знаю, — сказал папа. — Почему я должен слушать вас?

— Потому что я родитель с малышом — как и вы. Беллмон не несет ответственности за наших детей, Эндрю. Мы несем.

— Здесь больше продовольствия, — прошептал папа.

Я видела в его глазах, что он рассматривает эту идею. Мне понравился план Тавии, но я бы не рискнула высказаться. Если ребенок соглашается, значит, план автоматически становится слабым.

— Здесь так же больше людей. Подумайте о самом худшем сценарии. Ты хочешь быть здесь, пытаешься выбраться, когда все пойдет к чертям? Уверена, что нет.

Папа осмотрелся вокруг, размышляя. Ему не нужно много времени принять решение.

— У нас есть час, прежде чем будет достаточно темно, чтобы попробовать, — его взгляд упал на меня. — Мы по очереди приглядываем за маленькими, в то время как каждый из нас собирает запасы. Я пойду за лекарствами. Тавия, вы берете еду. Дженна, ты несешь воду и два одеяла, на случай если мы не доберемся до дома.

Тавия и я кивнули.

Папа тоже.

— Я вернусь, прежде чем кто-нибудь заподозрит что-то. Ведите себя естественно.

Тавия положила руку мне на плечо и вздохнула, когда папа ушел. Она закрыла глаза и прошептала молитву. Затем она посмотрела на меня сверху вниз.

— Твой отец умнее, чем я и думала.

— Большую часть времени.

Он не всегда был достоин премии Отец года, но я верила, что отведет нас в безопасное место. Он быстро думал, справлялся практически со всем, и имел приличную цель. Он даже как-то раз сделал мне пристеночный стол. Когда мне было девять лет, я случайно упала на него, и он даже не шевельнулся. Если он делал что-то, то делал это хорошо. Мама даже призналась однажды, что она скучает по этому. Это, казалось, было единственным его качеством, которое она смогла оценить. Она позволяла ему заботиться о вещах, и он будет заботиться о нас.

— Уже темно, — сказала я, закрутив одеяло и жестом указывая Галле взять его в подмышку.

— Ну и что? — спросила она.

— Я собираюсь рассказать тебе секрет, и ты не должна говорить об этом кому-нибудь. Хорошо?

Она кивнула, уже уверенная, что ей не понравится то, что я скажу.

— Папа собирается отвезти нас домой.

— Но губернатор..., - сказала она.

Я шикнула на ее.

— Тавия и Тобин тоже идут с нами.

Хэлли выпучила глаза:

— Она, что его новая подружка?

— Нет, нет, она просто друг. Они думают, что это будет безопаснее, если мы поедем в дом отца. Мама тоже туда поедет, когда попадает в город.

Она нахмурилась, но согласилась.

Я наклонилась, чтобы прошептать ей на ухо:

— Ты должна держать это в секрете, Хэлли. Мы собираемся улизнуть. Нам нельзя уходить отсюда.

— Они будут в нас стрелять? — спросила Хэлли. Она всегда была той еще актрисой, но сейчас действительно было страшно.

Я покачала головой, делая вид, что не услышала беспокойство в ее голосе.

— Ни в коем случае, сумасшедшие брюки.

Хэлли рассмеялась и закатила глаза. Когда она отвернулась, я сглотнула.

Что если выстрелы, которые мы слышали, были от тех так называемых солдат стреляющих в людей, которые бродили там? Что делать, если они стреляли в маму? Я покачала головой, прогоняя эти мысли, прочь из головы.

Уже несколько человек охарактеризовали маму как «*плохой парень*». Никто и ничто не остановит ее, пока она не доберется до нас. Если она захочет, она найдет способ.

— Это одеяло, которое ты должна держать, — сказала я, протягивая плотно свернутое шерстяное одеяло.

— Я не хочу держать. Сама держи его, — поскулила Хэлли.

— Я держу другую и плюс твою руку.

Она поджала губы.

— Хэлли, это важно. Ты должна держать его, и ты не должна привлекать внимание.

Она наклонилась ко мне:

— Мне нужно в туалет.

Я вздохнула:

— Ты ходила.

— Я нервничаю, — призналась она.

Я поцеловала ее в лоб. — Я тоже. Мы пойдем, как только мы доберемся домой, к папе. Это не далеко, я обещаю.

— Но мне нужно, — снова повторила Хэлли, с отчаянием в голосе.

Я посмотрел на папу: — Мы пока не можем идти, — прошептала я ему.

— Что? Почему?

— Хэлли хочет пойти в туалет.

— Снова?

— Она нервничает, — объяснила я.

Он разочарованно вздохнул. — Своди ее. Торопитесь. Одна нога там, другая здесь.

Я потянула Хэлли.

— Туалет там, — указала она, сопротивляясь с каждым шагом.

— Там только один туалет, Хэлли, и там очередь. Мы выйдем на улицу.

— Что? Я не собираюсь писать на улице! — прошипела она.

Я заставила выйти ее за дверь и повела в темный угол двора. — Хэлли, — проворчал я, — Вот. Садись.

— Нет!

— У нас нет на это времени! — сказала я.

Наши голоса были не громче шепота. Мы всегда ругались достаточно тихо, чтобы никто не мог слышать нас.

Хэлли нахмурилась, поджала губы. — Это. Не. Несправедливо, — сказала она, расстегивая джинсы.

— Ты даже не знаешь, что это значит, — сказала я, раздраженно. Я обернулась и отвернулась, прошептав последнюю инструкцию. — Не мочись на свою обувь.

— Моя моча горячая. Я думаю, что у меня лихорадка.

— Просто на улице холодно. Поторопись.

— Что, если я заражена?

— Нет. Пойдем.

Хэлли собралась, и тогда я указала папе, что мы готовы. Папа должен был уйти первым, на случай если бы кто-то заметил, и затем мы пойдем за ним по двое.

Хэлли и я сделали вид, что разговариваем, пока папа шел вниз заборной линии, пробегая пальцами вдоль звеньев цепи. Для меня, его беспечность выглядела вынужденной, но кажется, никто не заметил. Я держала Хэлли, пока папа скользнул в пространство между двух больших ворот. Молодые боевики ранее закрыли ворота с ржавой толстой цепью.

Папа был атлетического сложения. Он был в футбольной команде. Сейчас он не был в лучшей форме, но он легко маневрировал под цепь на другую сторону. Хэлли просто обошла, но мне пришлось наклониться. Папа продолжал идти в сторону тени деревьев, и Хэлли схватила мою руку крепче.

Через несколько мгновений, я снова слышала звон цепи.

Папа прошел по улице в парке, и тогда он нырнул за большой ствол дерева. Когда Хэлли и я достигли его, он потянул нас в свою сторону.

— Чт... — начала я, но папа закрыл мне рот рукой.

Глаза Хэлли бегали между нами. Когда Тавия добралась до дерева с сыном на руках, папа убрал руку от моего рта, чтобы приложить палец к губам малыша.

Тавия моргнула.

— Вы можете успокоить его? — папа буквально выдыхал слова.

Тавия подняла брови.

— Что, если он боится? Может быть, он успокоится, если вы скажете ему? Я его мама. Нет ничего хуже, чем это, — прошептала она.

Папа склонил голову в направлении улицы на другую сторону оружейной. Полицейские собирались снаружи.

— Руки вверх! — приказал один.

— Стойте! — крикнул другой.

— Мы полицейские! Стойте, или мы будем стрелять!

Шум привлек внимание группы людей во дворе. Они подошли к западной ограде. Вопли также привлекли множество силуэтов, бродящих в темноте, их медленное передвижение было по-настоящему видно только между фонарями. Они двигались, как дети. Как скучающие школьники, идущие строем на экскурсию, на который никто не хотел идти, они переминались с ног на ноги в знак протеста. Конечно, они шли вперед к офицерам без страха.

Я смотрела достаточно фильмов с моей мамой, чтобы знать, на что я смотрела. — Они пришли с шоссе, не так ли? Они заражены, — сказала я, на самом деле не спрашивая.

— Последнее предупреждение! — приказал офицер.

— Пожалуйста, остановитесь! — умолял другой, он прицелился и поднял ружье.

Звуки сирен наполнили воздух, эхом отзываясь от каждого угла города.

— Бегите, — прошептала Тавия.

Я знала, что она говорила это людям в Оружейной.

— Там дети, папа. Маленькие дети.

— Тсс, — только и сказал он.

— Детей как Хэлли. Совсем малыши, — взмолилась я.

— Мы не можем им помочь, — сказал он.

Тавия взяла сына. — Нам нужно идти. Перед тем как... — ее голос затих.

Я была рад, что она не произнесла эти слова перед Хэлли.

Один из полицейских выпустил предупредительный выстрел, но толпа захлестнула его, его крики заглушались, а затем они перешли к другим.

— Пошли! — папа отошел на один шаг, а затем остановился, дернув меня за рубашку. — Стойте! Давайте обойдем, — он сделал полукруг в воздухе, указывая на восток.

Тавия покачала головой. — Давайте просто отсюда пойдём!

Папа снова потянул меня за рубашку, и я, в свою очередь, потянула Хэлли.

— Смотрите, — сказал он, указывая на дорогу.

Несколько человек выбежали из двора, несмотря на стрельбу, и они бежали на юг вниз шестой улице. Сначала это была всего лишь горстка, а затем появилось больше людей.

— Пошли, Тавия, — прошипела я, когда в оружейной послышались крики.

— Что происходит? — воскликнула Хэлли.

Я провела рукой по ее губам, пока мы быстро шли по другой улице и вниз по небольшой дороге с маленькими домами. Собака залаяла и бросилась к папе, останавливаясь только тогда, когда цепь удержала его. После кратковременного перерыва, папа призвал нас продолжить.

Мы шли два квартала на восток и затем повернули на юг. Полиция по-прежнему стреляла, но крики и вопли утихли. Хэлли хныкала, но молчала. Тобин огляделся с широкими глазами и пальцем во рту, но он не проронил ни звука.

После того, как мы добрались до улицы, где жил папа, он поднял руку, и мы замерли. Человек склонился над животным с ошейником, которое было на цепи. Голова человека качалась вверх и вниз, дергалась с одной стороны на другую, когда он выдернул кусок плоти

животного из кости.

Папа проложил палец к губам и сделал шаг назад. Я сделала то же самое, но Хэлли была позади меня, и не двинулась, я чуть не упала на нее.

— Дженна! — рявкнула она.

Голова мужчины откинулась, и он прополз несколько футов, прежде чем неловко встать на ноги.

Папа проглотил.

— Бежим, — сказал он, с неожиданно ровным голосом.

Тавия крепко прижала Тобина, повернулась на каблуках и побежала обратно, туда, откуда мы прибежали. Папа замыкал, но Тавия начала отставать. Папа побежал и взял Тобина у нее из рук, и, пыхтя, они бежали вместе.

Промелькнул свет, притягивая наше внимание. Папа остановился и потащил нас через улицу на крыльцо и прямо в открытую дверь.

В темной гостиной стоял старик с фонариком в руках, ему было где-то за шестьдесят, с короткой белой бородой и узкими глазами. Рядом с ним была женщина гораздо моложе, скорее всего, его дочь. Она была полной и с веснушками, ее красновато-коричневые волосы были в форме новогодней елки.

— Спасибо, Джерри, — поблагодарил папа, пытаясь отдышаться. Он отдал Тобина обратно Тавии. — Мне жаль, слышать про Марву.

Я просмотрела пыльные рамки на стенах. На всех фотографиях стояли три человека. Единственным человеком из фотографий, которого не было в комнате с нами, была женщина с вьющимися седыми короткими волосами — жена Джерри. Нельзя было сказать, сколько времени прошло с момента их последней семейной фотографии. У рыжей была одна и та же прическа в каждом фото с подростковых лет, и с тех пор изменился только цвет волос Джерри.

Хэлли прижалась ко мне, дрожа от холода. Я завернула ее в одно из одеял, которое мы взяли в Оружейной, а затем обняла руками.

— Ты встречал девочек? Это Дженна, — папа указал на меня, — а там маленькая Хэлли, — закончил он, опуская палец на Хэлли.

— Я встречал их в городе иногда, — сказал Джерри.

Папа посмотрел на нас и указал на своего друга. — Джерри ушел из флота. Он также отставной пожарный Андерсона.

— Это было задолго до тебя, Энди, — сказал Джерри. — Теперь я старый пердяй. Хотя никогда ни был так рад этому. Слышал, всех вызывают в Оружейную?

Папа опустил взгляд.

— Мы едва успели.

— Кто такая Марва? — спросила я.

Папа переминался с ног на ногу, сконфуженно улыбаясь Джерри. — Марва — его жена.

— Была моей женой, — сказал Джерри. — Она ушла из жизни из-за рака в прошлом году. Конечно, мы все скучаем по ней.

Даже дом выглядел, как будто скучал по Марве. В гостиной стояло два изношенных дивана и темно-зеленое кресло, повернутое спиной к кухне. Высокий длинный кухонный стол был покрыт кожаной скатертью, который выглядел старше, чем папа.

Джерри продолжал:

— Это моя дочь, Кэти Линн.

Она кивнула, улыбаясь достаточно, чтобы не показаться грубой. У нее были темные круги под глазами. Ей, похоже, не нравилось, что мы были здесь. Она потянула футболку с картинкой Винни-Пуха. Я подумала, что ее выбор носить футболку с мультяшным персонажем был странным, потому что она выглядела старше папы.

Джерри указал на дочь. — Я позвонил ей, когда в новостях сообщили, что вирус попал в Атланту. Я знал, когда он дойдет до нашей земли, он будет быстро распространяться. Она живет в конце улицы. Люди просто забыли включить здравый смысл. Говоря о, что, черт возьми, ты делаешь там, Энди? — спросил Джерри, нахмурившись. — Разве ты не знаешь, что они патрулируют улицы? Они стреляют в людей!

— Что? — спросила Тавия.

Кэти Линн указала куда-то, руки ее дрожали. — Там на углу. Грег Джарвис отказался ехать с ними, и они застрелили его прямо в его дворе. Разве ты не видел его?

Папа покачал головой. — Мы были заняты.... Инфекция дошла до Андерсона. Мы видели человека. Он... ел собаку, я думаю.

Джерри плюнул в пластиковую чашку, которую он держал и кивнул. — Это, вероятно, был Грег. Он ходил тут вокруг пару минут после того как они пустил ему пулю в грудь и уехали. Идиоты. Нужно стрелять им голову, или они просто живут дальше.

Папа и Тавия переглянулись.

— В одном из последних отчетов по новостям сообщили, что вирус распространяется как бешенство, — сказал Джерри. — Они кусают тебя, и если это не убьет тебя сразу, ты заболеваешь достаточно, для того чтобы умереть. Когда ты просыпаешься, то это уже не ты. — Он покачал головой. — Так же, как в кино. Точно в цель, черт возьми.

— Разве они что-нибудь сказали? спросила Тавия.

Джерри нахмурился. — О, они упомянули прививки от гриппа.

— Что с ними? — спросил папа, нахмурившись.

— Вы делали себе в этом году?

Папа опустил голову, напрягая глаза. — Это то, что заражает людей?

— Нет, — сказал Джерри, — Только укусы. Но блондинка на девятом канале сказала, что есть несколько докладов, где сообщается, что людей обращают быстрее после укуса, если они делали прививку от гриппа. Они не знают, почему это происходит. Я никогда не любил ее — эту репортершу. Она, наверное, в безопасности. Слышал, зомби едят мозги.

Я усмехнулся, и папа бросил на меня взгляд.

— Она сказала, что-то еще о прививке от гриппа? — спросила Тавия. — Они не говорили, насколько быстрее? Сразу после укуса? — спросила Тавия, оборачиваясь, чтобы оставить пару сантиметров между сыном и папой.

— Они не говорят, — сказал Джерри.

Лицо Тавии перешло от удивления на гнев.

— Правительство должно предупредить нас. Они должны были сказать нам правду, чтобы мы могли подготовиться.

Кэти Линн приподняла бровь.

— Вы бы поверили им?

Тавия похлопала спину Тобиана. Он уже спал, но она продолжала нежно покачиваться.

— Я знал, когда они начали сообщать новости о Германии сегодня утром. Если бы они признали, что мертвые возвращаются к жизни, я бы чертовски им поверил, и у меня было бы больше времени, чтобы собрать запасы и защитить свою семью.

Папа покачал головой:

— Я бы не поверил. Это невозможно. Это как признать, что вампиры реальны.

Послышались еще выстрелы, и они звучали недалеко.

— Выключи этот фонарик, Кэти! — прошипел Джерри.

Кэти Линн нажала кнопку. Стало еще темнее, чем раньше, и Хэлли прижалась ко мне еще крепче.

Луна светила в окна, подчеркивая только одну сторону лица папы. Он оглядывал комнату, глаза бегали с дивана на пол и мимо Джерри в заднюю часть дома.

— Джерри, можно нам остаться здесь до утра? Не уверен, что безопасно ходить по ночам. Есть много больше этих тварей. Они идут с автомагистрали. Сотни по крайней мере. Наверное, еще больше.

— Конечно, конечно. Кэти даст вам несколько одеял и подушек, Кэти?

Кэти Линн согласилась, подходя к месту, где они держали постельное белье. Она замерла на середине шага, когда послышался треск пуль, даже ближе чем в прошлый раз. — Чем ближе эти твари проходят, приближается и стрельба. Мы должны заколотить окна, как советовала леди из новостей.

— Я сказал тебе, что мы здесь не останемся. Мы собираемся на ферме Бобби с рассветом.

Кэти Линн вздохнула. — Но что насчет сегодня?

— Она дело говорит, — произнесла Тавия.

Мне и раньше было страшно, но сейчас паника вызывать желчь выше в горло. Инфекция уже не где-то там. Она была уже прямо снаружи. Она нас ждет в темноте. Я открыла рот, чтобы сказать папе, что мне страшно, но потом я посмотрела вниз на Хэлли. Она дрожала не от холода. Она была в ужасе. Я едва заметила, что она на самом деле не разговаривает. Обычно, я не могла заставить ее замолчать. Если я признаюсь, что мне страшно, боюсь, что потеряю связь с ней совсем.

— Нам нужно найти маму, — сказала я.

— Мы найдем, — папа склонил голову. Затем он повернулся к Джерри и Кэти Линн, чтобы обсудить, как укрепить дом на ночь.

Он не думал о том, как важно это было найти маму, и это ужасно злило меня. Она должна быть здесь.

Что делать, если она была одной из тех, на магистрали, кто пытался попасть внутрь на выходе в Андерсон, когда эти идиоты открыли огонь? Что делать, если она ранена? Что делать, если она приехала в город другим путем? Она искать нас в доме отца.

Я не достала телефон — связи нет. Осталось только девятнадцать процентов зарядки, а у меня не было моего зарядного устройства. Я подумала о том, как это глупо, проверять Facebook, Snapchat и новости вместо того, чтобы зарядить телефон. Единственное, что имелось значение это поговорить с мамой, и когда появится связь, и я не смогла бы позвонить ей.

— У вас есть зарядное устройство для такого телефона? — спросила я Джерри, подняв свой смартфон.

Он покачал головой.

Кэти Линн протянула руку.

— У меня есть.

Я протянула ей свой телефон, и она взяла его.

— Папа, — обратилась я.

Он повернулся наполовину, прежде чем махнуть мне рукой, а затем он возобновил разговор.

— Мы не можем оставаться здесь. Мы должны идти в дом. Мама будет искать нас там.

— Я хочу к маме! — Хэлли заплакала.

— Дженна, ради Бога! — папа опустился на колени рядом с младшей дочкой. — Хэлли, дорогая, вы должны быть спокойны, — произнес он, прося ее сохранить спокойствие.

Со свободной рукой, Тавия обняла меня.

— Я знаю, вам не терпится, детки. Не волнуйтесь. Мы собираемся найти ее.

Я указала на дверь.

— Дом всего в нескольких кварталах!

Папа стиснул зубы.

— Джена...

— Она там. Я знаю это. Она в нескольких кварталах, и мы сидим здесь. Если мы не дойдем до дома, мы будем скучать по ней!

— Дженна, тихо! — проворчал папа.

Мои глаза наполнились слезами.

— Я иду.

— Дженна! — рыдала Хэлли.

Папа схватил меня одной рукой и Хэлли другой, и он держал нас вместе в тесных объятьях.

— Девочки, — сказал он, его голос был низким и спокойным.

Это удивило меня. Как правило, он всегда делал ситуацию еще хуже, чем она была.

— Я знаю, вы боитесь. Я знаю, что вы скучаете по маме. Я знаю, вы хотите быть с ней, и я сделаю все, чтобы это случилось. Но вы должны доверять мне. Пожалуйста?

Я сжала губы, выпячивая нижнюю губу. Рыдания Хэлли прекратились, переходя всхлипы, и я тихо начала плакать от разочарования в плечо отца. Что-то глубоко внутри говорило мне, что мама была рядом, и что ей страшно и отчаянно, как и нам. Стремление добраться до нее было слишком сильным, чтобы игнорировать, но я не могла оставить Хэлли, и она не пойдет без папы.

— Хорошо? — сказал папа. — Всего лишь до рассвета.

Я вытерла глаза и отвернулась от него.

— Неважно.

Глава 6

Рано утром через пластиковые жалюзи на окнах выглянуло солнце, освещая тысячи пылинок, плавающих в воздухе.

Хэлли свернулась рядом со мной, запутанные блондинистые волосы были в беспорядке и под толстым шерстяным одеялом. Ночью похолодело, и выстрелы слышались ближе, мы обнимали друг друга, и где-то между холодом внутри и страхом того, что было снаружи, мы заснули.

Я взяла свои вещи и быстро засунула их в рюкзак я Хэлли. Тогда, я подтолкнула Тавию. Тобин ворочался всю ночь. Тавия сказала, что это, потому что он был на новом месте, и все было не так, как привык.

— Привет, — сказала Тавия с сонной улыбкой, подперев голову рукой. — Мы сделали это в течение ночи.

Папа уже проснулся и стоял в дверях.

— Я не слышал выстрелов с восхода солнца. Давайте выдвигаться.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Джерри, который что-то перетаскивал из своей спальни. Старик протянул руку, и папа сжал его крепко.

— Я не могу достаточно поблагодарить тебя, Джерри.

— Ты уверен, что не хотите поехать с нами? У меня на дороге стоит шестиместный седан Lincoln, но мы можем придумать что-нибудь.

Папа покачал головой.

— Мой Тахо припаркован возле Оружейной. После того, как мы дойдем до наших вещей, мы отправимся в путь.

Джерри посмотрел на Тавию и еще спящего Тобина. — Надеюсь, что там три ряда.

— Да, — ответил папа, улыбаясь. Он наклонился рядом с Хэлли, осторожно тронул ее, чтобы разбудить.

Она села, и папа передал ей очки. Оглядевшись, она смутилась поначалу, но затем ее глаза опознали нас, и они успокоились.

— Хэлли, мы в порядке, — сказал папа. — Мы едем домой.

— Мама там? — спросила она.

— Мы скоро увидим, — сказала Тавия, подмигнув.

Хэлли вскочила на ноги и присоединилась ко мне у двери. Она подняла очки, чтобы протереть каждую из линз тыльной стороной ладони.

Я сосредоточилась на дороге на восток. Это было трудно стоя напротив яркого солнца, но я могла сказать, дорога была усеяна только четырьмя или пятью покачивающимися людьми.

— Папа, — обратилась я.

Он наклонился к проволочной сетке на двери.

Тавия подняла сына на руки, прежде чем присоединиться к нам у двери.

— Похоже, они двигаются довольно медленно. Этот парень прошлой ночью не догнал нас, даже когда он гнался.

Папа нажал на металлический рычаг, прежде чем открывать дверь.

— Дайте мне Тобина. Мой дом не совсем в двух кварталах отсюда, и я не вижу ничего между этим местом и тем. Даже если эти твари заметят нас, мы можем сделать это.

— Мы не хотим, чтобы они заметили нас. Затем они следуют за нами в дом, — сказала я.

— И то верно, — сказал папа, останавливаясь, чтобы думать. Он посмотрел на Хэлли. — Несмотря ни на что, нельзя кричать. Вы не можете шуметь. Мы не хотим, привлечь их внимание. Вы понимаете?

— Я постараюсь, — сказала Хэлли.

— Хорошая девочка. — папа поцеловал ее в лоб.

— Подожди, — я сказал прежде, чем он вышел на крыльцо. — Что, если что-то случится? Что, если мы разделимся?

— Этого не будет, — сказал он

— Но что, если мы случится такое?

— Попробуйте обойти вокруг. Старайтесь, чтобы никто не шел за вами, но идите к дому.

— Какой из них ваш? — спросила Тавия.

— На юго-западном углу Пятой и Мак-Кинли. Белый дом с красным крыльцом. Там еще сзади есть отдельно стоящий гараж.

Тавия поцеловала свои пальцы, а затем коснулась руки Тобиана.

— Давайте, — сказал Папа. — Джерри? — обратился папа, — удачи.

Джерри и Кэти Линн помахали нам, и тогда мы шли плотной группой по тротуару, направляясь на запад.

— Будьте бдительными, на случай если кто-то ходит между этими домами, — сказал папа.

Тобин смотрел вокруг. Это было больше из-за интереса, нежели от того, что хотел помочь. Одной жирной рукой он держался за рубашку папы, а другой был во рту.

— Мама, — позвал он ее, кусая пальцы.

— Привет, детка, — прошептала Тавия. — Веди себя очень тихо, пока мы не приедем. Хороший мальчик.

Весь город был тихим, слишком тихим. Ни одно транспортное средство не ехало по улице. Не лаяли собаки. Никаких самолетов над головой. Единственными звуками были шорох подошвы наших ботинок о тротуар. Было очень тревожным.

Мы пересекли перекресток и затем дошли до задних ворот. Она была открыта, и сразу, мое сердце забилося в моей груди.

— Она здесь! — сказала я, прежде чем слишком поздно закрыть себе рот.

Папа протянул Тобиана матери, а потом схватил меня за толстовку.

— Придержи коней! — ответил папа, вытаскивая ключи из кармана, он посмотрел внутрь большого окна, которое достигала верхнюю половину задней двери. Он вздохнул. — Кто-то разбил окно.

— Это мама! прошептала я, взволнованно.

Он обернулся, лицо его было бледным.

— Дженна, я знаю, тебе не терпится увидеть маму, но я пойду первым. Что, если она... — он умолк, глядя на Хэлли.

— Подождите здесь, пока я не вернусь.

Хотя он не закончил, просто он намекал, что маму могли укусить, превращена в одну из тех тварей, что заставило меня чувствовать себя не очень хорошо. Папа повернул ключ и потом ручку, затем, толкнул дверь. Она сопротивлялась, как она всегда делала, и скрипнула.

В любое другое время, то шум едва ли можно было заметить, но когда было настолько тихо, что любой звук, который мы звучал как звонок к ужину.

Папа вышел на желто-зеленый линолеум на полу в кухне.

— Скарлет? — позвал он, едва-едва достаточно громко, чтобы кто-то услышал.

— Готовьтесь уйти, — сказала Тавия, оглядываясь через плечо. — На всякий случай.

— Я никуда не пойду без мамы, — сказала я.

— Мне нужно в туалет, — сказала Хэлли.

— Пи-пи, — сказал Тобин.

Тавия похлопал его по спине.

— Я тоже.

Объявился папа, он был бледным.

— О Господи Иисусе, — сказала Тавия. — Она не...

— Нет, — сказал папа, потирая лоб большим и указательным пальцами. — Она не здесь.

— Что? — я пробралась мимо него. — Мама? — позвала я. — Мама!

Я обыскала каждую комнату в панике. Когда я вернулась в гостиную, папа, Хэлли, Тобин и Тавия во все глаза смотрели в стену.

Потеки черной краски высохли на несколько сантиметров ниже слов, которые мама наспех написала на стене.

— Нет! — я сказала, уставившись в стену. — Я говорила тебе! Я же говорила, что она приедет сюда!

Папа потянулся за мной. Я оттолкнула его, моя обувь скрипела по стеклу на ковре. Она пришла бы сюда за нами. Она была не менее, чем в квартале отсюда, и мы упустили ее.

Тавия поставила Тобина на пол, но он держался за ее ногу, и держал только один поезд в руке.

— Дженна, ты должна понизить голос, — сказал папа.

Хэлли хныкала.

— Все в порядке, Дженна. Мы просто поедем в Красный холм. Это самое безопасное место, помнишь? Мама так говорила.

Я вытерла нос, глядя на отца.

— Мы должны добраться до машины. Мы можем быть там к вечеру.

Папа покачал головой.

— Дженна, автомагистраль заблокирована. Ты слышала, что он сказал.

Я опустила свой подбородок.

— Мама как-то же доехала сюда. Она знала, что сможет добраться до Красного Холма отсюда. Мы должны выехать сейчас. Она будет волноваться, если мы будем ждать слишком долго.

— Дженна... — начал папа.

— Я еду! — сказала я. — Мне нужно к ней. Я хочу быть с ней. — слезы потекли по моим щекам. — независимо сколько времени это займет. И если ты не пойдешь со мной, я пойду одна.

— Нет! — Хэлли обняла меня.

Тавия моргнула, а затем посмотрела на отца.

— Что такое Красный Холм?

Папа вздохнул.

— Это ранчо, к северо-западу отсюда и на границе штата, — он вздохнул. — Я никогда не был там, Дженна. Я точно не знаю, где он находится.

— Я знаю, — ответила Хэлли и начала петь, переведя дыхание.

«К западу по шоссе 11

На пути к небесам

На север по шоссе 123.

123? 123!

Пересечь границу.

Это приказ!

Слева от белой башни.

Так, что мама может простить шашни.

Слева от кладбища.

Жутко... и страшно!

Первый поворот направо!

Это все верно!

Красный! Холм! В дорогу!»

Тавия ухмыльнулась и положила руки на бедра.

— Кто ж знал? Я путешествовала с Бейонсе все это время.

Хэлли просияла. Я видела ее улыбку первый раз, с тех пор Мама оставила ее в школе утром. Казалось, это было так давно.

— Мы знаем дорогу, — сказала я папе. — Ты просто должен вести машину. Это уединенное и заполненное место. Мама всегда говорила, что это лучшее место, чтобы поехать, и она там.

Он покачал головой.

— Это долгий путь, дорогая. Мы должны подождать здесь, пока все не успокоится.

Я подняла руки, а затем позволила им упасть на мои бедра.

— Мертвые ходят снаружи. У нас нет времени ждать. Она ждет от нас!

— Хорошо! — сказал папа. — Хорошо, только дайте мне подумать.

— Пока вы думаете, — сказала Тавия, — нам, девушки, лучше воспользоваться туалетной комнатой. Позвольте мне пойти с Тобином первыми.

Хэлли, и я согласились, а потом, когда они вышли, я привела Хэлли за руку. В темной комнате, она напевала из туалета, а потом она вымыла руки, когда я села. Я не понимала, до этого момента, насколько мне хотелось в туалет.

— Мы должны быть более осторожными, — сказала я. — Не хочу, чтобы получить инфекции мочевого пузыря.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Хэлли.

— Не хорошо терпеть так долго, — сказала я, подходя к раковине.

— Почему нельзя терпеть?

— В случае, если мы не доберемся до ранчо сегодня. Если мы будем в дороге, и это займет немного больше времени, и мы должны думать об этих вещах. Мы не можем просто идти к врачу, как мы делали раньше.

Хэлли сделала вид, что поняла, но я знала, что она понятия не имела, что происходит на самом деле. Для нее это было страшно, но она была на автопилоте, просто делала то, что ей говорили. В какой-то момент, все будет, наконец, так, что все будет иначе в течение длительного времени.

Когда мы вышли из ванной, Тобин играл со своим поездом на полу.

— Он такой молодец! — сказала я.

Тавия скрестила руки и выглядела гордой за него:

— Он всегда был. Даже будучи совсем крошкой, едва ли плакал. Все говорили мне, что он был кошмарным ребенком, но как видишь. Он мой ангел!

Тень омрачила то самое место, где он играл. Низкий стон, смешанный с булькающим звуком заставил нас всех застыть на месте.

— Чух-чух! — сказал Тобин, толкая поезд по ковру.

Его голос был мягким, но стоны становились все громче. Тавия схватила его с пола и попятилась к стене, жестом указывая, чтобы он вел себя тихо. Вместе, Хэлли, папа, и я медленно попятнулись от окна и пошли на кухню, присоединяясь к Тавии и ее сыну.

— Дженна, не своди глаз с этого окна. Тавия, присмотрите за Хэлли. Я пойду, соберу запасы продуктов, — сказал папа.

— Я иду с тобой, — сказала я. — Я знаю, что нам нужно.

Папа нахмурился в замешательстве.

— Бутылки воды, консервный нож, фонарики, батарейки, свечи, носки. Мы с мамой смотрели эти шоу все время. Давай я тебе помогу.

— Следите за окном, — приказал он Тавии. Он указал на меня, а затем кухонные шкафы.

Я пошла прямо к переднему шкафу и схватила одно из папиных охотничьих рюкзаков, расстегнула его, а затем пошла на кухню, открывая ящик для приборов. Я упаковала три вилки, два ножа и консервный нож. Затем я открыла ящик с всякой мелочью и выудила оттуда коробку спичек, маленькую бутылку дезинфицирующего средства для рук, мини-светодиодный фонарик, два подсвечника, и пакет батареек. Из шкафов я бросил в пакет вяленую говядину, несколько пачек лапши, сэндвичей, и десять банок супа. Я поморщилась. Рюкзак стал довольно тяжелым.

Ванная была следующей комнатой, но мой рюкзак быстро заполнился. Я схватила аптечку, спирт, весь Тайленол и Ибупрофен, что я смогла найти, три тряпки, средство от насекомых, два рулона туалетной бумаги, и солнцезащитный крем. Я пыталась найти небольшое зеркало, но удача была не на моей стороне.

В подсобном помещении, я открыла верхние шкафы, где папа хранил все для охоты и кемпинга.

— Хэлли! — позвала я только шепотом.

Она прокралась, глядя на меня сквозь очки. Ее волосы все еще были спутанными.

— Освободи свой рюкзак.

— Что? Зачем? — сказала она, уже начиная ныть.

— Потому что нам понадобятся вещи, чтобы выжить, а не лак для ногтей. Освободи его. Быстро.

— Но мы собираемся на Красный холм. Нам не нужен брезент.

— Хэлли! — прошипела я.

Она вздохнула, опуская ремни с плеч, а затем она открыла розовый замок. Она перевернула его, и разнообразие бесполезного хлама упало на пол.

Я положила плотно свернутый брезент, другой фонарик, флягу, компас, а также полный рулон клейкой ленты вместо всего этого.

— Я не могу найти ни один из моих рюкзаков, ни мой пистолет 9мм, — сказал папа. Он

переделался темно-синюю футболку с эмблемой пожарного отдела Андерсона и брюки-карго, и его темный пуловер был привязан вокруг талии. Он все еще был в тяжелых черных ботинках. — Их нет, и боеприпасы тоже исчезли.

Мои глаза стали ярче. — Она взяла их.

Папа не был счастлив, но он не останавливался на этом долго.

— У тебя есть кожаная куртка? — спросила я.

— Нет, зачем? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Зомби запросто укусит сквозь эту вещь, — сказала я, указывая на его свитер. — Что еще ты взял?

После того как он обработал мои слова с неустроенным выражением, он поднял длинный нейлоновый мешок, на молнии:

— Мое охотничье ружье и много патронов, — он указал на свернутый кусок нейлона на вершине своей упаковки. — Палатка на всякий случай, — сказал он Хэлли. Он бросил ей тяжелое пальто. — Я взял хороший охотничий нож и многофункциональный инструмент, и у нас до сих пор есть эти одеяла из Оружейной.

— Хэлли, возьми еще несколько бутылок воды, — сказала я. — Не делай пакет слишком тяжелым.

— Я знаю, — она повернулась на каблуках.

Я выдохнула воздух через мои губы, и мои щеки вытянулись. Ее рюкзак уже, казалось, тянет ее вниз. Она будет жаловаться, что она слишком долго несет его.

Я вошла в спальню папы и посмотрела вокруг, прежде чем открыть шкаф. Я взяла три толстовки, связывая их вокруг моей талии, и шапки.

Спросил он:

— Никакой одежды?

— У нас нет комнаты, — я посмотрела на тумбочку, а затем обратно на него. Оглядываясь назад, на его тумбочку, я бросилась к нему и открыла его.

— Что ты делаешь? — он потянул меня назад, как я и думала.

Но было слишком поздно. Ящик был открыт, и там была открытая пачка презервативов.

Я схватил ее:

— Бинго, — сказала я, бросая ему.

Его глаза смотрели куда угодно, но не на меня. Он был явно смущен и тщательно озабочен.

— Я узнала это из шоу, которые я смотрю с мамой. Они имеют много применений. Я не думаю о тебе или что-нибудь. Ужас. — я посмотрела вниз на открытый ящик и взяла маленький шейный набор. — Это нам тоже может понадобиться.

— У нас есть все? спросил он.

— Нет, но у нас нет места для всего.

— Хорошая работа, детка.

Мне удалось самодовольно усмехнуться. Я была зла на него так долго, что было странно, что он чувствовал себя хорошо.

Папа хлопнул меня по плечу. — Мы должны выезжать, если мы собираемся доехать на Красный холм засветло. Мы не знаем, что происходит там и здесь.

Я последовала за ним на кухню, где стояла Тавия, она немного расслабилась.

— Все чисто? — спросил папа.

— Он шел мимо, — она проглотила. — Думаю, это был губернатор.

Папа потер шею: — Что-нибудь нужно для Тобина?

— Пару наборов одежды для нас обоих было бы неплохо. За исключением нескольких игрушек, детских лекарств, чашка, салфетки, и бутылку лосьона, ему не нужно много, — она подняла его выше на бедре. — И я бы хотела бы проверить, добрался ли мой брат домой.

Папа спросил:

— Ваш брат?

— Он был на пути сюда. Я думала, он либо не доехал так далеко, или он попал на шоссе, но если Скарлет удалось добраться, что дает мне надежду, что Тобин тоже.

Когда папа посмотрел на нее, она продолжила: — Мой сын назван в честь моего брата. Он всегда заботился о нас

Папа склонил голову, выражая понимание, а затем глубоко вдохнул. — Все в порядке. Мы пойдем назад к Оружейной. Держитесь вместе, следите за окружением, и нам надо добраться до машины. Мы поедем к Тавии и захватим их запасы, а затем мы отправимся на запад.

— На ранчо Красный холм, — сказала я, — К маме.

— Да, — сказал папа, глядя на краски на стене. — Я надеюсь, все так, как вы говорите.

— Это так, — сказала я с уверенностью. — Нам просто нужно доехать туда. Остальное просто.

Папа сделал гримасу. — Вы не помните, как мама и я жили под одной крышей.

Я закатила глаза. — Все по-другому сейчас. Я не думаю, что вы будете тратить слишком много времени, ссорясь о том, сколько денег она потратила в супермаркете.

Папа усмехнулся, открыл заднюю дверь, но потом его улыбка исчезла. Быстро оглянувшись вокруг, он махнул нам, чтобы следовали за ним.

Прогулка в Оружейную не была простой. Несколько оставшихся остались позади, медленно шаркая в парке. Папа вел нас вокруг них, и прежде, чем я успела вспотеть, мы были в его внедорожнике.

Оружейная была все еще окружена автомобилями. Я задавалась вопросом, сколько из тех тварей, бесцельно бредущих во дворе, никогда не сядут в свой автомобиль.

— Не хлопай дверью, — я поручила Хэлли, поднимая ее на переднее пассажирское сиденье.

Ее глаза были красными и опухшими, ее золотые волосы слиплись на голове. Я задумалась, выгляжу ли я такой же потерянной и испуганной, как она.

Тавия забралась на заднее сиденье одной рукой, держа Тобина. Она усадила его рядом с собой, отвлекая его поездом достаточно долго, чтобы застегнуть ремень безопасности через пояс. Она похлопала его по колену, по-матерински улыбнулась, и это заставило меня скучать по маме еще больше.

Я поднялась после Тавии, усаживаясь за Хэлли в одно из ее кресел капитана.

— Мама, — обратился Тобин.

— Да, малыш?

— Я хочу кашу.

Она кивнула.

— Мы едем домой. Я принесу тебе, когда мы будем там, — она улыбнулась ему, но, когда она отвернулась, беспокойство прошлось по ее лицу. После сегодняшнего дня, она не была в состоянии обеспечить его пищей каждый раз, когда он просил.

— Могу ли я взять некоторые из моих игрушек? — спросил он.

— Да, но только некоторые из них. У нас будет гораздо больше вещей, которые ты должен будешь помочь маме перенести.

— Да, мама.

Она поцеловала его в лоб.

— Хороший мальчик, — она моргнула, а затем посмотрела вверх, стараясь, чтобы слезы не пролились.

— Не волнуйтесь, — сказала я. Она посмотрела на меня. — Вы знаете, что делать, чтобы сохранить его в безопасности. Помните, что вы сделали в Оружейной. Это было довольно смелым.

Тавия мило улыбнулась.

— Ты так думаешь?

— На какой улице вы живете? — спросил папа.

— Прости, — сказал Тавия. — За продуктовым магазином и через улицу от церкви.

— Понял, — ответил папа, продолжая ехать на юг. — Это прямо рядом с домом бабушек и дедушек Скарлет.

— Ричард и Хелен бабушка и дедушка Скарлет? — спросила Тавия, удивленно.

— Хелен моя прабабушка, — сказала Хэлли, ее веселый голос странно контрастировал с тревожными сценами вне внедорожника.

Тавия покачала головой. — Маленький, маленький мир.

— Сейчас еще меньше, — сказала я, глядя в окно.

Было прекрасное субботнее утро, но на улице не было играющих детей. Вместо этого, появились монстры, которые не должны были существовать, органы, лежащие на улице, а иногда трещины выстрелов.

Тавия обратилась:

— Эндрю? Что делать, если мой брат приехал? Он большой парень.

— Хэлли может сидеть позади меня. Он просто отлично сядет на пассажирское сиденье. Там достаточно места.

— Даже с Ричардом и Еленой? — спросила она.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал Папа.

Тавия откинулась на сиденье и коротко усмехнулась, оперившись локтем на дверь. Я никогда не видела кого-то полным облегчения.

Папа повернул на юг, на Мэйн-стрит, но вскоре он был вынужден отступить к боковой дороге из-за огромной группы инфицированных бродящих на улице. От одного из предприятий послышался высокий звон, но я не могла понять, откуда именно.

— Это странно, что они все на Мэйн-стрит, — сказала я.

— Это сигнализация из ювелирного магазина. Их привлек звук, — папа замедлился на пересечении, и даже если свет был красный, он не остановился.

— На дороге никого нет, папа. Почему ты замедлился? — спросила я.

— Потому что никогда не знаешь наверняка, — первый раз за день у него появился отцовский тон в голосе. — В первый раз я проезжаю через перекресток, что произойдет?

Хэлли и я говорили в унисон, как скучно на уроке уже — Мы попадем в аварию.

— Я вижу это все время, — сказал папа, пока я повторяла его слова губами в то же самое время.

Тавия фыркнула.

— Что тут смешного? — спросил папа.

— Ничего, — ответила Тавия, пытаясь сдержать улыбку.

Папа повернул в сторону от дороги и остановился на стоянке, оставив двигатель включенным.

— Тавия, — он предупредил, — старайтесь не повышать голос.

— Что? Спросила Тавия, глядя вверх.

Когда она увидела, то что увидел папа, она тут же закрыла глаза Тобины. Человек размером с игрока НФЛ лежал в переднем дворе, с растянувшимися руками и ногами.

Тавия пару раз вздохнула, а затем посмотрела на Тобины с твердым выражением на лице.

— Сынок, не при каких обстоятельствах, не смотри в это окно, — сказала она, указывая на стекло. — Ты меня слышишь?

Тобин быстро склонил голову.

Она обхватила его щеки и поцеловала его в лоб.

— Хороший мальчик.

Она потянула ручку и вскочила, и я последовала за ней, снова тихо закрыв дверь. Я замерла, когда я увидела двух людей, стоящих над безжизненным телом, что лежало во дворе, держась за руки.

— Бабушка! — сказала я, подбегая к ней.

Она раскрыла руки.

— Дженна! — она повернулась меня от тела. — Не смотри, дорогая.

Бабушка была очень худой, но она всегда давала наилучшие объятия. Она обнимала меня, так крепко, и она никогда не спешила отпустить.

— Эндрю! — сказал дед, когда папа вышел из машины. — Ты обеих девочек привез?

— Да, — ответил папа.

— Ты видел Скарлет? — спросила прабабушка, суетясь со своей прической с короткой химической завивкой.

Папа медленно покачал головой.

— Но она в порядке, — он посмотрел через плечо, наблюдая, как медленно приближается Тавия.

Она обвила себя руками, хлопая руками по бокам. Она упала на колени рядом с братом с потерянным взглядом в глазах. Я никогда не видела такого отчаяния, что мне захотелось помочь, но я знала ничего, что бы могло помочь.

Одежда Тобина была полна пулевых отверстий, и он был расстрелян несколько раз в лицо. Было странно, пули зашли в его тело плавно и оставили такой беспорядок на выходе. На крыльце дома Тавии также были следы выстрелов.

— Не смотри, Дженна, — сказал папа. — Тавия, мне так жаль.

Согнувшись над телом брата, она рыдала.

— Но мы должны идти, — он посмотрел на бабушку и дедушку. — Соберите свои вещи. Мы встречаемся с Скарлет. Мы уберем тут все.

Дед обнял бабушку.

— Передай ей, что мы ее любим. Мы остаемся здесь.

— Бабушка? — сказала я, глядя на нее.

Она сжала меня крепче. — Мы собираемся остаться здесь в доме, сестричка.

Папа присел на колени рядом с Тавией и положил мягкую руку ей на плечо.

— Тавия?

— Мы не можем просто оставить его здесь, — сказала она, пожимая плечами от прикосновения отца.

— Мы похороним его, — сказал папа. — Обещаю!

— Тобин, — воскликнула она, касаясь щекой к его. — Мне жаль, что я не была здесь.

— Тавия, я ненавижу тебя торопить, но мы должны собраться, — сказал папа.

Она вытерла мокрые щеки. Папа помог ей встать, и она кинула еще один взгляд на брата, прежде чем зайти домой.

Дед скрестил руки на груди.

— Бедный парень. У него никогда не было шансов. Видишь лодыжку? Должно быть, повредил его как-то по пути сюда. С размером в дыню. Были ли вы в Оружейной?

— Да. А вы? — спросил папа.

Дед покачал головой: — Неа. Нет, эти так называемые солдаты подобрали нас. Мы не хотели идти, но они сказали, что губернатор приказал. Мы были в пути, когда кто-то передал по радиации, что Оружейная захвачена. Они позволили нам уйти в четырех кварталах отсюда. Мы шли остальной путь. Хотя, было нелегко. Мы не так подвижны, как были.

— Была захвачена, — сказала я. — Это было ужасно.

Прабабушка проводила меня обратно в машину и открыла пассажирскую дверь, чтобы обнять Хэлли. Со слезами на глазах она сказала:

— Поцелуйте от меня маму.

— Что с бабушкой? — спросила я, имея в виду маму мамы. — От нее есть новости?

— Пока нет, — сказала она, ее губы дрожали. — Берегите друг друга!

Она обняла нас обоих, и я поднялась на заднее сиденье рядом с Тобином.

Мальчик пинался ногами вперед и назад, держа подбородок почти у груди, так, как и просила мама.

— Ты в порядке, Тобин?

— Да, — его глаза напряжены, когда он посмотрел на меня. — Это мой дядя Ти, не так ли? Он там? Я слышал, мама плачет.

Я сжала губы.

— Просто... не смотри туда. Твоя мама скоро вернется.

— С кашей, — сказал он, снова глядя на ноги.

Папа и Тавия вошли во внедорожник через несколько мгновений. Папа держал сумку, а у Тавии было три пластиковых мешка и миска с ложкой.

— Я просто налила немного молока, чтобы оно не пролилось. Мы должны попасть на дорогу, — сказала она. Белки ее глаз были красные, кожа вокруг них опухла, но она пыталась оставаться сильной перед сыном. — Продолжай смотреть вниз, пока я не скажу.

Тавия не отрывала глаз от лужайки, пока папа поехал.

— Хорошо малыш. Можно уже смотреть.

Тобин прислонился головой к маме, и она обняла его, затаив дыхание, чтобы не заплакать. Она посмотрела на потолок, а затем прямо. Я бы сказала, что она решила выкинуть его из головы на данный момент.

Нам предстоял долгий путь, и нам нужно было сосредоточиться. Кроме того, не зная состояние автомагистрали, на пути были четыре крошечных города, прежде чем доберемся ранчо Красный холм.

— Папа? — Хэлли обратилась к папе.

— Да дорогая?

— Я хочу к маме.

— Я знаю, — сказал он. — Я пытаюсь.

Глава 8

— Боже Милосердный, — сказал Тавия.

Ее рот отвис, когда ее глаза наблюдали бойню на магистрали. Автомобили столкнулись в каждом направлении, все было закрыто настолько плотно, что казалось, это — безнадежные последние секунды игры Тетрис.

Зараженные топтались везде — мужчины, женщины и дети.

— Не смотри, Хэлли! — сказала я, слишком поздно, чтобы покрыть ей глаза.

— Там есть дети! — сказала она в панике. — Почему они такие, папа? Почему они выглядят так? Они мертвы?

Папа медленно поехал по переезду, лавируя между различными военно-транспортными средствами и пикапами. Недоеденные мужчины в камуфляже лежали на бетоне, с оружием в руках.

Папа легонько нажал на тормоза, пока мы совсем не остановились.

— Что ты делаешь? — выдала я, испугавшись. — Что ты делаешь, папа?

Прежде, чем я смогла спросить снова, папа вернулся в Тахо с огромным ружьем и большим количеством патронов в руках.

Он поставил ружье вниз, на половицы рядом с Хэлли.

— Не трогай это! — объяснил он.

— Безопасность — прежде всего, но пока вы не узнаете, как стрелять, вы не должны обращаться с этим.

Хэлли быстро закивала головой.

Папа нажал на газ, и мы поехали дальше. Наконец, мы доехали до края переезда. Человек в костюме с пулевыми отверстиями, протянул руки к внедорожнику, но мы легко прошли мимо него. Он носил обручальное кольцо, и я подумала, что, если его жена бродит где-то рядом, вдруг он вспомнил о ней, или о детях. Может быть, он него был за городом дом, и его ждала жена, глядя в окно и думала, что он появится на проездной дорожке в любую минуту.

— Как вы думаете, они знают, что они одни? — спросила я.

Тавия потянулась, чтобы положить теплую руку мне на плечо.

— Те, кто оставили все эти тела и уехали дальше.

— Куда? — спросила Хэлли.

Тавия колебалась.

— Туда, где они могут отдохнуть, где они не боятся, где они не увидят этот беспорядок здесь.

— Я хочу пойти туда, — произнесла Хэлли, рассеянно вертя волосы, а она смотрела на пастбища и фермы.

Папа косо посмотрел на нее.

— Не говори так дорогая! — его голос был напряженным, и его кадык двигался, как будто он проглотил печаль и все мы чувствовали.

— Черт возьми, — проворчал папа.

— Что такое? — спросила Тавия.

— Я хотел заправиться газом, когда мы вернулись в Андерсон, но это совсем выскочило из головы.

— Не могу себе представить, почему, — сказала Тавия. — Давайте все будет искать АЗС на пути. Может быть, мы могли бы остановиться на следующем доме, и посмотреть, если у них газовый баллон?

— Я могу попытаться откачать газ из автомобиля, если я смогу найти некоторые трубки и контейнер, — сказал папа. — Я никогда не делал этого раньше, так что никаких обещаний.

— Сколько осталось? — спросила я.

— Не спрашивай, — ответил папа, как пискнула приборная панель.

Тавия заерзала, а потом спросил, так или иначе.

— Разве нет газовой лампы?

— Не спрашивай, — снова ответил папа.

Я стиснула зубы. Он знал, что происходит, и он забыл, чтобы запастись газом?

Тавия заметила выражение на моем лице и одними губами произнесла, что все еще в порядке.

Тобин выдал:

— Мам?

— Да, малыш?

— Я хочу домой.

Тавия наклонилась к сыну и поцеловала его висок:

— Я тоже, малыш. Я тоже.

Папа заехал в длинную дорожку старой фермы рядом с более новым сараем. Под шинами хрустел гравий, Тахо остановился.

Папа выключил двигатель.

— Дженна, пойдем со мной. Тавия, я оставляю ключи в замке зажигания. Оставайтесь с детьми.

Я подумала, что это смешно. На прошлой неделе, папа не объяснил свое решение не пойти с нами в театр — он хотел потусить с номером Пять и ее сыном, который был слишком маленьким, чтобы просидеть весь мультфильм, еще меньше фильм, потому что я была ребенком, и он был взрослым. Теперь, когда он говорил о детях, он не имел в виду меня.

Я почти закрыла дверь, но надавила на него, чтобы закрыть его полностью. Мои черные конверсы создавали меньше шума от гравия, чем сапоги папы, но он по-прежнему звучал громче, чем следовало бы. Я перешла на траву, и папа сделал широкий шаг, чтобы сделать то же самое. Мы улыбнулись друг другу, и пошли к дому.

До боковой двери, окаймленной черными железными рельсами, было четыре шага. Мы поднялись по ступенькам вместе, и даже это казалось слишком громким. Не было ни единого звука, ни работающего автомобиля, ни комбайнов на полях, ни лающей собаки, ни даже ветра. Никогда бы не подумала, что мир может быть таким тихим без людей.

Папа и я стояли на небольшом бетонном крыльце. Дверь была, как у папы дома — сверху было органическое стекло, внизу — древесина, за исключением того, что здесь еще была собачий проем.

— Их папа взял им собаку, — проворчала я.

— Не начинай, — сказал он.

Он постучал по стеклу.

— Зачем это делать? — спросила я. — Если какой-либо из этих тварей там, это не достаточно громко, чтобы привлечь их. Если люди находятся внутри, они не услышат нас, и

они, вероятно, прострелят нам лица, если мы...

Лицо мужчины прижимается к двери, и его рот был широко открыт, слишком широко. Один из его щек была отгрызена. Папа и я испугались. Кровь прошла прожилками через окно, и можно было увидеть коренные зубы мужчины.

— Не смотри на это, — сказал папа.

— Я не хочу, но я не могу остановиться.

Еще один, женщина уперлась плечами на мужчину, и начала царапать дверь.

— Они не могут открыть дверь, — сказал папа.

Я закатила глаза:

— Уровень апокалипсиса — гений.

— Хорошо, умник. Я буду в сарае, может, найду что-то полезное. Старайся следить за ними... не смотря на них слишком близко.

Я заставила себя оглянуться на него, но я не мог оторвать взгляд от пары. У женщины не было куска волос у левого уха, но это было единственная рана, которую я могла видеть. Ее кожа была голубоватого цвета, и ее темные вены были видны снизу.

Пока они неуклюже толкались в дверь, я старалась не смотреть в мутные глаза женщины. Она не была полной, но я не могла не заметить, как плохо сидит на ней платье. Оба были в крови, подбородки и руки, и я подумала, кто кого укусил первым.

Кормили ли они друг на друга?

Затем я увидела это.

Моя грудь вздымалась, а глаза вылезли из орбит.

— Папа? — я сделала шаг назад. — Папа? — я снова позвала его, потянувшись за перила. Я чуть не упала верхнюю ступень. Я шла назад, пока я не могла больше видеть это — переносную кровать у стены в гостиной за парой. Стена была забрызгана и смазана кровью, и детская кровать была полна ею.

— Папа! — кричала я.

Он прибежал за мной.

— Что случилось? — спросил он, тяжело дыша.

Я спрятала лицо у него в груди, указывая дрожащей рукой на дверь.

— Они... они съели ребенка! Это...

— Там? — папа взбежал по ступенькам. Через несколько тихих моментов, его шаги были слышны на ступенях, а затем он снова потянул меня к себе.

— Христос Вседержитель, Дженна. Подумай о чем-то еще. Подумайте о маме. Подумайте о школе. О чем угодно.

Я покачала головой, вытирая мокрое лицо о его футболку, пока он утешал меня.

— Они...

Он взял меня за подбородок рукой и поднял мою голову.

— Нет, они не сделали этого. Помни, что сказала Тавия о том, что они уже не те, кем они были раньше?

— Ребенок не знал об этом.

Папа сжал челюсти, а затем повернулся к машине.

— Да ладно, давай убираться отсюда. Там станция по дороге.

— Мы можем это сделать?

— Да. Я просто не хотел рисковать. Дженна?

— Да?

— Не говори Хэлли. Никому из них не рассказывай. Давай представим, что мы не видели этого.

Я кивнула, вытирая глаза.

— Удалось что-нибудь найти? — спросила Тавия, когда мы вернулись в автомобиль.

Хэлли и Тобин раскрашивали что-то.

Папа покачал головой.

Тавия нахмурила брови.

— Дженна? Все в порядке, дорогая?

— Я буду в порядке.

— Эндрю, что случилось с ней?

— Ничего.

Хэлли повернулась в кресле, облокотившись на консоли.

— Что ты видел?

Папа обратился:

— Не отвечай, Дженна, — он посмотрел на Тавию. — Есть некоторые вещи, которые вы не хотите знать. И также некоторые вещи нельзя не увидеть.

Тавия закрыла рот, как папа выехал из подъездной дороги, а потом потянулся, чтобы схватить меня за руку, сжимая плотно. Мы оба знали, что было лишь одним из первых многих ужасных вещей, я предстоит увидеть, которые все мы увидим. Даже когда мы хотели отвернуться, мы должны смотреть уродливым тварям в лицо, чтобы только остаться в живых.

Хэлли повернулась, и я закрыла глаза. Это был только вопрос времени прежде, чем она останется в неведении. Я не могла закрывать ей глаза вечно.

Папа выехал на дорогу, сворачивая на запад.

«К западу по шоссе 11

На пути к небесам»

Сразу после того как мы проедем через ад.

A3C нашелся в следующем городке, но внутри магазин никого не было. Папа использовал кредитную карту, шепча молитвы, я не могла разобрать. Затем он ударил воздух, вены на лбу набухли. Он скрестил руки на задней углу Тахо и положил голову.

— Что случилось? — я спросила.

— Должно быть, что-то перекрывает дверь. Я надеюсь, — сказал он, сузив глаза, смотря в магазине.

Он был меньше, чем небольшой. Папа полез под ноги, когда он наклонился над сиденьем к пассажирской стороне, схватил ружье.

— Что делаешь?

Он зарядил пистолет.

— Я собираюсь посмотреть, смогу я получить поток. Вы можете попробовать запустить карту здесь? Просто сделай это, — он показал мне, как вставить карту в щель, а затем вытянул ее. — Выбери степень, нажимая на кнопку восемьдесят семь, — приказал он, прижимая ее. — Затем, возьми насос и потяни вверх рычаг. Насадка входит в бензобак, вот так, и нажми на спусковой крючок, — сказал он, пока я наблюдала, как он показывает. — Ты поняла?

— Я могу это сделать.

Тавия высунулся из ее открытого окна.

— Вы не должны проходить через все это. Я могу это сделать.

— Она должна учиться. Она должна узнать все, — папа сказал, не отрывая глаз от магазина. Он держал винтовку перед собой и сделал свой первый шаг.

— Будь осторожен, — сказала я. — Они могут подкрасться.

Папа не развернулся. Когда он достиг двойных дверей, он постучал в стекло с ружьем. Ничего не случилось, он вошел внутрь.

Я опустила карту в слот, выбрал степень, а затем поднял насадку перед тем как разместить его у бака внедорожника. Газовый насос запищал снова, но опять же, ничего не произошло, и цифровой дисплей начал прокручивать слова.

Папа высунул голову из двери.

— Попробуй еще раз. Я думаю, что я понял.

Я вставила карту снова, но в этот раз было отказано.

— Что? Нет, — сказала я, пытаюсь снова. Опять вышло слово "Отказ".

Папа толкнул через двери и поднял руки, разочарование и замешательство отразились на его лице.

— Говорит карта запрещена! — закричала я.

Он прибежал ко мне.

— Она права, — сказала Тавия. — Я видела.

— Черт возьми. Черт побери! — папа кричал в небо. Он провел ладонями по боковой двери, его пальцы побелели, его мышцы челюсти двигались под кожей. — Мы должны вернуться в Андерсон.

— Что? Нет. Мы будем идти так далеко, как мы можем, и мы пройдем остаток пути, — сказала я.

Папа посмотрел на меня.

— С малышом и семилетним ребенком? Дженна, это не реально.

— У нас есть палатки. У нас есть все, что нужно. Мы будем держать вахту. Мы можем найти пустой дом. Мы можем сделать это.

— Это слишком опасно. Эти твари, везде! Мы возвращаемся.

— Мама не в Андерсоне.

— Дженна, может случиться что-то плохое. Готова ли ты рисковать жизнью своей сестры? Ваша мама не хотела бы этого.

— Она не осталась в Андерсон, потому что она знала, что мы не смогли бы выжить там. Мы говорили об этом. Мы...

— Я сказал нет, — сказал папа, непреклонно.

— Ты не был там! Ты не можешь принять это решение! Это то, что Хэлли и я обещали маме!

— Если бы она настолько волновалась, что ты не сможешь выйти из затруднительного положения, она бы не ушла. Она была тут, Дженна, и она ушла!

— Эндрю! — вмешалась Тавия.

Слезы потекли по моим щекам.

Плечи папы упали.

— Черт возьми, Дженна, я извиняюсь. Я не это имел в виду. Я просто расстроен.

— Она не оставила нас. Она встретит нас на Красном холме. Это план. Это всегда было планом, — сказал я хрипло.

— Вы правы, — сказал папа, щеки покраснели.

— Она не оставила нас, — повторяя, в основном, себе.

— Я знаю ее. Я точно знаю, что она думает. Я бы сделал то же самое! Она не была уверена, вернемся ли мы в дом. Она знала, что мы вернулись бы, хотя бы, потому что мы обещали друг другу, и мы выполняем свои обещания.

Папа склонил голову.

— Загружаемся. Поехали.

Я залезла на заднее сиденье, рядом с Тобином, скрестив руки, и папа сел в кресло водителя. Он включил зажигание. Двигатель включился, пощуршал, и умер.

— Нет... давай... — он снова завел его.

Двигатель сделал жужжащий звук, но не включился. Папа хлопнул руль обеими руками.

— Эндрю, — сказала Тавия, ее голос был низким и успокаивающим, — мы можем идти. Мы можем сделать это. Это просто займет больше времени, чем планировалось изначально.

Папа кивнул и потрепал спутанные волосы Хэлли.

— Хорошо, Пор Сэн, возьми свой рюкзак. Возьмите столько, сколько вы можете нести.

Хэлли повиновалась, потянув рюкзак на плечи.

Мы продолжили дорогу.

Папа немного надеялся, что проедет мимо какая-нибудь машина и посадит нас, но он также был обеспокоен тем, что кто-то может попытаться забрать наши вещи. Я не говорила ему, что это маловероятно, так как прошло только два дня, и большинство людей либо беспокоились о том, как добраться домой своим близким, или сосредоточились на укреплении зданий, в которых они остановились.

— Ты не знаешь этого, Дженна. Все что ты знаешь, основано на телевизионных шоу, — ругал меня папа.

— Которые основаны на здравом смысле и исторических фактах, — сказала я.

— Прежде никогда не наблюдалась вспышка зомби.

— Но и раньше были бедствия. Поведение такое же.

Папа вздохнул и покачал головой. Затем он остановился и обернулся.

— Хочешь, я его понесу?

Полчаса назад Тобин уснул, и Тавия очень отставала от нас. Она покачала головой, слишком уставшая, чтобы говорить.

Папа сделал несколько шагов назад к ней, и потянул руки вперед.

— Дайте мне его. Не дело это, если ты так устала. Нам нужно пройти еще четырнадцать миль до наступления темноты.

Грудь Тавии вздымалась, она вручила сына.

— Я действительно сожалею о моих отговорках не пойти с Терезой.

Папа усмехнулся, но его улыбка исчезла, когда Хэлли указала:

— Папа! — сказала она, встревоженно.

Одна из тех тварей, мужчина, направлялся к нам.

— Он один, — сказал папа. — Наверное, из соседнего города. Мы обойдем его, пробежав широкую дугу, а затем некоторое время будем бежать, чтобы он отстал от нас.

— Я не могу бежать, — сказала Тавия, задыхаясь.

Тварь приближалась.

Папа посмотрел вокруг.

— Мы могли бы найти место, чтобы спрятаться, но он, наверное, просто последует за нами. В любом случае, мы должны подобрать темп.

— Если мы убьем его, нам не придется, — сказала я.

Все посмотрели на меня.

— Мы с Хэлли побежим вокруг. Вы отвлекете его. Когда он обернется, ударяешь его по коленям, а затем удар по голове прикладом винтовки.

Брови папы взлетели вверх.

Я пожала плечами.

— Или мы можем побежать.

— Что мама позволяла смотреть вам? — спросил он.

— Это из видео-игры. Мы собираемся бежать или нет? — спросила я.

Папа и Тавия смотрели друг на друга.

— Мне очень жаль, Эндрю. Я просто не могу.

Папа выдохнул, передавая Тобина Тавии. Папа потер шею и затем поднял винтовку над

головой. — Вчера я никогда не поверил бы, что я буду бить кого-то по голове.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я не думаю, стала бы приманкой. У нас много работы!

Он посмотрел на меня.

— Не смотрите, обе. Я не хочу, чтобы вы видели, как я делаю это.

— Просто не забудь ударить его по коленям, — сказала я. — Так будет намного проще.

Я опустилась на колени, и Хэлли забралась на спину. Я дернулась, регулируя ее положение.

— В теории, — сказал папа. — Идите. Веселитесь.

Мы шли еще двадцать секунд. Затем, Тавия остановилась, папа приготовился, и я побежала вправо в широком полукруге. Человек застонал, достигая для нас.

— Эй! — сказала я. — Сюда!

Он повернулся, чтобы последовать за нами, его кровавая рубашка с принтом команды Oklahoma Sooners была разорвана на воротнике. Были видны сырое мясо и кости, но кровь не была свежей. Что-то жевало его, но не долго.

Я услышала, как папа проворчал, и я повернулась, но я не остановилась. Зараженный упал, так как я и сказала, но когда папа ударил его по голове винтовкой, он продолжал лезть к нему.

— Ударь его снова! — закричала я.

Папа повернулся снова, и раздался громкий треск эхом в каждом направлении. Все, наконец, стихло. Папа подтолкнул его сапогом, а затем потопал в нашу с Хэлли сторону.

— Я думал, что я сказал вам, не смотреть! — проворчал он.

Я посмотрела назад и вверх на Хэлли, чья рука была поверх очков.

— Она не смотрела.

— Ты! Я сказал тебе, тоже!

— Я не могу держать глаза закрытыми, папа! Я должна была видеть, что происходит!

Он на мгновение задумался об этом, все еще тяжело дыша. Различные эмоции крутились на его лице, а затем он склонил голову, вытирая остатки мозга зараженного о траву.

— Хорошая работа, — сказала Тавия, догнав нас.

Папа снова взял Тобина, и мы продолжили, как будто ничего не случилось.

Я продолжала нести Хэлли на спине, зная, что нам предстоит еще долгий путь. Она молча поблагодарила меня, касаясь щекой о макушку и давая мне незаметное объятие. Я улыбнулась. Ладить было редкостью для нас. Если я не противостояла ей, что она бы командовала мной. Мы так привыкли к борьбе, что мы часто кричали друг на друга без всякой причины.

Но теперь, мир переменился, и также как все, о чем я заботилась. Самым главным для меня была Хэлли, и даже после двух миль небольшая, но удивительно тяжелая Хэлли, заставляли мои ноги двигаться к цели — доставить ее к маме.

Мы говорили, пока мы шли. Мы ели, пили и смеялись. Все это время, мы добрались до следующего городка, останавливаясь только для коротких перерывов.

— Я голодна, — сказала Хэлли, когда мы достигли гребня холма.

Солнце припекало, и ни один из нас не ходил на такие длительные походы.

— Время перекуса, нет? — спросила она.

— Мы должны сохранить еду, Хэлли. Мы не знаем, как долго мы будем идти.

— Что это значит? — спросила Хэлли.

Я протянула к ней руку.

— Это означает, что мы не можем есть закуски. Трехразовое питание, пока мы не найдем больше пищи.

Хэлли нахмурилась. — Но мы будем с мамой сегодня. Она может сделать нам что-то на ужин.

— Мы не увидим маму сегодня вечером, если мы не найдем машину. Это долгий путь пешком.

— Насколько долгий? — спросила она.

Папа посмотрел на меня. Когда у меня не было ответа, выражение его лица оживлялось.

— Может быть, через пару дней, Pop Can. Не беспокойся. Мы попадем туда.

— Пару дней? — спросила она, ее тон повышался с каждым словом.

Я съежилась. Папа тоже.

— К сожалению это так, малыш. Это все, что он может предложить.

Я сжала ее руку.

— Чем больше мы ходим, тем мы ближе.

— Перекуса не будет? — начала она скулить, кусая нижнюю губу.

В верхней части следующего холма, в третий раз за много часов, мы остановились.

Тобин отметил.

— Что это?

— Иисус на небесах, — сказала Тавия, вытирая пот с шеи и грудной клетки.

— Зараженные, — сказал Папа. — Может быть, десять?

Тавия приложила руку ко лбу, чтобы закрыть солнце.

— Они слишком далеко. Может быть, они люди?

Папа вытащил бинокль из своей сумки и приставил их к глазам. Он быстро отложил их.

— Черт возьми.

— Что нам делать? — спросила Тавия.

— Мы не можем пройти через них, — сказал папа. — Все там между нами и ими — пастбища.

Я посмотрела вокруг.

— Какие-нибудь фермы или амбары не наблюдаются?

Папа снова поднял бинокль и посмотрел в каждом направлении.

— Просто насосная станция. Выглядит не достаточно большим для нас всех.

— Хорошо, — сказала Тавия. — Что будем делать?

Папа протянул руки, а затем опустил их на бедра.

— Найти место, чтобы спрятаться? Надеяться, они пойдут в другом направлении?

— У нас есть оружие, — сказала я. — Используй его.

Папа посмотрел на ружье.

— Ты просто хочешь, чтобы я открыл огонь на кучу лю...

— Инфицированных, папа. Ты сам это сказал. Они заражены. И их слишком много, чтобы справиться с ними.

Футболка папы была влажной от пота. Тем не менее, он вытирал ей лицо. Пятичасовая тень закрыла его сухие губы.

— Пап?

— Я думаю.

— Также у нас есть пистолет, который мы взяли на мосту.

— Я знаю, — он прищурился, глядя на ряд круглых тюков сена. — Тавия, отведи детей на те стоги сена. Я полезу на одну чуть ближе, а затем вернуться к вам, если я смогу.

— Это твой план? — спросила я.

Папа стиснул зубы.

— Дженна, черт побери, ты можешь просто делать то, что я говорю?

— Я знаю, как стрелять из винтовки, — сказала я.

— Нет

— Но...

— Я сказал нет! Теперь, неси свою задницу на тот стог сена! — он указал одной рукой и сунул бинокль на меня с другой.

Я нахмурилась, когда я схватила бинокль из его руки, и тогда я привела Хэлли в поле, шагая через свежескошенную траву на круглых тюках.

Повесив охотничье ружье и с полуавтоматом на плечо, папа пошел на запад в сторону группы инфицированных. Я помогла Хэлли подняться первой, и она помогла поднять Тобина, пока мы с Тавией его подталкивали. Тогда, я обхватила руками и помогла поставить ногу Тавии. Это не было идеально, и ей понадобилось несколько попыток, но она, наконец, поднялась на вершину, а затем нагнулась, чтобы помочь мне.

— Получилось, — сказала я.

— Ты уверена, дорогая? — она смотрела на меня, пока я поднималась на вершину.

— Да, — сказал я, задыхаясь, но улыбаясь, я села рядом с ней.

Мое хорошее настроение не продлилось долго. Я держала бинокль у глаз и следила за папой.

— Он выбирал круглый стог. Они по-прежнему у него на пути.

— Колется, — сказал Тобин, стараясь убрать сено с рук.

— Немного, — сказала Тавия, потянув его на колени и убрав сено из его одежды.

— Он выбрал позицию, — я смотрела, как папа лежал на животе, прежде чем поставить палец на курок винтовки. — Я надеюсь, что у него есть запас боеприпасов.

Тавия неодобрительно проворчала.

— Ты не так уверена в отце, не так ли?

Я опустила бинокль и посмотрела на нее. — Он... да, он умный. Но моя мама любит все такое. Я просто хочу, чтобы она была здесь. Она думает наперед. Папа думает о... девушках.

— Бьюсь об заклад, что сейчас ей это не нравится, и я держу пари, единственные девушки, о которых думает твой отец его собственные.

Я смутилась, и затем я взяла бинокль, когда папа выстрелил в первый раз.

— Один готов!

Он снова выстрелил, и его тело резко дернулось вперед.

— Он попал еще в одного! — я уронила бинокль на колени. — Это действительно громко. Звук привлечет еще больше зомби.

— Мы просто должны удрать до этого, не так ли? — ответила Тавия.

Папа выстрелил еще несколько раз. Он даже не упал назад. Он попал в большинство из них, а затем крикнул нам, чтобы мы спустились.

— Давай, Хэлли! — сказала я после того как спрыгнула. — Прыгай!

Она наклонилась, доставая руками до меня, а затем упала вперед. Я едва поймала ее. Я поставила ее на ноги, а затем протянула руки, чтобы забрать Тобина из рук Тавии.

— Поспешите! — сказала я Тавии.

Она слезла довольно быстро, и мы побежали к тюку сена, из которого стрелял папа, но он уже был на другой стороне дороги, отвлекая немногих инфицированных, поэтому он не мог заставить себя стрелять.

— Не смотри, Хэлли, — сказала я.

Тавия прикрыла глаза Тобина, когда мы прошли мимо, мгновенный всхлип едва не вырвался из горла.

Папа проходил вокруг зараженных детей с различными ранениями, все три моложе меня. Я только посмотрела достаточно долго, чтобы убедиться, что они не следовали. Когда я услышал три выстрела.

— Ты... — начала я.

Папа покачал головой, с трудом скрывая свои эмоции.

— Просто сделал это, чтобы они не догнали нас. Иди быстрее.

Он взял темп, и мы сделали то же самое, отчаянно желая, чтобы создать дистанцию между нами и месивом что мы оставили позади.

Недалеко в поле было полно металлолома из старых автомобилей, и нескольких ржавых тракторов.

— Папа! Автомобили! — сказал Хэлли.

— Мы не будем использовать ни один из них, Pop Can. Это просто металлом.

— Оу, — сказала она, разочарованно.

— Машина, мама! — произнес Тобин, указывая.

Тавия тронула пальцами его темные волосы. — Верно! Ты такой молодец

Он обнял свой поезд.

Если бы нам пришлось ехать с малышом, я выбрала бы Тобина. Он был тих, и он слушался свою маму. Тавия может его успокоить, когда это необходимо. Нас так везло до сих пор. Я удивлялась, как долго это продержится.

— Машина, мама! — сказал Тобин снова.

Послышался звук двигателя на расстоянии, и папа загнали нас с дороги. Солнце подало на автомобиль только справа, так что потребовалась минута, чтобы увидеть, что это был серебряный микроавтобус. Они ехали так быстро, что я подумала, преследует ли их кто-то, но в момент, когда они увидели нас, они замедлились.

Человек, примерно в возрасте папы опустил окно. Темная борода прикрыла его нерешительную, но вежливую улыбку.

— Идете к следующему городу?

Его жена сидела на пассажирском сиденье, смотря назад и шептала, утешая, кого-то на заднем сиденье.

— В данный момент да, — ответила папа. — У нас на пути закончился газ.

Мужчина посмотрел на свою жену, она молча дала согласие.

— Послушайте, — сказал он, глядя на папу, — опасно идти. Мы едем в Шаллот. Родители моей жены находятся там. Мы едем всю ночь с Мидлэнда.

— Вы проехали весь путь с Мидлэнда? — спросил папа.

— Было нелегко, — ответил мужчина, показывая пистолет.

У его жены тоже был один, она выглядела смущенной.

Папа посмотрел на дорогу.

— Мы были бы признательны, если бы вы могли подвезти как далеко как вы сможете. У

меня есть немного денег....

Человек поднял руку и покачал головой.

— Будет немного тесновато с детьми, но вы можете поехать с нами.

Папа обратился к Тавии, и она выдохнула с облегчением.

— Спасибо, Иисус, — сказала она. — Пойдем, Тобин. Ты нашел нам машину!

Человек нажал кнопку на потолке, и открылась боковая дверь, и мы увидели девочку немного старше Хэлли, может быть, десяти или одиннадцати лет, и мальчика возраста Тобиана.

— Ну, привет! — Тавия добралась до третьей ряда сидений, мимо двух мест, где сидели дети.

Она села с краю и посадила Тобиана на колени, оставляя достаточно места для Хэлли и меня, но я задавалась вопросом, где сядет папа.

— Просто, э-э... ваша маленькая может нормально поместиться на пол между нашими детьми, если вы не возражаете, — сказал мужчина.

Папа поднялся и сел у другого края, и я сидела в середине. Хэлли сидела на полу перед моими ногами.

Дверь закрылась, а затем человек нажал на газ. Волна облегчения захлестнула меня.

— Я — Брэд, — представился мужчина, глядя в зеркало заднего вида. — Моя жена — Дарла, — представил он.

Она обернулась и сверкнула улыбкой.

— Наша дочь Мэдлен, и наш сын Логан.

Папа указал на себя. — Эндрю, — он указал на остальных:

— Тавия, Тобин, Дженна. И Хэлли на полу.

Все обменялись обычным «рады познакомиться».

Впервые за несколько часов, я чувствовала, что мое тело медленно расслабляется от состояния боевой готовности, с тех пор как я открыла глаза этим утром. Не займет много времени, чтобы понять, что ни один из нас не пах очень хорошо.

— Папа, — прошептала я, — мы воняем в их машине.

— Простите, — сказал папа взрослым впереди. — Мы шли весь день. Мы не хотели вас обидеть.

— Не беспокойтесь об этом. Мы и сами не пахнем розами, — пошутил Брэд. — Мы должны было поехать к родителям сегодня, но когда мы услышали доклады, мы знали, что они не дождутся нас, и Шаллот — крошечный городок. Там будет больше шансов, чем в Мидлэнде. Ее родители будут беспокоиться, если мы не приедем.

— Я везу девочек к их маме. Она не далеко отсюда.

— Если мы сможем, может быть, мы могли бы отвести вас утром? В зависимости от ситуации с газом, конечно. Мы просто использовали последнюю канистру час назад.

— Это было бы... — папа посмеялся один раз, плечи расслабились от нахлынувшего на него облегчения, — это было бы очень любезно с вашей стороны.

Он обнял меня за шею и прикоснулся губами к моему виску.

— Мы будем в порядке, малыш. Вы будете с мамой завтра в это время.

— Не сглазь, — ответила я. — Мы еще не добрались.

— Что за черт? — проговорил Брэд, резко нажимая на тормоз.

Я потянулась и не удержала Хэлли, Дарла развернулась и поймала ее, прежде чем она ударилась лицом о бардачок.

— Воу! — Дарла улыбнулась Хэлли, когда она подняла голову. — Ты в порядке, дорогая?

Хэлли кивнула, а затем Дарла выжидательно посмотрела на своих собственных детей. Они одновременно подняли головы.

Папа наклонился вперед.

— Что это было?

Брэд смотрел на северную дорогу, и мы все без колебаний перевели наши взор в том же направлении.

Старая двухэтажная церковь была переполнена этими тварями, как, если бы она заразила себя. Они извивались наружу и внутрь разбитых витражей, как личинки корчились в открытых ранах мертвого животного. Большие осколки живописного искусства свисали с вершин оконных стекол, и зазубренные края досок торчали из стен, которых до сих пор были прибиты.

— Как вы думаете, люди застряли там? — спросила я.

— Господи, я надеюсь, что нет, — ответила Тавия, глядя в сторону второго этажа.

Брэд медленно проехал мимо, и он указал на окно.

— Смотрите! Открытое окно! Они вышли!

— Но посмотрите на всю кровь, на стенах здания, — сказала я, отметив, темно-красный мазок, ведущий от блока питания на крышу.

— Мама? — сказала Мэдлин, дрожащим голосом.

— Все в порядке, дорогая. Мы уходим.

Зараженные заметили фургон, и один за другим, они стали выбираться из церкви.

— Поехали, Брэд, — предупредила Дарла. — Поторопите!

Брэд нажал на газ, и фургон рванулся вперед. Как только, он набрал скорость, кто-то выбежал навстречу фургона, женщина размахивала руками в воздухе.

— Стойте! — кричала она. — Пожалуйста!

— Брэд! — вскрикнула Дарла.

Брэд дернул руль вправо, врезавшись в грузовик на стоянке в середине дороги. На этот раз я успела схватить Хэлли, держа ее рубашку туго в моих кулаках. Она полетела вперед, к сиденью водителя, и в мое плечо врезался бустер Логана, но я не отпускала. Хэлли на полсекунды задохнулась, но, помимо этого, она была невредима.

Тобин плакал, и Тавия проверяла его.

Брэд и Дарла и посмотрели ошеломленно, наполовину заинтересованно, тем что случилось, и, беспокоясь, что будет дальше.

— Мама! — снова сказал Мэдлин.

Логан тоже начал плакать.

— Эндрю! С Тобином все в порядке? Он ударился головой! — сказала Тавия напряженным голосом. Она пыталась сохранять спокойствие.

Папа потянулся к нему и потянул вниз одну из нижних век, чтобы хорошо взглянуть в

глаза.

— Мы должны выбраться отсюда, — сказал Брэд. — Отстегните ремни безопасности, Мэдди!

— Откройте дверь! — сказала я.

Мэдлин потянулась ко мне, так что я помогла ей отстегнуться, а потом я сделала то же самое с Логаном. Я подняла Хэлли, выходя из пассажирской стороны раздвижной двери. Я был рад, что это фургон открывался с обеих сторон. Мы бы не смогли выйти с другой стороны.

Я оглянулась на церковь, по крайней мере, четверти миль от нас.

— Хэлли? — произнесла я, наклоняясь, чтобы заглянуть ей в глаза. — Ты в порядке?

— Болит горло, — сказала она, потирая красную линию вокруг шеи.

— Прости, — сказал я, обнимая ее.

Я быстро обошла грузовик и микроавтобус, в поисках инфицированных, а затем я остановилась впереди. Два транспортных средства, старый зеленый грузовик и серебряный грузовик Брэда, были скручены, и переплетены вместе.

Из-под обломков медленно вытекала темная жидкость.

— Что-то течет! — сказала я, толкая Хэлли назад.

Появился папа, держа Тобина.

— Это... не из фургона. Это...

Я наклонилась, чтобы заглянуть под искореженные автомобили, чтобы увидеть бездомную девушку, не многим старше меня, лежащую под фургоном. Одна из ее рук была разорвана шиной водителя, и едва была видна за шиной.

— О, мой Бог, я задавил кого-то? — проговорил Брэд.

Дарла закрыла рот.

— Она была уже мертва, — сказала я. — У нее прострелена голова. Возможно, заражена.

Папа наклонился.

— Похоже, она была больной долгое время прежде, чем схватить вирус зомби.

— Не говори это, — сказала Дарла. — Зомби — это смешно, — она говорила слова с нервным смешком, как будто это было против ее природы, говорить так, но она должна была сказать это вслух только для собственного здравомыслия.

— Ты в порядке?

Мы все обернулись и увидели женщину в платье. Когда-то это было красное платье в белый горошек. Теперь, оно было просто красным. Один из прядей запутанных темных волос по-прежнему были привязаны сзади. Трое детей, девочка и два мальчика, стояли позади нее, широко раскрыв глаза и испуганные.

— Вы в порядке? — спросила она.

— В порядке ли мы? — Брэд шагнул к ней, с серьезным выражением лица.

Она отступила на шаг назад, держа ее руки, защищая детей своим телом.

— У нас был вполне хороший автомобиль! Мы были почти прибыли к месту назначения! О чем, черт возьми, вы думали, выбегая на дорогу так?

— Я извиняюсь, — сказала она, ее глаза блестели. — Я пытался уехать отсюда.

— Брэд, — сказала Дарла, касаясь его руки.

Брэд оторвался от своей жены.

— Уехать? Как это так? Теперь никто из нас не уедет к черту! У меня тоже есть дети!

Вы чуть не убили их!

— Я была... я была в отчаянии! — сказала она, делая шаг вперед. — Город кишит этими тварями. Остались только я и эти дети, и я... я не думала. Мне очень жаль.

Брэд посмотрел на транспортное средство, а затем бросил ключи. Они проехали через асфальт и потерялись где-то в траве на другой стороне.

— Может... может, мы начнем сначала? — спросила она. — Меня зовут Эйприл. У меня есть дом. Вы можете остаться. Пожалуйста... оставайтесь.

— Заберите свои вещи, — сказал папа. — Мы должны двигаться.

— У нас есть дом, — сказала женщина. — Т-там. Мой муж обшил досками некоторые из окон. Если будет тихо, они не будут беспокоить нас.

— Где он? — просил папа.

Ее глаза пробежали между нами, а потом она просто покачала головой.

Маленькая девочка — волосы, когда они были чистыми, были, вероятно, почти белые — была младше Тобина и Логана, но не намного. Она напомнила мне много Хэлли, когда она была в этом возрасте. Мальчики были младше меня, и совсем не были похожи. Они были напуганы до смерти. У старшего были большие зеленые глаза и всплеск веснушек на носу и у младшего были карие глаза, песчано-светлые волосы, которых уже давно пора было подстричь.

Тавия посмотрела на приближающуюся толпу зараженных, медленно идущих, прихрамывая и спотыкающихся из церкви в нашу сторону.

— Мы должны бежать, — сказала женщина. — Мы можем уйти от них вокруг начальной школы, а затем мы можем проникнуть сзади.

— Из школы? — спросила Дарла.

Она покачала головой.

— Она полна. Вы не захотите идти туда. Не всех детей забрали вовремя, и... — она замолчала, щурясь от изображения в голове.

— Да ладно, ребята, — сказала она, после забрав девочку.

Мы быстро собрали наши вещи и последовали за ними. Мы побежали по траве на южной стороне дороги, подошли заросшему пустырю, и продолжили путь к начальной школе. Женщина остановилась там, она задыхалась. Папа держал Тобина, и Брэд взял Логана.

В нашей компании было слишком много детей. Ни разу в шоу про зомби не было детей меньше 10 лет.

После того, как мы все стояли у наружной стены школы, женщина снова начала движение. Мы сделали полукруг, а затем пробрались в задний двор через ворота. Она указала нам идти внутри, а затем приложила палец к губам. После того как мы вошли так, она тихо закрыла ворота за собой.

Мы стояли где-то вроде бывшего гаража одного автомобиля, который был превращен в спальню. Французские двери вели в остальную часть дома. Папа передал Тавии ее сына, а потом он повернул ручку двери на право, медленно и осторожно. Он держал ружье обеими руками. Брэд и Дарла провели своих детей рядом, и Тавия перешла на сторону в то время как женщина присоединилась к нам. Она закрыла заднюю дверь мягко и повернула замок.

— Что он делает? — прошептала она.

Все трое ее детей стояли у стены, глядя на нас с опаской.

— Проверяет, есть ли еще кто-нибудь здесь, — сказал Брэд ровным голосом.

— Здесь никого нет, — сказала она, качая головой. — Только я и дети.

— Мы должны убедиться в этом, — сказал Брэд.

Выстрелы можно было услышать, как петарды рядом. Это напомнило мне о четвертом июля, но это определенно не тоже самое.

Папа появился в дверях.

— Только мы, — прошептал он.

Он повернулся на каблуках, и мы последовали за ним по коридору, который заканчивался кухней. Свет был выключен, и было бы темно, но одно окно было разбито. Зубчатые края фанеры висели на вбитых стенах.

Папа указал на небезопасное окно.

— Мы должны починить это окно.

— Есть несколько листов фанеры в гараже на улице. У нас достаточно фанеры, чтобы удвоить опору на большинстве окон, если вы хотите.

Папа согласился, следуя за ней на улицу. Они вернулись менее чем за десять минут. Эйприл несла инструменты, и папа, кряхтя, неловко нес стопку листов фанеры в обеих руках.

После того, как Брэд и мой папа закончили укрепление окон, оставив только несколько отверстий в деревянных листах, для достаточного солнечного света, чтобы увидеть. Я волновалась по поводу шума от стука, но Тавия следила, и она сказала, что любые любопытные инфицированные держаться в другой стороне, в стороне звуков выстрелов. Теперь они просто появляются по одному. Это был единичный случай, но они по-прежнему проходили.

Я подошла к столу и вытащила стул. Мои мышцы ног все еще горели от нашей долгой прогулки.

Папа и Тавия сразу же начали готовить немного еды для нас. Брэд и Дарла делали то же самое для Мэдлен и Логана.

Женщина и ее дети просто смотрели.

Дарла подняла брови:

— У вас нет никакой еды?

— Мы уже поели. Ешьте, — сказала она.

— У нас не так много осталось, но вы можете к нам присоединиться, — сказала Дарла.

Женщина с гордостью подошла к двери. Она открыла его, чтобы показать длинную кладовую с приличным запасом различных банок овощей, риса, хлеба, арахисового масла, чипсов, каши, в поштучной упаковке начинкой, и бутылки воды, и это было именно то, что мне сразу попало в глаза.

— Вы тоже можете брать из наших запасов, — сказала она.

— Боже, — сказала Тавия, поднеся ладонь к груди.

Папа нахмурился.

— У вас была вся эта пища, но вы так отчаянно, что оставить все это, что вы чуть не сами не бросились под колеса перед вашими детьми?

Я подняла бровь. Я была довольно впечатлена им в тот момент.

Женщина посмотрела на своих детей, а затем обратно на папу.

— Мне страшно. Я была там в этой церкви, когда он был захвачен, и мы потеряли много друзей.

— Как и все остальные, — усмехнулся папа.

— Я потеряла мужа, — точкой ее ответа послужил выстрел.

Папа не ответил на это.

— Я одна с этими детьми. Я увидела ваш фургон, и я запаниковала. Я не знала, уедем ли мы, или останетесь вы. Я просто знала, что я не смогу держать все под контролем в одиночку.

Тавия коснулась ее руки.

— Ты больше не одна. Я — Тавия. Это мой сын, Тобин, — она указала.

— Мою дочь зовут Нора, и мой сын — Джад.

— А это кто? — Дарла имела в виду мальчика, который выглядел примерно на семь или восемь лет, оценивая его большие передние зубы и молочные зубов на нижней челюсти.

Мальчик заговорил:

— Вы видели полосу крови на стороне церкви?

Некоторые из нас кивнули.

— Это была кровь моей учительницы, мисс Стивенс. Она спасла меня от моих родителей, когда они пытались убить меня, — сказал он, как ни в чем не бывало, как будто он что-то говорил о том, что случилось в школе в тот день.

Дарла ахнула, и рука Тавии закрыла рот руками. Хэлли посмотрел на меня, не зная, как реагировать. С тех пор все началось, все, о чем я могла думать, было только о том, чтобы доехать до мамы. Я не думала о том, что было бы, если бы она была мертва, или, еще хуже, она пыталась убить меня или Хэлли.

Эйприл виновато улыбнулась и обхватила плечи мальчика.

— Это — Коннор. Аннабель Стивенс была учителем первого класса. Она была лучшей. Правда, Коннор?

Он посмотрел на Эйприл. Его глаза потемнели от чувства вины.

— Она была бы жива, если бы она не спасла меня.

Эйприл нахмурилась. — Она хотела, чтобы так случилось. Не забывай это! Она любила тебя, и она хотела, чтобы ты жил. Она сделала бы это для любого вас. Мы обсуждали это, Коннор. Ты не можешь винить себя.

— Что ты сделал, — начала я, — когда ваши родители превратились и преследовали тебя?

— Дженна! — ругнулся папа.

Глаза Коннора встретились с глазами моего отца, а затем он перевел взгляд обратно на меня с озадаченным выражением лица.

— Я побежал.

После того как я доела бутерброд и чипсы и выпила целую бутылку воды, я помогла папе заполнить пустые бутылки водой из-под крана, а затем мы распределили груз в наших пакетах.

Выстрелы все еще продолжались, но они были редки, и я начала привыкать к ним.

Хэлли играла с Мэдлен и маленькими мальчиками, в то время как Коннор, казалось, предпочитал стоять у окна и глядя из отверстий.

Папа присоединился к взрослым, чтобы обсудить, что делать дальше, но их разговор сошел с рельсов к планам и теориям о том, что вызвало вирус.

— Я просто рада, что я никогда не делала прививку от гриппа, — сказала Эйприл. — Были сообщения, что те, кто сделали, превращались быстрее сразу после укуса.

— Я слышал про это, — сказал папа. — Мне делали, так что, если меня укусят, я думаю,

вам лучше выстрелить меня быстро.

— Мне не делали, так что позвольте мне попроситься, — присоединилась Тавия, с грустью оглядываясь на сына.

Эйприл почесала шею.

— Я до сих пор не понимаю. Люди с прививкой от гриппа обращаются быстрее? После того как они были укушены? После того как они умирают?

Тавия наклонилась ближе.

— Человек по новостям, сказал, что люди, которых укусили, заболевают. У них поднимается высокая температура, появляется тошнота, головные боли в течение первого часа. Сперва, они думали, что это был какой-то грипп, так что врачи или кто начал копаться в медицинских записях. Они запутались, потому что вакцинированным от гриппа стало хуже, и они умирали быстрее, чем те, кто не был привит.

Эйприл фыркнула.

— Можно подумать, что, когда они вернулись, и пытались съесть людей, врачи выяснили это не грипп.

Тавия поджала губы.

— Это было в начале. Это случилось сразу после новостей об ученом. Он сделал это. Он создал зомби, и теперь, мы все в дерьме.

Эйприл на нервах теребила ногти.

— Вы думаете, что что-то в вакцине?

Папа покачал головой.

— Нет. Я думаю, что, по какой-то причине, вирус взаимодействует с вакцинацией. Это — катализатор, а не причина.

— Да пофиг что это, — сказала Эйприл.

Папа улыбнулся.

— Прививка от гриппа не превращает людей в зомби. Это просто увеличивает скорость распространения вируса, как только вы вас укусили.

— Оу, — послужило ответом от Эйприл. — Так что же вызвало это?

Папа стиснул зубы.

— Псих-ученый. Он, вероятно, одержим фильмами про зомби и, просто пытается увидеть, может ли он может сделать это реальностью.

— Мы никогда не узнаем, — сказала Тавия. — Единственное, что имеет значение так это то, что он сделал это, и теперь это — наша реальность.

Тавия была прав. Причина не имеет значения, ясно лишь, что она была здесь, прямо за окнами, и мы прятались от него, разговаривая шепотом, чтобы нас не услышали.

Я привыкла к такому тону, когда я была младше, когда мама и папа ругались. Папа, как правило, сердился на меня, и мама брала огонь на себя только, чтобы держать подальше от меня. После развода, он лучше справлялся своим гневом, но я задавалась вопросом, как долго это будет длиться, прежде чем он взорвется. Мы все устали и измучены, и напуганы. Ничто из этого не сочетается для кого-то с кипящей яростью внутри. Тогда, я бы спряталась от него в шкафу. Теперь мы прятались вместе, что было гораздо хуже.

Я встала рядом с Коннором, отметив, морщины, которые появлялись, когда он хмурился одним глазом, когда он смотрел через отверстие с другой стороны.

— Видно что-нибудь? — тихо спросила я.

— Да, — прошептал он. — Я вижу здесь кладбище.

Я вздохнула и прислонилась к тонкой фанере, глядя вверх.

— Нам нужно что-нибудь покрепче, чтобы закрыть эти окна.

— Ага.

Дети сидели за столом, спокойно раскрашивая что-то. Казалось, для них так легко забыть о кошмаре, который происходит снаружи, они выбрали идеальный оттенок синего и водили им на бумаге. Хотела бы я чтобы было так же просто занят себя чем-то и делать вид, что все нормально.

Я ухмыльнулась и посмотрела на Коннора.

— Неужели мы управляем нашими жизнями или работаем в детском саду?

Он наклонился в сторону от отверстия в фанере и посмотрел на меня, нахмурившись. — Если бы ты видела, что было в школе, ты бы не жаловалась. Из всего этого города, остались только трое из нас. В церкви был другой мальчик. Его звали Эван. Он был старше меня, но он не смог выбраться. Так что, сейчас только мы и Эйприл. Ваша кучка увеличила население малышей до восьми. Восемь — это даже не детский сад. Вот только грустно.

— Я... Мне очень жаль. Я просто пыталась завязать разговор. Я не имел в виду.

— Я знаю, — сказал он, оглядываясь через отверстие. — Я тоже. Я просто зол.

Я подумала, каким был Коннор до того как все это случилось потому, что он не походил на свой возраст.

— Конечно, ты зол.

— Если бы я был старше, я мог бы спасти больше людей. Если бы я был старше...

— Вокруг много взрослых. Ни один из них не остановился на это. Не носи это с собой.

— Я ничего не ношу. Единственные вещи, которые у меня есть моя одежда.

— Где ты живешь? Может быть, мы могли бы пойти забрать некоторые из твоих вещей?

Он покачал головой. — Сейчас это имеет значение?

Я пожалала плечами. Его образ мышления заставил меня скучать по Хлое. Я подумала о том, где она была, забрала ли ее мама во времени. Я надеялась, что да. Это было все, что у меня осталось.

— Я хотел бы принесли что-то из моей старой комнаты. Это заставляет чувствовать себя, как дома, — когда Коннор не ответил, я продолжала, — Это не так громко, как я думала, будет. Не много криков или истерики. Люди ведут себя тихо, когда они боятся.

— Прошло только два дня, — сказал Коннор без эмоций. — Им нужно время.

— Хэлли привыкла говорить все время. Она едва разговаривает. Она даже не плакала на самом деле.

— Хорошо. Громких детей съедят.

— Ты жутковатый, — сказала я, скрестив руки на груди.

Он откинулся назад и посмотрел на меня, уголки его рта чуть-чуть поднялись.

— Ты странная.

— Да? Ну, я не гляжу на кладбище, когда мертвые люди ходят.

— Я смотрел не на кладбище. Я смотрю на Скитера.

— Кто такой Скитер? — спросила я.

— Парень, который спас меня.

— Я думала, что тебя спасла твоя учительница?

— Он спас меня от моего учителя.

Мои брови взлетели.

— Ой.

— Он жену хоронит.

Я нахмурила брови.

— Ой.

— Она была красивая. Эйприл сказала, что она была беременна. Я уверен, что пришлось застрелить ее. Думаю это... грустно, если это правильное слово.

— Грустно как раз подходящее слово.

— Кажется не достаточно.

— Можно мне? — спросила я, указывая на дыру.

Коннор не мерещилось. На кладбище стоял человек с лопатой, а тело покрытое пластмассой лежало на земле рядом с ним.

— Я вижу его, — сказала я.

— Ага.

Человек был грязный, весь в поту, и один раз, он сделал паузу, чтобы прицелиться и выстрелить из ружья.

Так, вот откуда были выстрелы.

Он был бесстрашным, его лохматые песчано-светлые волосы, торчали из-под его бейсболки. Он был слишком далеко от меня, поэтому я не могла разглядеть его лицо, но его тело периодически тряслось, и я знала, что он плакал.

— Должны ли мы сказать ему, что мы здесь? Он, кажется, хорошим человеком. Умеет обращаться с ружьем, — сказала я.

— Эйприл уже пыталась. Он собирается найти своего брата и племянницу, когда он закончит.

Я посмотрела на Коннора.

— Я сожалею о твоих родителях и учительнице. Это отстойно.

— Да, — сказал он, прежде чем уйти.

— Что вы подразумеваете, говоря, что мы не собираемся уходить? — спросила я, сжав кулаки.

Папа и Тавия вытащили меня из одной из спален через несколько минут, как я проснулась. Свеча была единственным источником света. Солнце еще не взошло, чтобы осветить трещины вокруг заколоченных окон. По языку тела, можно было бы сказать, что это — секретное совещание, на которое они не позвали младших детей.

Папа поднял руки.

— Пока нет. Я сказал, что мы еще не собирается уходить.

— Тогда, когда? — спросила я.

Тавия жестом указала папе, что расскажет сама.

— Я понимаю, что вы хотите добраться до вашей мамы, как можно быстрее. Мне тоже этого хочется. Но у нас было несколько трудных дней. Мы должны отдохнуть, поесть, и составить план. Затем, мы можем решить что к чему.

— Решить, что? — спросила я.

Тавия потянулась ко мне, но я отстранилась.

— Собираемся ли мы пытаться пройти пешком остаток пути.

— Серьезно? — произнесла я, мой голос становился все громче. — Попытаемся?

— Дженна, — папа обратился, — не расстраивать детей.

— Сколько раз я должна повторять? — спросила я, — мама ждет нас. Каждый день, когда мы не появляемся, более беспокойной она становится. Что делать, если она заражена? Что, если она нуждается в нашей помощи? Что делать, если она одна? Она всего в нескольких милях отсюда! — я указала на папу. — Ты не дал мне встретиться с ней в последний раз. Я не позволю тебе ждать, пока она снова не уйдет.

— Что, если она направляется обратно? — спросил папа. — Мы могли увидеть ее. Мы могли бы привести ее сюда.

Мне стало грустно, и я моргнула, не впечатленная его нелепой попыткой успокоить меня с ложными сценарием.

— Вы боитесь. Вы слишком напуганы, чтобы продолжать идти.

— Дорогая, — начал папа.

— Вы шли всего один день, и вы боитесь? Ты убил дюжину инфицированных и ушел без единой царапины. Мы врезались в припаркованный грузовик на пятидесяти милях в час, и едва заметили. Почему вы вдруг против Красного холма? — я пыталась сохранять спокойствие, но с каждым пунктом, мой тон повышался.

Тавия всплеснула руками.

— Мы все напуганы...

— Тогда, оставайтесь! — сказала я, со странным смешком, хотя я не считала, что это — смешно. — Вы не должны идти с нами. Но наша мама ждет нас в Красном холме, и это то место, куда мы с Хэлли собираемся.

— Не сегодня, — сказал папа.

— Тогда, когда? — снова спросила я, подчеркивая каждое слово.

— Когда я скажу, — сказал он, давая понять, что это конец дискуссии.

Я засмеялась без юмора.

— Я не прошу разрешения пойти в торговый центр. Мы говорим о маме в одиночестве без нас! Она ждет нас! Ты честно думаешь, что мне есть дело, что ты — я сделала кавычки — прав сейчас?

Он подошел ко мне и прижался к моему лицу, возвращая меня в то время, когда мои родители до сих пор были женаты.

— Лучше бы начать заботиться. Только то, что сейчас конец света не означает, что я не могу надрать тебе задницу!

Тавия оттащила его обратно, и он перевернулся, поднимая подушку и, бросив его в стену.

Она посмотрела папа настороженно. Теперь она увидела его сторону, к которой мы с Хэлли привыкли, сторону, которую я ожидала, с тех пор все это началось.

— Эндрю может быть, тебе прогуляться и посмотреть, что еще можно сделать, чтобы обезопасить дом.

Папа повернулся к ней, его лицо стало суровым. Он нахмурился настолько глубоко, как его гнев в тот момент. Его каре-зеленые глаза горели ярким светом на его оливковой коже. Когда я подумала, что он начнет кричать снова, он вышел из комнаты.

Тавия глубоко вздохнула и провела рукой по сердцу.

— Это было...

— Типично, — проворчала я.

— Вы так часто ссоритесь с ним?

— Мы привыкли, но не в последнее время.

— Он довольно зол, да? — спросила она, взглянув на закрытую дверь.

— У него дурной нрав. Он работает над этим, якобы.

— Это то, из-за чего вы хотите добраться до вашей мамы так сильно?

Я подняла брови:

— Что бы вы сделали, если вы были отделены от Тобина?

Она моргнула.

— Она моя мама. Если я пораню колено, я иду к ней. Если я болею, я прошу помощи у нее. Если я боюсь, я плачусь ей. Если случается апокалипсис, я иду на край света для нее, — мои глаза и нос покраснели. Внезапное чувство удивило меня. Я вытерла щеку и шмыгнула, оставившись в пол.

— Всего сорок миль. Мы можем сделать это.

— Мы... мы не знаем, сможет ли Тобин пройти сорок миль. Кто знает, как долго придется идти пешком?

— Это не имеет значения, если мы тратим время здесь. Что вы двое говорите? Как убедить меня остаться? На несколько дней? На неделю? Навсегда?

— Нет, — она покачала головой. — Мы просто обеспокоены, в состоянии ли малыши сделать это. Нам нужен автомобиль — либо, по крайней мере, средство для перевозки запасов. Я не могу нести Тобина весь день. Я не могу бежать с ним. Это слишком опасно, чтобы попытаться.

— Я люблю тебя, Тавия. Я не пытаюсь быть злым, но никто не просит, чтобы вы пошли с нами. Если вы хотите остаться здесь, оставайтесь.

Она опешила. — Я знаю, но мы не можем сделать это в одиночку. Мы нужны друг другу.

— Брэд в конечном итоге поедет в Шалот. Вам нужно, чтобы папу остался.

— Не такая уж большая разница. Вам нужно, чтобы он пошел.

— Но он мой отец. Я не собираюсь сдаваться увидеть мою маму снова, потому что вы не можете путешествовать с Тобином.

Милая улыбка Тавии исчезла. Она не хотела противостояния, но она выглядела как медведица защищающая своего детеныша.

— Хэлли тоже не может осилить поездку. Ты рискуешь ее жизнью, если пойдешь, особенно если уйдешь без папы. Мы взрослые, Дженна. Он выслушает меня.

Я сделала глубокий вдох и опустила подбородок. Тавия была довольно пугающей. Я думала о том, что сказала бы мама, расскажи я ей об этом разговоре позже. Она хотела, чтобы я шла вперед. Она хотела бы, чтобы я сделала все, что в моих силах, чтобы нам добраться до Красного холма.

— У папы и меня были свои взлеты и падения, — сказала я, держа мой голос низким и устойчивым. — Но если вы попытаетесь заставить его выбирать между вами или нами, вы проиграете.

Я распахнула дверь в спальню и вышла, проходя логово, где Хэлли и Тобин крепко спали.

Когда я добралась до кухни, Эйприл сидела за прямоугольным столом, попивая свой кофе при свечах.

— Утро, — сказала она, глядя на меня с знающими глазами. — Твой папа на улице.

— Я знаю, — сказала я, усаживаясь на противоположном конце стола.

Длинные волосы Эйприл были затянуты в пучок на макушке. Она переоделась в большую белую рубашку и джинсы-капри с белыми оборками. Она заметила, что я изучаю ее внешний вид, и взглянула на свою рубашку.

— Это — рубашка Дина. Наверное, странно, но я искала в нашем шкафу, что бы надеть, и я только что вытащил его прямо с вешалки, — я не ответила. Она продолжала: — Я спал в куче грязной одежды прошлой ночью. Так вот, это странно, — она усмехнулась про себя, а затем начала плакать.

Хэлли прошла с узкими глазами и неряшливыми волосами, неуклюже пытаюсь надеть очки, подходя к столу.

— Нам нужно найти расческу, — сказала я, притягивая ее к себе на колени.

— Что на завтрак? — спросила она скрипучим голосом.

Должно быть, воздух был ярко-зеленым, от ее рта к носу повеяло запахом, моя реакцией было, то что я повернула голову.

— И зубную пасту!

Она хихикнула и прижалась щекой к моему плечу. Как правило, она не была ласковой со мной. После выходных проведенных с папой Хэлли приходила домой, и она прижималась с мамой, пока она, в конце концов, не приказывала пойти спать, и даже тогда, она просила маму полежать с ней в постели, чтобы обниматься. Папа не был ласковым человеком по своей природе, так что мама была единственной, кто удовлетворял необходимость обнимашек, поцелуев Хэлли. После того как Хэлли появилась на свет, она потребовала к себе всеобщее внимание, и по большей части я научилась жить без этого.

Мне пришло в голову, что Хэлли и я на самом деле не обнимались, с тех пор как она была малышкой. Теперь она свернулась у меня на коленях, как будто это было самой естественной вещью в мире.

— Я могу приготовить тебе что-нибудь, — сказала Эйприл. — Что ты хочешь? Остальные дети тоже захотят поесть после сна.

— У вас есть печеньки и соус? — спросила она.

— Да, — ответила Эйприл, поднимаясь с места.

Я встала, беря собой Хэлли. — Пойдем со мной. Мы найдем способ убрать этот беспорядок из твоих волос и зубную пасту.

— У меня нет зубной щетки, — сказала Хэлли.

Я подняла указательный палец, делая движения вперед и назад, обнажив зубы.

— С моим пальцем? Нет! — проскулила она.

— Да ладно, — сказала я, держа ее за плечи, чтобы направлять ее, как делала мама.

Мы шли по коридору в поисках ванной. Я включила свет и закрыла дверь.

Эйприл сделала нам экскурсию перед сном прошлой ночью, и я была рад, что с восемью детьми и пятью взрослыми, здесь было больше, чем одна ванная комната. У Эйприл в комнате была одна. Она также сказала, что из-за того что в комнате было только одно маленькое и высокое окно, можно включить свет, но только в течение дня, когда солнце было ярким, и она не хотела привлечь внимание.

В первом ящике, который я распахнула, нашлись десятки разбросанных резинок, заколок, бантов вместе с гребнем и расческой. Я предположила, что это была ванная, где Эйприл делала прически своей дочке.

Хэлли откинула волосы, я рылась в других ящиках. Я нашла тюбик зубной пасты, зубные щетки с фиолетовой русалкой и Человеком-пауком. В задней части ящика лежал пакет новых зубных щеток. Я боялась, спроси я, Эйприл скажет «нет», так что я открыла упаковку, вытащила зубную щетку, и выжал мятный зеленый гель.

— Что ты делаешь? — прошипела Хэлли.

— Здесь восемь детей, и в этом пакете четыре зубные щетки. Посчитай, — сказала я, прежде чем начать чистить зубы.

— Ты украла! По крайней мере, нужно было спросить!

— Хэлли, тебе нужно уяснить кое-что прямо сейчас. У нас не будет фиксированного завтра. Дела идут хуже, намного хуже, прежде чем станет лучше. Ты должна научиться брать то, что нужно тебе сейчас и говорить, что тебе жаль позже, особенно если это просто зубная щетка!

— Нет, — сказала Галле, качая головой. — Мы не должны воровать, особенно у людей, которые пытаются нам помочь.

— Это не воровство. Мы просто берем взаймы.

Хэлли сжала губы, глядя на зубную щетку, которую я протянула ей. Ее волосы были зачесаны, но пушистые волосы у корней были жирными.

— Чисти зубы, — потребовала я, указывая на нее зубной щеткой.

Она схватила его, держа его, в то время как я выжимала зубную пасту.

Через несколько плевков в раковину, она промыла рот и вытерла воду рукой.

Я взглянула на верхний свет.

— Интересно, как долго будет вода и электричество?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Хэлли, все еще хмурясь.

— Для того чтобы все работала, нужны люди. Если каждый заражен, как работает все?

— Не все заразились.

Кто-то постучал в дверь, и мы обе подпрыгнули.

— Вы закончили? — спросил Коннор, приглушенно через дверь.

— Уже выходим! — ответила я, забирая зубную щетку у Хэлли и подгоняя ее к двери.

Когда я открыла дверь, я заметила, что у Коннора были темные круги под глазами, и его кожа была бледной, что выделяло еще веснушки еще больше.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Я плохо спал.

Я спросила:

— Кошмары?

— Не твое дело.

Я шагнула в сторону и провела Хэлли, он прошел мимо нас, а затем закрыл дверь.

— Он раздраженный по утрам, — сказала Хэлли.

— Он скучает по своим родителям, а иногда легче злиться.

Мы прошли назад к кухне, где Эйприл выкладывала бульон в чаши полные печенья. Бред, Дарла, Мэдлен, и Логан уже сидели, болтали о том, как хорошо пахла еда.

Зашел папа и запер за собой дверь. Грузность исчезла с его лица.

— Я нашел несколько металлических столбов, которые мы можем использовать, — сказал он, обращаясь к взрослым. — Поговорим об этом после завтрака.

Эйприл передал ему миску.

— Спасибо. Пахнет вкусно.

— Держи стакан сока, — сказала Тавия, передавая ему.

— Спасибо, — поблагодарил он, принимая напиток и ставя чашу на стол.

Когда он сел есть, мне пришло в голову, что он был товаром повышенного спроса. Он не был страшным. Он был не женат. Он мог стрелять из пистолета и мог строить что-то. За исключением бесстрашного вдовца владеющим винтовкой, который мог делать несколько дел сразу, выстреливающий нежить, схоронивший жену, был очень хороший шанс, что мой папа был единственным не-мертвым мужчиной поблизости. Он мог бы также быть Брэдом Питтом.

Я старалась не бросить свой завтрак. Эйприл и Тавия нуждаются в нем, и они будут делать все, чтобы он остался. У меня была своя забота и мне нужно, чтобы Хэлли была на моей стороне.

— Это не так далеко, — сказал Брэд, как можно тише. — Скорей всего, у нас закончится бензин на половине пути. Остаток пути мы пойдем пешком, — я потеряла глаза и поморгала, чтоб было не так все размыто. Все взрослые стояли возле французских дверей сзади Мэдлен и Логан. В глазах Дарлы было беспокойство, но она улыбалась.

— Брэд, — промолвил папа с озабоченным голосом, — я не пытаюсь сказать вам, что делать, но зачем такая спешка? Давайте попробуем достать больше бензина, так мы сможем проехать весь путь, ну или, по крайней мере, большую ее часть.

— Что происходит? — спросила я.

Все повернулись в мою сторону.

Папа подошел ко мне:

— Ничего, дорогая. Иди спать.

Я наклонилась в сторону, чтобы посмотреть на Дарлу:

— Вы уезжаете? Вы нашли машину? — она сжала губы. Она знала, что я бы расстроилась. Они пытались выбраться из дома рано утром, когда было достаточно светло и безопасно, так, чтобы я не узнала.

— Дженна — начал папа.

— Давай поедem с ними, — сказала я, вдруг опомнившись:

— Мы можем поехать с ними!

Папа покачал головой:

— Машина, которую они нашли маленькая. Там места только для них, и чем больше людей они попытаются взять, тем больше бензина понадобится. Бак заполнен только на четверть, и они хотят добраться до родителей Дарлы.

— Но... — я посмотрел на Дарлу и она отвернулась: — Может быть, — у меня закружилась голова, пытаясь придумать что-нибудь: — Просто возьмите Хэлли и меня. Возьмите нас так далеко как вы собираетесь, и мы будем ждать папу. Когда он доберется туда, мы можем выяснить, как пройти остальной путь.

— Дженна! — ругал меня папа.

— Я соберу вещи. Пять минут! — сказала я, оборачиваясь.

Папа схватил меня. — Дженна, вы не едете. Вы остаетесь здесь.

— Но у них есть автомобиль. Может быть, они будут, в пяти или десять милях от мамы!

— Прости, дорогая. Нам просто не хватит места, — сказал Брэд.

Я сделала шаг назад, хватаясь за живот. Казалось, словно кто-то только что ударил меня.

— Вы не можете уехать без нас, — я умоляла. — Прошло уже четыре дня. Она, наверное, думает, что мы мертвы. Пожалуйста?

— Так, — сказал Брэд, подзывая свою семью.

— Удачи, — сказал папа.

— Подождите! — кричала я, побежав на кухню. Я разорвала листок бумаги из раскраски и мелком написала маме записку.

Я протянула записку Дарле.

Она посмотрела на нее, а затем обняла меня.

— Мне очень жаль!

— Просто... пожалуйста, передайте ей записку, если вы увидите ее. Она может прийти

в город за продуктами.

Губы Дарлы дрожали:

— Я... — она посмотрела на мужа, — Брэд, это не правильно. Мы должны попытаться найти способ.

Брэд грустно покачал головой.

— Ты сказала мне отвезти тебя и детей к твоим родителям. Вот как это должно быть.

Дарла посмотрела на бумагу в руке, сложила его и положила ее в задний карман:

— Я передам, Дженна. Обещаю.

Я отступила назад, и смотрела, как они уходят в дверь. Моргание и взгляд вверх не остановили слезы, и как только начинаешь плакать, невозможно остановиться. Я пошла в ванную, закрыла дверь изнутри. Все мое тело трясло, я сидела на полу и рыдала в сложенное полотенце. Я не хотела разбудить кого-либо. Нельзя чтобы Хэлли чувствовала расстройства и разочарования тоже.

К счастью, никто не беспокоил меня до тех пор, пока Хэлли не постучала в дверь, нуждаясь в туалет. Я вымыла лицо холодной водой, благодаря, что до сих пор все работает, и я открыла дверь с улыбкой.

Даже без очков, я не могла обмануть сестру.

— Что случилось? — спросила она.

Я вздохнула:

— Я просто скучаю по маме.

— Я тоже, — сказала она, обнимая меня за бедра.

Я была не совсем высокой как Тавия, и она была довольно невысокой, на несколько сантиметров выше. Но лоб Галле едва попадал на мой пупок, и, если я не нагибалась, она всегда в конечном итоге обнимала мою задницу.

Я сжала ее спину и шагнула в сторону, решив остаться и помочь ей подготовиться ко дню. Мы не покинули дом Эйприл, и было легко перестать заботиться о таких вещах, как душ или чистка зубов. Но я бы постоянно напоминала Хэлли, что мы должны делать это, пока еще были мыло, шампунь, зубная паста и потому, что в один прекрасный день в скором будущем, всего этого будет не хватать.

После завтрака, папа взял рюкзак. Когда он выходил, он, как правило, старался, чтобы рюкзак был легким, для того чтобы справляться, если его где-то поймают. Я могла сказать, что в этот раз в сумке было больше бутылок воды, бутербродов, и боекомплекта.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Возьми свой рюкзак. Ты идешь со мной.

— Почему?

Он пожал плечами. — Хорошо, не хочешь не надо.

— Я хочу! — сказала Хэлли.

— Я хочу пойти! — эхом отозвался Тобин.

Я смотрела на него с нечитаемым лицом.

— Что ты делаешь? — снова спросила я, подчеркивая каждое слово.

Он посмотрел на Эйприл и Тавию, и, казалось, нервничал. Они готовили завтрак на кухне, выглядывая на него из-за плеч. Они тоже не знали.

Я взяла свою сумку, положила две бутылки воды с пакетом крекеров и ножом, и быстро бросил ее.

— Хорошо, пойдём.

Я схватила битую с алюминиевым обрамлением у задней двери, а потом мы вышли на улицу и оказались в центре огороженного двора. Я зажмурилась от яркого солнца. Было уже жарко.

Папа передал мне шляпу и солнцезащитные очки.

— Держи.

— Ты скажешь, куда мы идем? — спросила я, вытянув темные волосы через отверстие в задней части шляпы. Шляпа не сидела прямо, когда я поставила солнцезащитные очки на них, так что я потянула наверх, чтобы она была выше на лбу.

— Да, нам сюда, — сказал он, сделав первый шаг.

Я последовала за ним ворота и направо, направляясь через дворы, пока мы не дошли до первой дороге на западе. Она была вымощена не очень хорошо. В Фэйервью была только школа, поэтому две сельские города были объединены в один. У них не было больницы, не супермаркета, и даже продуктового магазина. Но у них были два банка и четыре церкви.

Люди.

— Я думал, ты хочешь выйти из дома, — сказал папа.

— Да, но это не то, почему ты взял меня собой. Каждый хочет, выйти из дома.

Он посмотрел в обе стороны, а затем схватил молоток в руке.

— Я привел тебя сюда по двум причинам — говорить и помочь. Ты видела церковь на шоссе, когда мы приехали в город? Люди прятались там день или два. Я думаю, там есть запасы.

— Если ты хочешь пойти в церковь, это в противоположном направлении.

— Я не хочу привести зараженных в дом, Дженна.

— Они не настолько умные. Они не знают, откуда вы едете, пока не попадетесь во дворе или они услышат кого-то внутри.

Папа вздохнул, раздраженно.

— Ты не знаешь этого, Дженна.

— До сих пор я была права.

— Просто... давайте просто пойдём к церкви длинным путем. Рассмеши меня.

— Если там и есть запасы, я уверена, Скитер забрал их.

— Кто?

— Его зовут Скитер. Коннор сказал он спас кучу людей в церкви, в том числе и Коннора, но Скитер потерял жену. Он хоронил ее в последний раз, когда я видела его.

— Ты видела его? Когда?

— Через отверстие в фанере, через который Коннор всегда смотрит. Какая разница?

— Он все еще здесь?

— Нет, он ушел, чтобы найти свою семью.

Папу, казалось, утешила эта мысль. Он продолжал ходить, внимательно оглядываясь во всех направлениях.

Зараженные были распространены — некоторые из них стояли на месте, некоторые из них бродили, спотыкаясь. Они были в квартале от нас.

— Что такое? — спросила я.

— Просто хочу узнать наших соседей. Следи за этой, — сказал он, кивая на женщину в черном платье.

Ее темные волосы были длинными и запутались, и мне стало ясно, что пока я искала ее, она заметила нас, и теперь шла в нашу сторону. Из ее горла вырвался низкий стон, руки

тянулись к нам.

Я схватила битую, но я не паниковала.

— Я беспокоюсь о тебе, — сказал папа.

— Почему? — спросила я.

— Тебе тринадцать, и у тебя на самом деле не было... ну знаешь, было момента.

— Я не буду говорить о месячных с тобой.

— Нет! Нет, — сказал он, сделав гримасу. — Я имею в виду, по тебе не кажется, что ты слишком расстроена всем этим. И это беспокоит. Это должно быть чертовски страшно для девушки вашего возраста. Даже мне страшно.

— Может быть, ты просто не знаешь меня хорошо.

Папа скривился, даже не удивившись.

Я выдохнула. Я ненавидела быть слишком честной с ним. Это заставило меня чувствовать себя слишком уязвимой, как будто он мог использовать это против меня позже.

— Я сосредоточилась на том, чтобы добраться до мамы. Как только мы доберемся, я не дам никаких обещаний. Я оставляю за собой право сойти с ума на тот момент.

Папа увеличил темп, указывая на еще нескольких зараженных, которые начали следовать за женщиной.

— Дженна, — сказал он, тон бы предупреждающим.

— Не говорите мне, что мы не сможем дойти Красного холма. Я не принимаю это.

— Нет, — он покачал головой. — Вот почему я хотел, чтобы ты пошла со мной. Нам нужно сделать выбор. Если мы идем на Красный холм, малыши не смогут выдержать поездку.

— Хэлли сможет.

— Коннор — да. Хэлли, может быть. Другие маленькие, безусловно, нет. Джаду едва пять, и Тобин и Нора практически малыши. Это слишком далеко. Мы должны найти автомобиль, фургон, или, может быть, даже две машины и бензин, чтобы проехать, по крайней мере, большую часть пути. Если мы не можем... мы должны оставить их позади.

— Я уже говорила Тавии это.

— Говорила?

— Да, и я скажу Эйприл, тоже. Если они ожидают от нас, что останемся с ними, а не поедем к нашей маме, они сошли с ума.

Мы пересекли шоссе, специально, и прошли мимо серебряного микроавтобуса Брэда и Дарли и зеленый грузовик, в который мы врезались. Церковь была всего в двух кварталах от нас на той стороне дороги. В первый день, когда мы прибыли, она кишела инфицированными, но, насколько я могла сказать сейчас она была довольно пустынной. Десятки тел лежали на пути в свежую могилу, вырытую Скитером у задней стороне церкви.

— Скитер должно быть убрал большинство из них, прежде чем он ушел. Он знал, Эйприл будет все еще здесь со своими детьми. Наверное, это сделал, в услугу, так как он не смог остаться.

— Она хотела, чтобы он остался?

— Коннор сказал, она просила его, но он сказал, что нет.

Папа нахмурился.

Я закатила глаза.

— Нет, не говори мне.

— Что? — сказал он, мгновенно принимая оборону.

— Ты и Эйприл?

— Нет, — сказал он, трогая подбородок и делая самую смешную попытку отрицать это.

Он был ужасным лжецом. Его глаза становились стеклянными, и он начинал много моргать. Это и было его лживым лицом.

Мои глаза и желудок перевернулись в то же время.

— Ужасно.

— Не спрашивай, если не хочешь знать, — сказал он, позиционируя себя, чтобы качаться, если бы что-то вышло из задней двери.

— Она только что потеряла мужа. Ее дети находятся в доме. Это просто неправильно.

— Все по-разному справляются. Приготовься.

Я вытащила битую, держа его обеими руками.

Папа открыл дверь и шагнул назад, ожидая что, кто-то выскочит на нас. Когда этого не произошло, он вошел внутрь.

Я осмотрелась. Некоторые инфицированные просто шли к парковке у церкви, на сотню ярдов дальше нас.

— Пап?

Он появился в дверях.

— Сейчас все чисто. Проверим и выйдем. Окна открыты настежь.

В комнате было темно, поэтому я сняла очки и поставила их на шляпу. Потом, я перешагнула через гору тел на полу перед тем, как закрыть за собой дверь.

Сразу за дверью, оказалась маленькая кухня в задней части церкви, я увидела несколько шкафов. Я нашла открытый баллон воды, большой пакет чипсов, мешок с яблоками и апельсинами, полдюжины банок различных овощей и банки паштета.

Все это пошла в мой рюкзак, и тогда я пошла по коридору до лестницы, ведущей к двери. Трупы инфицированных лежали в куче внизу, и некоторые были над лестницей.

— Там мы тоже должны проверить? — спросила я.

— Нам придется. Они идут. Пошли, пошли! — папа побежал мимо меня наверх.

Он открыл дверь, готовясь накинуться на что угодно на его пути. Он проверил за дверью, а затем жестом указал мне следовать за ним, когда я услышала, зараженные перебирались в заднюю дверь внизу вместе стонами приближающихся из другой части церкви.

Папа закрыл за мной дверь, и я посмотрела вокруг. Это был просто большой зал с несколькими столами, стульями, и рамками. Стоял также телевизор на передвижном столе и игровая консоль. Стены были украшены изображениями историй из Библии, от Иисуса до Ноя идущего по воде и ковчега.

Я рассмеялась.

— Что? спросил папа.

— Они все белые.

— И что?

Я пожала плечами.

— Я просто всегда думала, что это смешно, когда все люди из библейских рассказов изображены белыми. Они не все были белые.

Папа посмотрел на меня и засмеялся, качая головой.

— Не дай Бог, бабушка услышит это.

Он был прав. Бабушка была очень строгая, на счет Библии, история и наука были

прокляты.

Мы оба усмехнулись, пока не вспомнили, что бабушка не услышит всего этого, потому что вероятно она мертва. Мама моей мамы всегда была серьезной в вопросах о религии и церкви, и она, как правило, не давала маме покоя. Это просто ударило меня, что я, вероятно, никогда не увижу ее или Меме снова. Я, возможно, не увижу Хлою. Это урод, которого мы с папой обсуждали, казался, не так далеко.

Так было, пока снизу не донесся звук, карабкающихся тел на полу к уже открытому окну.

— Бьюсь об заклад, это то окно, откуда вышел Коннор, когда они были здесь, — сказал я, поднимаясь туда.

Я посмотрела вниз и увидела блок питания переменного тока. Зараженные следовали, друг за другом из задней части церкви, и там их было больше, чем раньше. Когда раздались стоны, казалось, они кричали друг другу, оповещая, что там еда.

— Мы можем сделать это, но нам надо поспешить, — сказал папа, прежде чем прыгнуть вниз.

Он поднял меня, и я тоже прыгнула вниз. Мы спустились на устройство вместе и побежал по улице, повторяя маршрут мы бы пришли в церкви, так чтобы не привести зараженного в дом.

Когда мы добрались до школы, я положила руки на колени. Папа следил, в то время как мы переводили дыхание.

— Мой пакет тяжелее, чем я ожидала, — сказала я. — Если мы, в конце концов, пойдем до Красного холма пешком, надо чтобы рюкзаки были не тяжелыми.

— Если мы сможем добраться до Шалота, мы можем провести ночь, продолжить путь утром и доберемся до Красного холма к вечеру. Я надеюсь. Я не уверен.

— Так, мы едем? — спросила я.

В то же время, позади меня прозвучал низкий стон, и что-то бросилось на папу из-за угла. Я не смотрела. Я просто качнулся битой примерно туда, где должна была быть голова. Это не было похоже на видео игры или телевизионное шоу. Я не ожидала этого. Не было страшной музыки указывающей на интригу или предзнаменование.

Я слышал папа боролся позади меня, но все, о чем я могла думать, только о том, чтобы держать рот, принадлежащий зараженному подальше от моей кожи. Адреналин сделал все, что стало понятно и размыто. В один момент я была рядом с его кровавой одеждой и сухой, колючей кожей, а в следующий миг он стоял передо мной, достигая меня снова. Я не была уверен, как мне удалось увернуться.

Он был высок. Я не могла пнуть его по коленям, так что я замахнулась битой, как твердо, как я могла. Это также не было похоже на видеоигру. Вибрация от воздействия битой и плоти дошла до моих рук, напугав меня, но существо упало, и я замахнулась на голову. Бита ударилась о его череп с треском, но я не остановилась, пока не выступила кость.

Папа схватил меня за воротник, и мы побежали к югу от школы, от дома. Стоны от зараженных привлекли больше.

— Мы должны увести их из дома! — сказал папа. — Сюда!

Мы бросились через дворы, прыгнули через забор, и уклонились от пластиковых бассейнов и качелей, пока мы не сделали полный круг, пробираясь в задний двор Эйприл, когда мы были уверены, что все чисто.

— Оу, — сказала я, заметив, что папа был покрыт темной слизью.

— Я запаниковал, — сказал он. — Я пытался избавиться от него, чтобы я мог помочь тебе.

— Я сама справилась, — ответила я.

— Я заметил. Тебя не укусили? — спросил он.

— Нет, — сказала я, качая головой. — Тебя?

До этого момента, я не боялась по-настоящему. Я не понимала, что простой укус может забрать у меня папу. Он умрет, и Хэлли и я остались бы одни.

Он распахнул заднюю дверь дома Эйприл, и как только она закрылась позади, он обнял меня, и я зарыдала у него в груди.

Тавия сушила Тобина, который играл спокойно на полу. Она уже пыталась включить телевизор в надежде, что на главном канале, может, есть какие-нибудь новости, но в каждом канале несли чушь.

Мы были у Эйприл уже почти месяц. Почти неделю после того как мы бежали из Андерсона, мы поняли всю головоломку, когда мы слышали громкий бум, который даже немного потряс дом. Папа выбежал на улицу, испугавшись, что военные бомбили города, но мы увидели только густой черный столб дыма.

После всего, несмотря на все, жизнь состояла из попыток заставить детей вести себя тихо, когда зараженные бродили рядом и победить скуку. Папа пытался убедить Эйприл и Тавию помочь ему вынести запасы из школы, чтобы мы могли двигаться, но они боялись, что усилия и риск не стоят этого. Эйприл утверждала, что там слишком много окон, чтобы все обезопасить. После того, как они вернулись из разведки, Тавия рассудила, что троих будет слишком мало, по сравнению инфицированными детьми и несколькими взрослыми, которые все еще могли быть внутри — и она считала, что она не могла бы заставить себя убить их, независимо от того, как отчаянно мы нуждались в жилье и, несмотря на то, как много раз папа и я попытались убедить ее, что они были уже мертвы.

Ни один из них не знал, что папа пытался помочь найти что-то более безопасное, если мы не могли найти машину для всех — и мы еще не нашли.

Лето было в самом разгаре. Уже с утра мы быстро потели. Каким-то чудом, по-прежнему было электричество, но Эйприл боялась включить кондиционер. Она боялась, что наружный шум привлечет инфицированных. Она была права, но без кондиционирования воздуха и без каких-либо открытых окон, дом становился все более душным с каждым днем. Папа вытащил несколько вентиляторов из коробки, которые хоть как то помогали справляться с жарой.

Младшие дети становились грустнее, каждый раз получая отказ выйти на улицу поиграть. Мы все боялись, что их хихиканье и крики привлекут бы зараженных, и если бы мы увели детей подальше от дома, мы могли попасть в беду и были бы слишком далеко от безопасности. Папа и я хотели попробовать брать новая игрушка каждый раз, когда мы ходили, чтобы дети были заняты и довольны.

Я больше беспокоилась о продовольственной ситуации. Когда-то упакованная кладовая Эйприл поредела. Взрослые говорили о нормировании еды. Папа и я рылись в домах и крошечном городе каждый день. У нас осталось только несколько домов, и большинство еды, которую мы находили, была негодной к потреблению.

— Вы выйдете из дома сегодня? — спросил Коннор со скучным выражением лица, увидев, что я складывала полотенца.

— За едой? Я не знаю, — ответила я, — папа ничего не говорил.

— Я хочу выбраться из этого дома. В следующий раз я хочу пойти с вами.

Я посмотрела на папу, он сидел на полу с Эйприл, Норой и Тобином. Джад ходил вокруг них, трогая их головы и называя их утками.

— Гусь! — воскликнул он, дотронувшись до папиной головы.

Папа поднялся и попытался поймать его, прежде чем Джад сел на его место, но папа не особо пытался.

Тавия дремала в кресле, и без сознания.

— Это опасно, Коннор. Это не задание.

— Я знаю. Я подумал, может быть... может быть, что твой папа научит меня стрелять.

Я фыркнула.

— Он даже меня не научил.

— Может быть, ему бы следовало.

Я прекратила складывать полотенца и наблюдала, как папа постучал по голове Эйприл и назвал ее Гусем. Они бежали по кругу, истерично смеясь словно дети.

— Я поговорю с ним, — сказала я.

— Хорошо, — Коннор вернулся к окну, наблюдая за тем, что происходит в мире без нас.

Эйприл хлопнула раз и встала, направляя всех детей в ваннные комнаты, чтобы подготовиться ко сну.

В течение часа, свечи были сдуты, и дети были в постелях. Я сидела рядом с Хэлли, пока она лежала в постели рядом с Тобином.

И тут я спросила:

— Помнишь, как мы искали песни на радио, когда мама забирала нас после школы, и мы пели их очень громко? Мама опускала окна вниз окна и пела вместе с нами, и люди смотрели на нас, как будто мы чокнутые.

Хэлли захихикала:

— И мы качали головой и танцевали! Это было весело. Я скучаю по школе.

— Я тоже, — высказала я. Главным образом, я, просто скучала по Хлое.

Я ждала, когда папа придет поцеловать ее на ночь, а затем я последовала за ним в спальню Эйприл.

Она принимала душ. Мы были одни.

— Коннор предложил хорошую идею сегодня, — сказала я, наблюдая, как папа убирает покрывала.

— Что за идея? — он ухмыльнулся. Он уже знал, что у меня все подготовлено.

— Он упомянул, чтобы ты научил нас стрелять.

Лицо папы скрутилось в замешательстве, как будто я говорила на иностранном языке. Что бы он ни ожидал, это было не то.

— Это разумная идея. Если вы ты берешь меня с собой, мне необходимо знать, как использовать пистолет — не только чтобы защищаться, но также держать меня от стрельбы, в кого я не хочу стрелять.

— Нет, Дженна. Ты не достаточно взрослая.

— Я достаточно взрослая, чтобы выходить с тобой охотится. Я убила зомби пару дней назад.

— Это был ваш второй.

— Ну и что? Какое это имеет отношение к обучению стрелять?

— Это пистолет, — сказал он, уже взволнованно, — а тебе всего тринадцать.

— Почему важно, сколько мне лет? Мертвые ходят на улицах.

Папа посмотрел на меня.

— Ты еще не готова.

— Это ты еще не готов.

— Не готов.

— Это эмоциональная реакция, и эмоции не имеют значения.

— Кто так сказал? — спросил он. — И прекрати говорить как сорокалетний психолог.

Это меня пугает.

— Коннору тоже нужно научиться.

— Ему столько же лет, как Хэлли, Дженна! Думаешь, что Хэлли могла бы обращаться с оружием? Или нужно ли?

— Ты не слушаешь меня. Прошел уже месяц.

— Не начинай.

— Ты сказал, что мы собираемся найти маму. Ты сказал, что если мы не найдем автомобиль неделю назад, мы уйдем. Это должно было произойти вчера. Почему мы до сих пор здесь?

— Потому что мы не готовы. Твоя сестра не готова.

— Она ждет наших действий, — сказала я, в горле образовался комок.

— Вы начинаешь походить на CD на повторении, Дженна, и я уже устал от этой песни.

Я закатила глаза от его сравнения. Никто больше не использует компакт-диски.

— Когда мы там, мне, возможно, потребуется больше, чем бейсбольная бита. Что делать, если что-то случится с тобой? Ты не всегда сможешь быть там, чтобы защитить нас. Ты должны научить меня, как защитить Хэлли.

Лицо папы покраснело.

— Хватит, Дженна.

— И Коннор. Если он будет единственным мужчиной в дома, когда мы уйдем, он должен знать, как использовать пистолет.

— Вы уходите? — спросила Эйприл у двери. Желтое полотенце было обернуто вокруг нее, и вода капала с ее волос.

Папа смотрел, как будто был пойман, и он заикался:

— Она... она просто спорит.

— Вы собираетесь оставить нас здесь? — спросила Эйприл широко раскрытыми глазами.

— Нет! — сказал папа, но его лицо выдало его ложь.

— Только ты и девочки? Это потому, что вы хотите быть с Скарлет?"

— Эйприл, дорогая, это не так, — сказал папа, обходя кровать.

— Тогда почему вам нужно оставлять нас? Я не понимаю, — сказала она дрожащим голосом.

— Дженна, — рявкнул он, — иди спать.

Мои плечи упали, и я пошла к кушетке в гостиной, где я спала уже четыре недели. Каждую ночь, я лежала, надеясь, что это будет наш последний, что на следующий день папа решит, что нам пора идти. В то же время, я была в ужасе, что придется идти пешком и что нас могут поймать в открытом пространстве. У нас не было бы безопасности и рутины как в доме Эйприл, и я беспокоилась о том, что будет делать Хэлли. Но еда заканчивалась, и то, что нас было много в одном доме, было бременем.

Напряженный разговор папы и Эйприл был приглушен стенами, но я все еще могла слышать их.

Я вздохнула.

— Все прошло не так хорошо? — спросил Коннор.

— Эйприл знает, что мы уходим.

— Все знают, что мы уходим.

— Правда?

— Мы не так глупы. Вы хотите быть с мамой. Вы должны быть с мамой. Эйприл просто страшно и, возможно, она немного эгоистка.

— Тогда, почему она выглядит такой удивленной?

— Может быть, она надеялась, что он передумает.

Вина растеклась по мне, заставляя меня выкинуть одеяло и сесть. Я передвинула колени к груди. — Я не хочу, чтобы что-нибудь случилось с любым из вас, но... это не... мы не можем...

— Ваша мама более важна. Я понимаю это, и Эйприл понимает, хотя она не хочет это признавать. У нее дети. Она не хотела бы остаться без них, и она знает, что маленькие дети не могут пройти путь.

— Ты бы мог, — сказала я.

Он вздохнул.

— Кто-то должен остаться здесь и помочь. Они не справятся самостоятельно.

Я легла на руку, повернувшись на бок.

Голоса папы и Эйприл стали слаще и менее агрессивными. Он разрядил ситуацию, которая ему не нравилась вообще. Вскоре он успокоился, и дыхание Коннора замедлилось до спокойного ритма. Мои глаза отяжелели, и через несколько мгновений, я отключилась.

Эйприл, папа и Тавия сидели за кухонным столом, тихо беседуя, когда мои глаза, наконец, открылись. Солнце светило через фанеру на подоконнике. Они были укреплены деревянными досками, папа прибил древесину к граничащему стеклу.

Я лежала неподвижно, пытаюсь услышать, о чем они говорят, но это было бесполезно. Что бы они ни говорили о, ни один из них не был счастлив.

Наконец, я села и пошла к столу. И сразу же все они откинулись в свои места, понимая какие неудобные позы они приняли.

— Что происходит? — спросила я.

Эйприл не отрывала глаз от папы.

— Мы обсуждаем ваш отъезд.

Тавия посмотрела вниз на стол.

Папа нервно сидел в кресле.

— Эйприл позволит нам оставаться еще несколько дней. В свою очередь, ты и я соберу больше запасов для них, и научу ее и Коннора, как пользоваться пистолетом.

— Подожди, что? — спросила я, мгновенно приходя в ярость. Ты выгоняешь нас с условиями?

Эйприл пыталась сохранить ее запасы.

— Я не выгоняю вас, Дженна. Ты хочешь уйти, не так ли?

— Да, но это вымогательство.

Тавия посмотрела на меня.

— Дженна, вы хотите добраться до вашей матери. Мы все понимаем это. Но мы остаемся здесь, чтобы постоять за себя...

— Что вы бы делали в любом случае! — прервала я.

— Дженна, — папа упрекнул.

Тавия продолжила:

— Для того чтобы постоять за себя, мы должны сделать все, чтобы это было лучшим способом. Мы две женщины с тремя маленькими детьми, которых надо кормить и защитить.

Мы просто пытаемся держать всех в безопасности.

— Две женщины, которые зависели от моего папы и меня, чтобы делать всю тяжелую работу, а вы сидели в безопасности и развлекали детей.

Тавия подняла бровь.

— Вы жили в доме Эйприл и ели ее еду, молодая леди.

— А как вы вписываетесь во все это, Тавия? — кипела я. — Что вы сделали, кроме приглядывания за детьми?

Папа поднял руки.

— Ладно, ладно. Я собираюсь научить Эйприл и Коннора стрелять. Дженна, и тебя тоже.

Я моргнула.

— Ты и я собираемся обойти весь город в последний раз, чтобы убедиться, что у Эйприл, Тавии, и детей будет много запасов, в том числе семена и оборудования для посадки, и тогда мы будем на нашем пути.

Я скрестила руки на груди.

— Ты планировал сделать это в любом случае, без угрозы, — сказала я, глядя на женщин. — И чтобы знали, он обшарил весь этот город, пытаясь найти машину или даже две, чтобы все влезли. Он ненавидит, что он должен оставить вас, но он знает, дети не могут проделать весь путь! И вы считаете его предателем!

Тавия и Эйприл посмотрели вниз, не в состоянии ответить. Я была полностью в курсе, что я была на грани истерики несовершеннолетнего, но мне было позволено вести себя как тринадцатилетний, особенно, когда люди были злы на моего папу. Это была моя работа.

Папа встал.

— Хорошо, тогда, нам нужно начать.

Я дважды завязала шнурки Хэлли и затянула ремешки на ее рюкзаке.

— Ты уверена, что не слишком тяжело? Нам необходимо долго идти сегодня и завтра еще больше.

— Я уверена, — сказала она, толкая вверх свои очки.

— Я могу это сделать.

Я подмигнула ей:

— Знаю, что ты можешь. Просто не хочу, чтобы ты устала слишком быстро.

Папа держал свой походный рюкзак, в комплекте с палаткой на верхушке, как он носил пять недель назад, в ту пятницу, когда мы последний раз видели маму. Папа загорел от проведения времени на улице под летним солнцем, и теперь у него было больше щетины на лице, чем я когда-либо видела. Интересно, мама тоже сильно изменилась — или Хэлли или я.

Несмотря на то, что мне было страшно начать наше путешествие, не зная, что будет на дороге, не уверенная, как поведет себя Хэлли, мысль о том, что мы наконец-то на пути к маме, превзошла все мои страхи и трепет.

Хэлли тоже была в хорошем настроении. Потребовалось много времени для нас обеих, чтобы заснуть ночью. Все напоминало мне первый день в школе. Я была уверена, что это будет очень похоже на это. Когда возбуждение исчезло, все — попытка, как вытерпеть день среди хулиганов и измотаться к концу дня. Мама будет походить на летние каникулы.

Я положила шляпу на голову Хэлли. Папа обнял Тавию и Тобина, Джада и Нору, а затем он пожал руку Коннора. Он поцеловал Эйприл, которая вытирала слезу, катившуюся по щеке.

Несмотря на то, что мы стали, врагами борясь за папу, с тех пор как мы прибыли, я обняла Тавию и Эйприл. Они стали нашей семьей в течение всего времени, и Тавия в большой степени с тех пор как мы выжили в первый день.

Я опустилась на колени перед Тобином и обняла его. Он обнял меня в ответ.

— До свидания, Дженна, — сказал он, вытирая нос рукой.

Он по-прежнему держал поезд в своей пухлой ладони. Его волосы отросли. Я не была уверена, старалась ли я просто не думать об этом или настолько была сосредоточена на отъезде, но в первый раз я поняла, что Тобин не идет с нами. Это было ужасно.

Именно поэтому папа так долго, принимал решение. Он знал, как он будет чувствовать себя. Он знал, что это будет означать для нас: оставить их позади. Я была слишком сосредоточена на маме, чтобы даже подумать об этом. Теперь, когда он стоял здесь, и я понимала, мне нужно прощаться и уйти. Это было ужасно, очень ужасно, но все бы так и закончилось.

Я снова обняла его и поцеловала его в щеку, а потом я обняла Нору и Джуд. Коннор стойчески не замечал, что мы прощались, но я все равно обняла его, хотя он не обнял меня.

— Я буду скучать по тебе, — сказала я, вытирая щеки.

Папа открыл дверь, выглянул, а затем повернулся в последний раз и сказал:

— Берегите себя.

Вышла Хэлли и я последовала за ней, и мы пошли по очереди: папа первый, Хэлли — в середине, и я замыкала, как мы и обсуждали. В правой руке я держала алюминиевую битую —

Джуд дал мне ее в качестве дорожного подарка. Винтовка папы висела на плече. Я много практиковалась последние сорок восемь часов, и я была порядочным стрелком, но папа сказал, самая трудная часть — делать это под давлением. Я надеялась, он будет мной гордиться.

Небо было красочным как акварель. Синие, фиолетовые, розовые, и желтые цвета рвались из-за горизонта, пока солнце вспыхивало и начинало освещать небо. Сверчки и цикады чирикали и гудели позади, с каждым шагом под ногами шелестела трава.

Мы достигли Келливилля уже через два часа. Гниющие тела лежали в гладкой траве и на улицах и висели над перилами крыльца. Везде были свободные машины, и папа проверил каждый в поисках ключей. Он даже пощупал несколько тел поблизости, ища ключи. Инфицированные ушли отсюда, так что я с особой осторожностью начала искать какие-либо признаки жизни в домах, но ничего не нашла — не любопытных глаз выглядывающих из занавешенных окон, ни одой женщины с флагом.

— Город совершенно пуст, — сказала я.

— Похоже на то. Давайте двигаться, — сказал папа.

Через двадцать минут после того, как мы покинули пределы города и повернули на север на Шоссе 123, Хэлли впервые заговорила. Я была удивлена, что она так долго молчала.

— Ноги болят, — сказала она. — Пальцы трутся.

— Твои ноги растут, — сказал папа. — Нужно найти тебе ботинки побольше.

Мы старались отвлекать ее от ходьбы, но еще двадцать минут спустя, она снова заняла:

— Я хочу есть.

— Уже? — спросил папа.

— Да. Можем ли мы перекусить? — спросила она.

— Пока нет, — сказал папа. — Мы должны идти пяти с половиной часов сегодня, помните? Еще час, и мы будем более чем на полпути к свершению плана дня. Это будет во время обеденного перерыва.

— Это будет длиться вечно, — проворчала она.

— Мы на полпути к обеду, можешь думать об этом так, — сказала я.

— Правда? — спросила она.

— Да, — подтвердила я.

В обеденное время, мы обнаружили, тенистое место на холмике, чтобы мы могли увидеть, если что-нибудь произойдет. Папа развернул бумажные полотенца и вручил нам сэндвичи, и я налила воды.

— Посмотрите на это, — сказала Хэлли, указывая на небо.

Все еще вздымался столб какого-то дыма, но сейчас, он был белым, а не черным.

— Это в Шалоте? — спросил я.

Папа посмотрел вверх:

— Нет, это слишком близко. Шалот находится дальше.

Я смотрела на него, шурясь от солнца.

— Что-то горит очень долго.

Папа пожал плечами.

— Не горит. Дым белого цвета. Что-то тлеет. Обломки от взрыва могут тлеть несколько месяцев.

— Что ты думаешь взорвалось? — спросила я.

— Скорее всего, что-то из металла. Я думаю, мы узнаем, когда мы будем проходить

мимо него, — сказал он.

Хэлли была на удивление оптимистичной.

— Когда мы видим маму, я собираюсь обнять ее первой, ладно, Дженна? Меня привезли в школу первой, так что мы не виделись дольше, чем ты с ней.

— Хороший намек, — сказал я. — Хорошо, ты можешь обнять ее первой.

Папа подмигнул мне.

— И я буду спать с ней первую ночь, — провозгласила Хэлли.

— Где я буду спать? — спросила я.

— Я не знаю. Я не помню тот фермерский дом настолько хорошо. Держу пари, у доктора есть дивана.

— Что если я тоже хочу спать с ней? — спросила я.

Хэлли поморщилась.

— Где ты собираешься спать, пап? Вы с мамой снова поженитесь?

Папа чуть не подавился водой.

— Мы с мамой — друзья. Я думаю, будет хорошо, если все так и останется. Мы все равно можем жить в этот доме вместе.

— Думаете, кто-нибудь там еще есть? — спросила я, откусывая бутерброд.

— Что ты имеешь в виду? — спросил папа.

— Например, доктор. Это же его дом, и хорошее место пребывания. Может его семья тоже там. У него две дочери, но у них уже есть парни, — выдала я, предупреждая его.

— Думаю, я переживу, — он усмехнулся.

— Что если мама приехала туда с кем-то, с кем у нее отношения? Что если они вместе? Как ты и Эйприл? — спросила я, не ожидая ответа.

Хэлли хихикнула и папа начал собирать вещи.

— Итак, девчонки! Обеденный перерыв подошел к концу. Нам нужно пройти еще пару часов, и найти хорошее место для ночи, если мы не найдем дом. Не зевайте!

— Что, — спросила Хэлли, замерев.

Папа остановился, чтобы посмотреть на нее:

— Нам нужно найти место, чтобы установить палатку.

— Мы будем спать на открытом воздухе. — спросила она с широко открытыми глазами. Она буквально начала дрожать от одной этой мысли.

— Я не хочу, папа. Я хочу спать с мамой сегодня.

Папа виновато улыбнулся.

— Мы не доберемся до Красного холма сегодня, Pop Can. До темноты мы почти доберемся до Шалота. Мы установим палатку и завтра еще будем идти. Все будет хорошо. Мы с Дженной будем по очереди следить, и сейчас луна полная, так что мы увидим если что-то приближается к нам.

Она покачала головой.

— Нет, нет, папа.

Папа обнял ее.

— Я не позволю, чтобы что-нибудь случится с вами, Хэлли. Обещаю.

Он помог ей надеть рюкзак, а затем мы снова отправились в путь вниз по склону. Мы вернулись к дороге, направляясь к северу на шоссе 123. Мелодия начала играть в моей голове, высокий голос Хэлли при пении выдуманной ею песни, каждый раз, когда я думала о координатах, которые мама научила нас.

123? 123!

Мы пересеклись всего лишь несколькими инфицированными и одной небольшой группой из четырех или пяти, и у нас не было никаких проблем и ними. Солнце наваливалось на нас, и открытые участки кожи порозовели и раздражились. У нас был солнцезащитный крем меньше половины бутылки, и мы с папой решили, что бледной коже Хэлли он нужен больше, чем любому из нас, кто, как правило, загорал.

К вечеру, мы до сих пор не нашли хорошее место для лагеря, поэтому мы продолжили идти. Я начинала удивляться, что если папа надеялся встретить дома, но я не помню ничего, кроме пастбищ и скота между Фэрвью и Шалотом.

В конечном итоге я несла папин рюкзак и свой, и папа мог понести Хэлли нескольких миль. Солнце садилось, и я нервничала.

— Пап? — наконец произнесла я.

— Знаю.

— Уже поздно.

— Я знаю.

Мы прошли еще две мили, и я сморщила нос.

— Что это?

Хэлли прижала запястье к лицу.

— Тьфу! Что это за запах?

Папа резко остановился:

— Я не верю в это.

Хэлли заглянула через плечо.

— Что это?

Я догнала его и стояла с моим открытым ртом. На вершине холма была скала, с надписью "Шалот".

— Мы сделали это. Мы здесь, — сказал папа.

— Посмотрите, — указала Хэлли, указывая на небо. — Белый дым идет отсюда.

Выражение лица папы изменилось с удивленного облегчения до напряженности.

— Холм скрывает то, что может происходить на другой стороне. Я не знаю, о каком дыме идет речь. Если в Шалоте имеет много зараженных, нам, возможно, придется бежать или действовать быстро. Дженна, не стреляй, если это не крайне необходимо. Мы не хотим привлечь к себе внимание. Вы должны делать то, что я говорю, когда я говорю. Понятно?

Хэлли и я согласились, и я поставила ее на ноги.

Я сжала руку Галле. Ни за что не отпускай.

Хэлли кивнула, беспокойство проскочило по ее лицу. Мы понятия не имели, на что мы шли. Шалот был примерно такого же размера, как и Фэрвью. На трассе стоял автомобиль и не было никакого способа узнать, сколько людей здесь остановились на пути в никуда.

Я надеялась, что мы столкнемся с Брэдом и Дарлой и тогда они могли бы взять нас туда, где они находились.

Папа шел по дороге в город. Мы едва достигли другой стороны холма, прежде чем папа зашипел на нас, чтобы мы спрятались. Мы отступили за деревом, стоя за папой, и он выглянул из-за него.

— Черт возьми, — прошептал он. — Он переполнен.

— Почему так пахнет? — спросила я, корча лицо от отвращения. Это было самое худшее, что когда-либо ударяло в нос. Это было похоже на запах обугленных грязных ног,

скусна, и мускуса в одном лице.

Глаза папины оглядывали все вокруг.

— Пахнет копотью.

— Чем?

— Разложившимся трупом после загорания. Они полны бактериями и застроенными газами. Когда они загораются, они выходят на воздух. Думаю, некоторые из зараженных, должно быть, попали под взрыв или пришли в огонь.

— Пойдемте, — прошептала Хэлли. — Я не хочу оставаться здесь.

— Мы не сможем дойти до Красного Холма засветло, — сказала я.

— Согласен, — сказал папа. — Мы просто пойдем по этой дороге и попытаемся попасть в первый попавшийся дом. Мы обязательно проникнем незамеченными, это означает быстро и тихо.

— Хорошо, папа, — сказала Хэлли тихим голосом.

— Давайте, — сказал он тихо.

Мы застряли в деревьях, а затем спустились в заднюю аллею линии домов.

Папа перепрыгнул забор двухэтажного дома, с деревянными рейками на окнах. Он попытался открыть заднюю дверь, но она была заперта.

Знакомый тихий стон пустил дрожь по спине, и я потянула Хэлли ближе, оглядываясь вокруг. Я не могла видеть, но оно видело нас — или, может быть, почувствовало наш запах.

Папа пошел к следующему дому, также двухэтажного. Наружные рейки были окрашены темно-зеленым, а на окнах были отвратительные коричневые ставни. Задняя дверь сразу же открылась. Он исчез внутри, и потом вышел обратно, махая нам рукой. Я помогла Хэлли перелезть через забор, а затем сама перепрыгнула. Мы побежали к задней двери.

Из забора прозвучал стон и я повернулась. Инфицированный мужчина в комбинезоне тянулся к нам через забор. Я посмотрела на папу, который отчаянно показывал мне войти внутрь, но я знала, что, если мы оставили эту тварь за оградой, он мог предупредить других о пище, и мы были бы в реальной опасности, очень быстро.

Я держала битую низко обеими руками, поворачивая ладони на ручке, когда я подошла к инфицированному.

— Дженна! — прошипел папа.

Я ударила в первый раз, оглушая существо. Месяца разложения сделала его мягкими, его кожа и мышцы не защищают его кости. Я ударила его еще раз, и он упал.

— Что делаешь? Быстро иди сюда!

Я перепрыгнула через забор и ударила его еще пару раз, пока он не перестал тянуться ко мне. Я толкнула его ногой, а затем прыгнула назад через забор. Я побежала на полной скорости к двери, как будто что-то было за мной. Я закрыла за собой дверь, мое сердце выскакивало из груди.

— Что ты делала? — прорычал папа. — Пыталась убиться?

— Они призывают друг друга, — сказала я. — Если бы я оставила его там, он бы позвал других сюда, и если бы пришло достаточно людей, они могли опрокинуть забор и проникнуть в дом.

Папа опешил. Он подумал об этом на мгновение.

— Хорошо сказано, малыш. Просто будь осторожна. Я собираюсь получить сердечный приступ, прежде чем мы дойдем до Красного холма. Вы знаете, что ваша мать сделает со мной, если я появлюсь без вас?

— Давайте просто не будем об этом, ладно? — сказала я с улыбкой, по-прежнему тяжело дыша.

Папа обнял меня крепко. Он сделал глубокий вдох, а затем поцеловал мои волосы.

— Я рад, что ты со мной, малыш.

Папа немедленно начал проверять замки на передних и задних дверях, а потом поискал материалы, чтобы укрепить окна. Мы обыскали каждую комнату для чего-то, чтобы продержало наплыва инфицированных. Мы не повезло с деревянными планками, как в церкви или листами фанеры, как у Эйприл. Так что, мы использовали мебель и убедились, что все шторы были задернуты.

— Никаких фонариков или свечей без крайней необходимости, — сказал папа.

— Громко не разговаривайте. Нам просто нужно, продержаться ночь.

— Мне не нравится этот дом, — скулила Хэлли.

Папа осторожно прикоснулся к ее щеке кончиками пальцев.

— Мы будем спать наверху. Я положу хрупкие вещи вверху и внизу лестницы. Если что-нибудь постучит в них, мы услышим.

Нижняя губа Хэлли задрожала.

Я пошла на кухню, в поисках еды, и когда я открыла дверь кладовой, я ахнула.

— Папа! — прошептала я так громко, как могла. — Папа!

Он бросился ко мне, волоча Хэлли. Удивление осветило его лицо.

— Ого!

Кладовая была полна банками фруктов и овощей, риса, мясными консервами, картофельными чипсами, арахисовым маслом, соленьями, и водой в бутылках. Были две заплесневелые буханки хлеба и гнилые фрукты, но я не могла не остановиться глядя на картофель. Я протянула руку и потрогала один.

— Они по-прежнему хорошие! Я подняла пакет порошковой подливки.

— Картофельное пюре и соус!

Папа открыл холодильник.

— Я не верю в это. По-прежнему есть электричество!

Тогда, я уверена, у мамы тоже есть! — Хэлли толкнула вверх свои очки, и продемонстрировал свои маленькие зубы.

Мы провели вечер, готовя еду и шепчась, обсуждая, как мама будет реагировать, когда мы появимся на следующий день на Красном холме. Обед состоял из картофельного пюре и подливы, залитой в темном соусе, и зеленых бобов. Мы давно так вкусно не ели.

— Как бы мне хотелось забрать эту кладовую с нами, — сказала я. — Мы не знаем, что осталось на ранчо.

Папа сделал паузу.

— Может быть, я должен дойти до нее, вместе с кем-то там, и вернуться сюда, чтобы забрать Вас и загрузить на продукты.

— Вы не думаете, что они делают это, так или иначе?

Глаза Хэлли раскрылись, и рот открылся в удивлении.

— Что делать, если они сделают это что завтра, и нам не придется идти на Красный холм в одиночку?

— Это, — я сказала, — будет лучшим, что случилось с нами в течение длительного времени.

Папа хмыкнул.

— Если они идут за продуктами, я не думаю, что ваша мама будет с ними.

— Почему нет? Я же хожу с тобой, — сказал я.

— Твоя мама не совсем относится к этому типу людей, — сказал папа.

— Я тоже!

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Я просто не могу представить ее разбивающую черепа на пути к Шаллоту, чтобы забрать поставки. Но вы правы. Сейчас другие времена.

Ухмылка Хэлли исчезла.

— Это то, что мы будем делать? Разбивать черепа, чтобы добраться до Красного холма?

— Нет, дорогая. Мне очень жаль, — сказал папа, понимая свою ошибку слишком поздно, — я был просто дразнил Дженну. Я не серьезно.

Но такова была наша реальность сейчас, и мы все знали, что возможность этого была, даже если папа не хотел признаться в этом.

— Там так много инфицированных в городе. Шаллот даже меньше, чем Фэрвью. Я не понимаю.

— Я не знаю, — сказал папа, прежде чем надкусить картофель.

После обеда, мы все разбили, чтобы очистить, а потом папа и я перенесли стол к нижней части лестницы, прежде чем поставить туда стаканы и несколько банок, которые я нашла на верхней полке шкафа. Мы вытащили две тумбочки из одной из спален на втором этаже и поставили туда декоративные вазы и статуэтки.

Я обыскала все шкафы в поисках одежды моего размера, но не мне не повезло с этим. Мне показалось, что я нашла пару обуви для Хэлли, но они оказались ей большими.

— Я не хочу надевать старые ботинки, — сказала Хэлли, разочарованно.

— Сегодня не придется. Просто поставь их рядом с кроватью, если придется одеваться в спешке.

Она долго смотрела на большие ботинки. Мне было жаль ее. Я сняла ее носки и начала натирать ее ноги. Ее большой палец на ноге натерся и был красным. Нам нужно найти ей обувь и чем раньше, тем лучше.

Она откинулась на руки и произнесла:

— Ты самая лучшая сестра!

— Ты не шутишь. Твои ноги пахнут, и они... влажные.

Хэлли захихикала, и я присоединилась к ней.

Папа стоял в дверях, улыбаясь на нас.

— Хорошо, давайте помоемся и в постель до наступления темноты. Никакого света, ладно?

Мы встали и направились в ванную комнату. Ситуация показалась мне смешной. Пять недель назад, Хэлли бы разразилась в припадке и просила не идти спать. Но без телевизора или игрушек, не было причин не идти спать.

Я протерла тело, а затем помогла Хэлли. Мы смыли грязь и пот одного дня, а затем вытерлись перед тем, как одеться. Я ненавидела, когда после душа приходилось одевать старую одежду, но без забитых окон, это было слишком рискованно стирать одежду и повесить, их сушиться.

Я рухнула на кровать огромного размера рядом с Хэлли. Папа вытащил двуспальный матрас из другой комнаты и положил его на пол рядом с нашей кроватью. Папа хотел, чтобы у нас много места, пока мы спали, чтобы мы бы хорошо отдохнувшими на следующий день.

Мы все лежали в темноте, ожидая сна. Снова было слишком тихо. Старый дом треснул и сделал шум, к которым мы не привыкли. Каждый раз, когда что-то трещало или стучало,

папа задерживал дыхание и слушал, а затем расслаблялся снова.

Хэлли была слишком измучена, чтобы беспокоиться, и она заснула за несколько минут. Она стала храпеть, и я повернулась на бок лицом к папе, положив руку под подушку. Кровать была гораздо удобней, чем кушетка у Эйприл.

— Какой план на завтра? — прошептала я. — Ты же не собираешься пойти без нас?

— Я не знаю. Как ты считаешь?

Его вопрос застал меня врасплох. Я не привыкла, что он спрашивал мое мнение.

— Э-э... давай взвесим все «за» и «против».

— Звучит неплохо.

Я на мгновение задумалась.

— Ты мог бы путешествовать быстрее без Хэлли. Ты мог бы дойти туда и обратно, если у мамы есть машин и, каким-то чудом, по-прежнему есть бензин.

— Давайте не будем ставить на это. Мы говорим о том, что оставить вас с Хэлли здесь в одиночку, по крайней мере, одну ночь, и это с учетом, что все пройдет отлично.

— Страшная мысль. Мы могли бы сделать это, если бы нашли, чем покрыть окна.

— Насколько для тебя важно, что мы уезжаем завтра? — спросил он, — если у нас будет время подготовиться, я мог бы укрепить окна внизу. Я мог бы даже найти машину с бензином. Мы могли уехать отсюда и быть на ранчо за пятнадцать минут.

Я вздохнула. Я была разочарован выбором, но это было только потому, что это было умно и означало, что мы не увидим маму на следующий день. До нее было всего около пятнадцати миль. Зная тот факт, что мы были так близки к ней, бесил.

— Мы должны, по крайней мере, найти что-то, чтобы укрепить окна, — я сказал, сдаваясь.

— Твой день рождения через пять недель, — сказал папа.

— Да? Это означает, что мы пропустили четвертое июля, не то чтобы у нас был фейерверк, — сказал я без эмоций.

Дни рождения и праздники уже не те, что были раньше. С этого момента, все просто означало еще один год выживания.

— Моей дочери будет четырнадцать. Трудно поверить, — сказал он, прежде чем медленно глубоко задышать.

— Труднее, чем поверить в зомби-апокалипсис? — сказала я с ухмылкой, которую он не мог видеть.

Я слышал, как он чешет бороду.

— Я обещаю, что ты проведешь свой день рождения с мамой, Дженна. Как насчет этого?

Улыбка ползла по моему лицу. — Это было бы лучшим подарком, который ты мог бы мне подарить. Это, и если бы ты побрился.

— Сделано, — сказал он. — Теперь надо немного отдохнуть. У нас много работы на завтра.

Я кивнула и закрыла глаза.

Папы уже не было несколько часов, когда я видел его. Грязный большой человек шел по дороге, но он не был заражен. Он был жив. Часть меня хотела закричать из окна второго этажа, растереть стекло, пока он не поднял голову, но я не знала, кем он был.

Во время всемирной катастрофы, люди, которые когда-то были обычными людьми, становились отчаянным, чтобы выжить. Это означало воровство и грабеж и другие вещи, о которых я не хотела думать. Тот Человек мог быть полезным, или он мог взять всю нашу еду — или еще хуже.

Я позволила ему пройти мимо, а потом я снова искала на улицах отца, пропуская взглядом инфицированных всех возрастов.

— Я хочу есть, — сказала Хэлли, дергая меня за рубашку. — И я очень зла.

— Почему? — спросила я, поворачиваясь, чтобы увидеть кислый взгляд на ее лице.

— Мы должны были встретиться с мамой сегодня, — сказала она, пытаясь удержаться от скулежа в голосе и слез в глазах.

— Я знаю. Я бы тоже хотела видеть ее сегодня. Но мы были удивлены, увидев многие из этих тварей в Шаллоте, и это заставило нас задаться вопросом, сколько их может быть между здесь и ранчо. Мы должны составить план, Хэлли. Мы почти там. Мы не хотим совершить ошибку, когда мы зашли так далеко, не так ли?

Она отвернулась в другую сторону.

— Думаю, да.

— Я тоже разочарована. Трудно быть так близко и не видеть ее. Но она будет так рада видеть нас. Мы должны сконцентрироваться на этом.

Хэлли уже не могла удерживать слезы.

— Я тоже буду рада видеть ее! — она обняла меня, и я обняла ее. — Я так по ней скучаю, Дженна! Я хочу к маме!

— Я тоже, — сказала я, чувствуя свою собственную дрожь губ. — Нам просто нужно сделать еще несколько вещей, и тогда мы можем идти. Но сейчас, давайте наскребем обед. Папа будет очень голоден, когда вернется домой.

Хэлли подняла очки и вытерла глаза. Я снова посмотрела в окно, и я увидела, что человек идет назад. У него был мешок с несколькими стволами, торчащими из верхней части. Он не искал. Он точно знал, куда он идет. Я наблюдала за ним, пока он не исчез под навесом дома на следующем квартале. Это был последний дом на дороге. Я сглотнула, а затем позволила Хэлли утянуть меня вниз по лестнице.

Когда я поставила горшок с равиоли на конфорку, открылась задняя дверь. Я потянулась за винтовкой папы и встала перед Хэлли, наклонившись.

— Хорошая девочка, — сказал папа. — Не тратьте время, спрашивая, кто это.

Я выдохнула с облегчением.

— Ты испугал меня до чертиков.

Папа поднял бровь, опуская все пластиковые мешки в его руках.

— Нежить бродит снаружи, и я напугал тебя?

— Тут проходил один парень снаружи, — сказала я.

— Много кто ходит на улице, — сказал он, рассеянно роясь в мешках.

— Нет, настоящий парень, живой парень. Он прошел к этому кирпичному дому, в

который мы не могли попасть, а потом он пошел обратно вниз по улице к дому в конце пути по пастбищу.

Папа замер.

— Что ты сделала?

Я пожала плечами.

— Ничего. Я не узнала его, и Хэлли и я были один. Почему ты был так долго?

— Он живет в конце улицы? Что он делал в кирпичном доме?

— Он укладывал много пушек. Я думаю, он нашел их в этом доме. Он не видел нас. Я не думаю, что он знает, что мы здесь.

Папа, наконец, выдохнул.

— Хорошо. Это хорошо. Мы должны быть более осторожными. Я рад, что у меня есть умные дети.

— Ты собираешься ответить на мой вопрос?

— О, я должен был найти что-то, чтобы нести фанеры. Я нашел лесной склад и крошечный универсальный магазин, которые были в основном пустые.

— У тебя кровь на рубашке, — сказала я, глядя на него более внимательно. — И на лице.

Папа опустил взгляд, а затем полез в карман. Он протянул мне листок бумаги. Это была моя записка маме, которую я дала Дарле.

— Откуда это у тебя? — спросила я, возбужденной. — Ты видел Брэда и Дарлу?

Папа опустил глаза, лицо его стало серьезным.

Моя рука поднялась к моему рту.

— Нет, о нет! Видел обоих?

Он не ответил. Ему и не надо было.

— А как насчет Логана и Мэдди?

— Вот почему я так задержался. Я хотел убедиться, что они не одиноки где-то.

— Ты их нашел?

Его взгляд потупился, он восстанавливал в памяти картину:

— Да.

Я поражено вздохнула и закрыла лицо. Я села на жесткий стул рядом с кухонным столом.

— Что? — спросила Хэлли, не понимая.

Я покачала головой, собравшись, и протерла глаза, прежде чем улыбнуться Хэлли.

— Я просто рад, что они добрались туда, куда они собирались, — сказала я, подходя к плите. Я помешала в кастрюле равиоли, заставляя уйти печаль прочь.

Папа подошел ко мне сзади и поцеловал мою голову.

— Ты можешь отдать записку маме сами.

Я кивнула.

— Я нашел ключи от машины с бензином, но у нее плохой генератор. Я еще завтра поищу. Я собираюсь поставить эти доски во второй половине дня. Мне нужно, чтобы кто следил за моей спиной.

— Хорошо, — сказала я, потянув горшок из печи.

Папа вымыл руки и лицо. Затем он взял одну из чаш вылил равиоли в и поставил его на стол перед Хэлли. — У меня есть кое-что еще для тебя, Pop can.

— Что? — спросила она, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него.

Он держал пару белых кроссовок перед собой. Они были с кордовыми шнурками.

Хэлли выдохнула и сняла свои туфли. Затем она одела кроссы на ноги. Она пошла в сторону гостиной, а затем пришла обратно.

— Они подходят!

Я похлопала и дала папа пять.

— Ура!

Папа вернулся на кухню мискал равиоли, и после того, как я взяла чашу, каждый из нас сел на конце стола.

— Я узнал, откуда дым, — сказал папа. — Газовая станция находится в пепле. Похоже, кто-то врезался туда. Это объясняет огромный взрыв.

— О боже! Плохой способ спастись, — сказала я, жуя.

— Многие из инфицированных сгорели, тоже. Оттуда и запах.

— Ты как-то называл этот запах, — сказал я.

— Но хорошая новость в том, что теперь можно почувствовать их приближение по запаху, даже быстрее, чем обычно.

— Это хорошо, — сказала Хэлли, качая ноги назад и вперед и жуя с открытым ртом. — Все, что нам нужно, это добраться до мамы.

Папа и я вытянула наши шеи в направлении Хэлли.

— Что? — спросила она.

Папа провел следующий день в поисках ключей к автомобилям с бензином, и Хэлли и я играли прятки в большом доме с обещаниями не закричать, когда один из нас находил другого.

Я снова увидела человека. Он снова ходил в дом из красного кирпича, и он принес больше оружия. За прошедшую неделю, он делал это каждый день ближе к полудню, а затем он перестал. Я начала задаваться вопросом, сколько же оружия было в этом доме. Из моих докладов, папа узнал, когда не следует быть в пути, чтобы он не пересекаться с человеком, у которого, очевидно, было много огневой мощи.

Через несколько дней после того, как человек перестал совершать походы в кирпичный дом, я увидела его снова. На этот раз, он направлялся на север. Когда началась стрельба, я запаниковала, опасаясь, что папа мог столкнуться с ним, но папа вернулся быстро, обеспокоенный тем, что это могли быть мы с Хэлли.

После этого, я бы видела, как человек ходил на север каждый день. Единичные выстрелы продолжались в течение часа или двух, а затем вскоре после этого, он возвращался домой. Это не заняло много времени, чтобы выяснить, что он делает. Он медленно очищал инфицированный город, но я до сих пор не доверяла ему достаточно, чтобы представиться.

Прошла уже неделя, и я поклялась быть терпеливой.

С середины второй недели, мое терпение убывало.

В конце третьей недели, я начала чувствовать себя обиженной. Папа перестал выходить каждый день, и, хотя я очень старалась ему доверять, он не говорил о плане в довольно долгое время.

Однажды вечером после обеда, я увидел группу шедшей по дороге. Мои глаза выпучил. Это были трое мужчин и одна женщина. Они выглядели так, как будто были в пути некоторое время.

— Папа! — я позвала его так же тихо, как я могла на нижнем этаже. — Папа!

— Что? — спросил он, быстро поднимаясь вверх. Он выглянул в окно, а затем толкнул

меня в сторону, вне поля зрения. — Кто они? — спросил он, спиной к стене.

Он стоял в самый раз, чтобы смотреть на них, и я имитировала его позу.

Я нахмурилась.

— Почему ты меня спрашиваешь?

Папа пожал плечами:

— Потому что ты позвал меня сюда.

— Потому что эти люди незнакомые. Это стоило отметить, не так ли?

Мы наблюдали за ними, пока они напали ножом на инфицированных. Они казались довольно искусны, и я чувствовал, что меня странно тянет к ним. Мужчины были темноволосые — один, высокий и темнокожий; другой, очень высокий; еще один, маленького роста, но явно спортивный. Женщина была стройной, ее лицо было скрыто под бейсболкой. Ее волосы были либо очень коротким или подобраны в шляпу. Единственное как я могла определить, что это была женщина это — ее грудь. Должно быть, она была жесткой, чтобы работать с этими тремя парнями. Один из самых высоких из них походил на серийного убийцу, хотя был довольно мил. Он напомнил мне о том актера, который всегда играл солдата в кино.

— Темнеет. Лучше бы им найти убежище, — сказал папа.

— Я думаю, это то, что они делают. О нет.

— Что? — спросил он, прислонившись к окну, чтобы получше рассмотреть.

— Они собираются в соседний дом. ЕГО дом.

— Ну, если мы услышим выстрелы, мы узнаем, что они не поладили.

Уличные огни погасли.

Папа пошел в ванную комнату и щелкнул выключателем. Ничего. Он вскочил на ванну и начал заполнять его водой.

Я подошла к двери, глядя на него.

— Что делаешь?

— Иди вниз и делать то же самое. Если выключилось электричество, то и водоснабжение отключится! Иди!

Я сделала, как он приказал. Я бросилась вниз по лестнице на другую ванную и повернула кран ванной, открыв его на полную мощность.

После того, как ванна была полна, папа побрел вниз по лестнице. — Ну, думаю, «легкие» дни закончены.

— Это были легкие дни? Думаю, пойду повешусь сейчас.

Папа нахмурился.

— Не смешно.

— Прости, — выдавила я, — ты на все равно не разрешал использовать электричество.

— Холодильник, — проворчал он.

— Точно... — вспомнила я.

Хэлли позвала папу с постели, и мы задули свечи и пошли вверх по лестнице вместе. Он лег спать, а я стояла у окна, ожидая выстрелов, которые никогда не прозвучали.

Я не мог отделаться от ощущения защищенности от группы. Я хотела крикнуть им, быть с ними. Что-то в них говорило о безопасности.

Я отошла от окна, думая, что же происходило внутри дома соседа, и я залезла в кровать рядом с Хэлли. Я волновался о присоединении к компании неинфицированных, но в то же время, я надеялся на это.

Утром я вскочила с постели так быстро, что папа вскочил в панике.

— Что такое? — сказал он, моргая.

Я стояла у окна, глядя на любые признаки группы. Если бы они решили двигаться дальше из Шаллота, я предположила, что они начинали бы путь с первыми лучами солнца, и я была права. Мужчины и женщина уже прошли наш дом, и шли по нашей улице по направлению к шоссе, бесстрашно стреляя по инфицированным на расстоянии десяти футов. Но на этот раз, сосед был с ними.

— Они знают друг друга, — сказал папа. — Может быть, он ждал их все это время.

— Или, может быть, они просто встретились на прошлой ночью, и он уезжает с ними, потому что откуда-то лучше? — предположила я.

— Может быть, они ведут его к смерти?

Я сморщила нос.

— Это не имеет никакого смысла. Ты — параноик.

— Думаешь?

Я повернулась к нему.

— Когда мы уходим?

— Я работаю над этим, — сказал папа.

— Что это значит? — спросила я.

Папа отступил в ванную, потирая затылок. Он всегда делал это, когда он и мама ругались, особенно когда она была права и он не опровергнуть.

Я выдохнула в расстройстве, качая головой. Он не мог остаться в ванной комнате навсегда. Я проверила Хэлли, и, увидела что она по-прежнему глубоко спит, я спустилась вниз, зажгла свечи на кухне и в гостиной.

Когда папа наконец-то вышел, я не стала тратить время.

— Ты вообще думали об этом?

— Дженна, — сказал он со вздохом, — не торопи меня.

— Не торопи? Мы здесь уже нескольких недель. Ты хоть собираешься выйти сегодня?

— Я собираюсь проверить дом соседа и посмотреть, оставил ли он что-нибудь.

— Какая разница, если мы уезжаем?

— Просто потому, что сосед ушел не означает, что и мы должны.

— Я не хочу уходить, потому что сосед ушел. Я хочу видеть маму!

Хэлли сошла вниз по лестнице.

— Почему вы орете? — прохрипела она.

— Мы не орем, — сказал папа. — Хочешь на завтрак, Пор?

— Конечно, — сказала Хэлли, сидя за столом.

Я топала в почти пустой кладовке, а затем бросила коробку на стол. Последние пять серебряных пакетов высыпались, некоторые упали на пол.

— Дженна! — папа откинулся на спинку стула, а затем вперед, чтобы очистить беспорядок. — Что с тобой?

— Скоро мой день рождения. Ты обещал.

— Я знаю, что обещал. Я работаю над этим.

— Работаешь над чем? Ты не выходил из дома в эти дни! У нас заканчивается еда!

— Дженна, — сказал папа, глядя на Хэлли, — я не нашел машину. Я... продлеваю неизбежное.

— То есть ЧТО? — спросила я, скрестив руки.

— Я не могу оставить вас здесь одних. Что если что-то случится, пока я буду отсутствовать?

— Тогда, пойдём! — я настоял на своем.

— Я..., - он замолчал, уже жалея о своих следующих словах. — Я проходил немного дальше каждый день. Там очень много инфицированных на дорогах, Дженна, и не только. Они в полях, и...

— И что?

— Когда я добрался до белой башни, вы девочки говорили, что они повсюду. Мертвые. Я имею в виду, мертвые, мертвые. Чем дальше я шел, становилось хуже. Что-то там происходит, и мне это не нравится.

Я фыркнула.

— Ты волнуешься о мертвых инфицированных? Разве это плохо?

— Эта группа заставляет меня нервничать.

— Это глупо. Почему бы нам не начать идти? Сосед ушел с этой группой, и это было умно с его стороны. Что делать, если они из Красного холма?

— У меня плохое предчувствие, Дженна! Что-то не так! Я чувствовал себя, таким образом, уже последние две недели, как-будто что-то плохое произойдет.

— Это потому, что скоро мой день рождения, и ты знаешь, что обещанный срок идет к концу. Ты чувствуешь себя комфортно. Ты успокаиваешься! Но я не позволю маме думать, что мы мертвы еще один день, потому что у тебя плохое чувство!

— Хорошо! Хорошо! — сказал он, сдавшись. — Мы выходим утром.

— Правда? — спросила я, оживляясь.

— Правда. Но если что-нибудь случится, независимо от того, насколько далеко мы находимся, мы идем прямо сюда. Вы понимаете?

Я согласилась, и Хэлли тоже.

— И... нам нужно поговорить о... мы должны говорить о том, что делать и куда идти, если она не там.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя, удар под дых.

— Она там, — сказала я.

— Она ждет нас, и ты будешь чувствовать подонком, пытаясь забить такие мысли в наши головы.

— Я надеюсь, что это так, — сказал папа, наливая суп в миску Хэлли. — Я никогда в жизни не хотел чувствовать себя подонком.

Солнце только что выглянуло из-за горизонта, когда мы вышли на задний двор. Хэлли и я подготовились, чтобы хорошо выглядеть для мамы. Я заплела ее волосы, и она заправила их в рубашку.

— Мама должна увидеть мои новые ботинки! — сказала она с широкой улыбкой и светлыми глазами.

Это была самая счастливая улыбка, которую я не видела уже довольно давно.

— Точно. А сейчас давай сосредоточимся и будем следить. Помни, что сказал папа о многих странных вещах на дорогах. Слушай, и обращай внимание на окружение, -

Хэлли решительно закивала головой.

Я помогла ей надеть рюкзак, и я привязала ее куртку вокруг талии, прежде чем выйти из дома. Ее голова казалась голой, и я поняла, что ее шляпа была до сих пор в моей руке.

— Не забывай об этом, — сказала я, протягивая ей.

Папа был тихим, но я не хотела говорить с ним об этом. Я боялась, что он изменит свое мнение.

Мы шли вниз по задней аллее, щебетали птицы и сверчки. Гравий хрустел под ногами, и штаны папы свистели, который я только заметил, когда мы шли пешком.

Папа был вынужден затянуть свой ремень на две дырки, с тех пор как все это началось, и его штаны провисали в задней стороне. У меня не было привычки смотреть в зеркало, но было не трудно видеть, что все потеряли вес. Чем больше я думала об этом, тем больше я готовилась, что мама тоже будет выглядеть по-другому.

Мое сердце подпрыгнуло. Мы узнаем это к концу дня. Я была так взволнована, и хотела успокоить ее страхи, и я должна была ее видеть.

Когда мы вышли из-за холма за Шаллотом на шоссе 123 и повернули на север, я действительно начал волноваться. Может, сегодня мы увидим маму. Папа был по-прежнему тих, держа в руках деревянную ручку трезубца, что он нашел в чьем-то сарае неделю назад. Он по-прежнему носил полуавтоматическую винтовку, которую он нашел на путепроводе возле Андерсона, и я все еще несла свою винтовку и алюминиевой битой Джуди, но из-за человека, с пушками было легче выйти из города, чем могло быть.

Я никогда не узнала, кем же был этот мужчина, он был верен, также определенно умен. Прогуливаясь на ту сторону города каждый день, чтобы стрелять инфицированных, чтобы не только проредить население нежити, но для того чтобы шум привлек их в противоположную сторону города, где мы оставались. Когда мы ушли, мы встретили только несколько кучек.

Папа был прав. Мы не были на дороге в течение более двадцати минут, когда мы обнаружили первую группу. Они направлялись на север, но мы были подветренной стороны. После того, как мы добрались достаточно близко, они пошли на наш запах.

— Готовьтесь, — сказал папа. — Колени, а затем голова. Бьем сильно. Хэлли?

— Да? — сказала она, страх почти заглушал ее голос.

— Держись подальше от дороги, но просто не смотри на нас. Смотри по сторонам.

Когда первый зараженный подошел достаточно близко к папе, он сунул трезубец в его лицо. Он сразу замер, а когда папа дернул металлические зубцы, он упал на землю. Он пошел за другим, и я повернула ручку биты, держа его низко и в стороне, пока я не был достаточно близко. В основном они были сосредоточены на папе. Казалось, что всякий раз,

когда он убивал одного, те вокруг него возбуждались и больше зацикливались на агрессоре.

Я замахнулся на колени женщины, приближающейся сторону папы, а потом я снова качнулась, когда она упала на землю.

— Отойди немного назад, Дженна. Стой рядом с Хэлли!

Я послушалась и отошла, оглядываясь назад. Хэлли стояла посреди дороги, как папа поручил накануне вечером. Она смотрела на нас, но и часто посматривала вокруг.

— Хорошо держись, Хэлли. Продолжай в том же духе! — сказала я, замахиваясь на инфицированных, которые подходили слишком близко.

В течение нескольких минут, группа была побита, и папа, и я стоял над ними, тяжело дыша и улыбаясь.

— Мы сделали это, — сказала я, пыхтя.

— Хорошая работа, малыш, — сказал папа. — Все в порядке, Хэлли?

Она побежала в мою сторону, обнимая меня за руку. — Давай поторопимся!

Мы продолжали идти в более медленном темпе, пока наше дыхание не вернулось в норму, а затем пошли немного быстрее.

— Ты заставила меня гордиться там.

— Да? — откликнулась я.

Он схватил козырек моей кепки и игриво потянул его вниз.

— Да. Из нас выходит хорошая команда.

— Я тебе говорила, — сказала я с самодовольной улыбкой.

— Ты тоже, — сказал он в Хэлли.

Она подняла голову, щурясь один глаз, и ухмыльнулась.

— Ты изменился, — сказала я. — В хорошем смысле. Ты не кричишь больше и не злишься.

Папа зацепил руку вокруг моей шеи.

— Ну, может быть, апокалипсис заставил меня вырасти.

— Я думаю, что мама будет удивлена.

— Думаешь? — он усмехнулся.

— Да, и она будет благодарна тебе за заботу о нас и за благополучную доставку к ней.

— Ну, это хорошо, но... Я не делал это для нее. Я сделал это потому, что вы мои дети, и я люблю вас.

Хэлли обнял его с одной стороны, и я обняла с другой. Мы стояли вместе в середине дороги укутанные любовью, принятием и благодарностью. Я чувствовала, как папа, и я, наконец, поняли друг друга, и я знала, что все будет по-другому, как только мы доберемся до ранчо, изменятся отношения между ним и мамой.

По мере того как солнце поднималось и жара отдавалась волнистыми линиями на асфальте, наша любовь превратилась в одну линию пота и решимости. Мы не были на полпути, и Хэлли нужны были тень и перерыв, чтобы попить воды.

Папа сделал глоток из фляги и протянул его мне.

— Нам нужно активизироваться, девочки. Такими темпами, мы не дойдем до наступления ночи.

Я посмотрела на мою младшую сестру.

— Я знаю, что жарко, но думай о маме. Просто продолжай думать о маме.

— Не позволяйте жаре отвлекать вас от окружения, — сказал папа. — Мы должны...

Я услышал стон слишком поздно. После того, как все зараженные поскользнулись

мимо, один просто взял появляться из-за деревьев и впился зубами в предплечье папы.

Папа закричал и упал с ним. Хэлли тоже закричала, но у меня не было такой роскоши, бояться или даже грустить. Я была зла. Папа был укушен, и в его глазах я увидела, что это — конец. Несколько миль назад, мы только что пришли к пониманию. Мы только что разобрались. Все будет по-другому. Каждой клеточкой моего гнева я била, по зараженному, пока он не был обезврежен.

Хэлли все еще кричала, когда папа встал. Она смотрела на его руку, как будто она была в огне.

— Я сожалею, — сказала я, с волнением и моя грудь вздымалась. — Мне очень жаль.

— Комплект первой помощи! — сказал он, указывая на рюкзак.

Он обернулся, и я вытащила пластиковый контейнер.

— Что нужно? Что мне делать? — спросила я. Слезы текли из моих глаз.

Крики Хэлли размылись в фоновом режиме.

— Жгут!

Я передала ему эластичную полосу.

— Марля и лента!

После того, как он привязал турникет здоровой рукой и зубами, он поставил один большой квадрат марли на рану, а затем еще прежде, чем обернуть ленту вокруг его руки на каждом конце.

Я протянул банку спрея антибиотика.

— Нужно побрызгать, прежде чем приклеить на пленку? — спросила я.

Он посмотрел на меня, с безнадежностью в глазах.

— Не будет никакой пользы. — Он встал и посмотрел на меня и Хэлли. — Мне так жаль, девочки, — его глаза наполнились слезами. — Мне очень, очень жаль.

Мы обнялись снова, на этот раз, без взаимопонимания и мира. Мы все плакали.

Папа сел и прислонился спиной к дереву.

— Мне нужно отдохнуть пять минут!

— Хэлли, дай ему воду, — сказала я.

Гнев ушел, оставив лишь пустую боль, смешанную со страхом. Я вспомнила, как Тавия склонилась над телом своего брата, и тогда в этой сцене не было ничего подобного, что я чувствовала сейчас. Я думала о том, как Коннор существовал с пустотой в глазах каждый день. Я всегда считала, что он просто страдает невыносимой печаль, которую он не мог описать словами, но «печально» было неправильное слово. Печаль — общий термин, но это чувство было очень специфично. Оно было уникально хотя бы только тем, что оно проявлялось по-разному для всех кому достаточно не повезло испытать его. Папа заходил в горящие здания для проживания. Он возвращал людей к жизни. Он был непобедим. Но сейчас он сидел, рядом с деревом, мысленно готовился к смерти, оставляя своих маленьких дочерей в одиночестве. Он не говорил, но я могла видеть в нем пытки, закрученной в его глазах.

— Нам лучше идти, — сказал он. Я потянулась, чтобы помочь ему встать на ноги. — Я не знаю, сколько у меня времени.

— Обрато в Шаллот? — спросила я.

— Мне очень жаль, Дженна. Правда, — сказал он, срывающимся голосом.

— Как скажешь. Давайте просто отведем тебя куда-нибудь отдохнуть, — сказала я.

— Пойдем, Pop Can, — сказал папа, протягивая руку Хэлли.

Моя нижняя губа задрожала, и я поддерживала его каждый шаг, медленный, но устойчивый, обратно туда, где мы начали. С каждым шагом, чувство вины наваливалось на меня. Оно было тяжелее, чем у папы. У него было плохое предчувствие. Это было не из-за срока или даже, что мама не собиралась быть там, когда мы приехали. Он почувствовал, что его последний день идет, и я подтолкнула его в него.

После того, как в какое-то время, он стонал от боли в руке, и она распространилась на его запястье и плечо. Затем началась головная боль. К тому времени, когда мы возвратились к темно-зеленый двухэтажный дом, который был нашим домом в течение последнего месяца, папа был бледен и сильно вспотел.

Я помогла ему подняться по лестнице на заднем крыльце и в гостиную, где он упал на диван.

Я посмотрела на Хэлли.

— Я сначала проверю дом. Оставайся здесь.

Проверив каждую комнату, за каждой дверью и внутри каждого шкафа, я убедилась, что дом был пуст, и окна были все еще заколочены. Я не могла заботиться о папе и беспокоиться о том, что может подкрасться к нам.

Я побежала в ванную и намочила холодной водой мочалку. Я старалась не плакать, шепча себе быть сильной.

Он собирался умереть, но все могло быть по-другому, если я бы не заставила уйти. Я посмотрела на пыльное зеркало. Мои волосы были мокрыми от пота, лицо стало розовым от солнца. Моя одежда была грязной, мои глаза ввалились и стали тусклым.

Это не было похоже на видеоигры. Перезагрузка не случилась.

Я вошла в гостиную. Я встала на колени рядом с диваном и подперла голову папы с подушкой. Он втянул воздух сквозь зубы, делая шипящий шум.

— Все болит? — спросила я.

— Как, когда у тебя худший грипп в истории, — сказал он со слабой улыбкой.

Я вытерла лицо с тряпкой, а затем сложила его, прежде чем аккуратно положил его на лоб. — Это плохо, — прошептала я хрупким тихим голосом. — Я не знаю, что делать.

— Нет, знаешь. Дженна, слушай меня. Мы планировали это. Я делал прививку от гриппа. Я быстро качусь в пропасть, — его живот и грудь вздымалась один раз, а затем он проглотил.

— Принеси чашу, сказала я Хэлли.

— Но... — начала она.

— Сейчас же!

— Дженна, — сказал папа, — держи пистолет при себе, пока я не перестану дышать.

Я покачала головой. — Я не хочу это делать. Пожалуйста, не заставляй меня.

— Не ждите. Даже не прощаюсь. Скажи Хэлли перейти в другую комнату, и заботиться об этом.

Я пожевала губами, пытаюсь удержаться от рыданий. Мое зрение размылось из-за слез. Мне придется пристрелить папу. Что за мир? Ничто не могло подготовить меня к этому разговору, и определенно не для самого действия.

— Папа...

Он наморщил лоб, а затем потянул меня к своей груди.

— Я сожалею, что ты должна сделать это, — сказал он срывающимся голосом. — Я люблю тебя так сильно.

— Я тоже тебя люблю, — сказала я сквозь прерывистое дыхание. — Я тоже тебя люблю.

Он отпустил меня.

— Обещай мне, будешь заботиться о сестре, несмотря ни на что.

— Я обещаю, — сказала я, снова вытирая лицо.

Хэлли вернулась с большой миской, ее щеки были мокрые и красные. Когда она увидела выражение моего лица, ее губы задрожали.

Он вытащил свой рот на сторону, с сожалением в его глазах.

— Дженна, ты умная. Ты умнее меня, и это спасет ваши с сестрой жизни. Доверяй своим инстинктам. Думай головой, а не сердцем, — он схватил чашу и вывернул содержимое своего желудка, что было не так много. Он откинулся на спинку дивана, его лицо стало землистого цвета. Жилы под кожей начали темнеть.

— Я не хочу, чтобы ты умер, папа, — сказала Хэлли, посапывая.

Он потянул ее к себе.

— Все будет хорошо, Pop Can. Вы будете в порядке. Вы очень сильны духом. Вы обе. Я доверяю твоей сестре заботу о тебе. Ты должна доверять ей тоже.

— Хорошо, — сказала она, приюхиваясь и кивая на его груди. Он отпустил ее, и она оттолкнула очки вверх. — Хотя я хочу, чтобы ты тоже был в порядке. Пожалуйста, будь в порядке.

Нижняя губа папы опустилась.

— Я не могу. Мне бы хотелось, чтобы я мог. Мне очень жаль, — он сглотнул, а затем его снова вырвало.

Все происходило очень быстро. У меня было странное ощущение. Я не хотела, чтобы он оставил нас, но я отчаянно хотела конца его страданий.

— Не спешу уходить, — сказал папа. — Не принимайте эмоциональных решений. Подумайте несколько дней, если необходимо. Когда вы подумаете, что все поняли, подумайте еще немного. И хорошенько понаблюдайте за соседом, прежде чем говорить с ним. Возьмите пистолет, но не дайте ему знать, что у вас есть. Научи Хэлли защитить себя, — он поднял голову. — Я что-то забыть. Я должен сказать вам все. Я должен был научить вас, водить машину, как... — его желудок сжался, и он застонал, его вырвало в миску снова.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на потолок.

— Я был настолько обеспокоен, защищая вас, что я забыл научить вас, как выжить без меня.

— Ты справлялся, папа. Мы будем в порядке.

Я встала и отнесла чашу в туалет. Я вылила содержимое, а затем промыла его в раковине, прежде чем быстро вернуться к папе. Он был настолько горячим, что я чувствовала жар, излучающийся от его кожи. Его глаза были налиты кровью, и его вены становилось все темнее, так как вирус пленял его тело.

— Вы будете, потому что вы сильные, как ваша мама. Вы можете сделать это.

— Хэлли, — обратилась я, — принеси еще одну холодную тряпку для его головы.

Она подчинилась без вопросов.

Через час, он, казалось, прекратил боевые действия, и его тело расслабилось. Он был истощен. Он едва мог двигаться. Хэлли сидела в кресле в комнате, глядя на него. Я изо всех сил старалась, чтобы ему было удобно — меняла тряпки на его голове, положила лед на его

руку, и дала ему воды, даже если она обратно выйдет через рвоту.

Я хотела, просить его не делать этого, чтобы он не заставлял меня это делать, но у него не было выбора, как и у меня. Мы оба были сильными ради Хэлли, и я должна быть сильной после. Я пыталась не допустить, чтобы мой ум блуждал к мысли о том, каково будет выжить в одиночку с моей сестрой. Мы должны были сначала пережить его смерть.

— Дженна, — он растягивал слова.

Густая слизь образовалась в уголках его рта. Его вены разветвлялись под его бледнеющей кожей, темной и страшной, как у монстра, каким он бы стал. Я видела этих тварей так много раз, но ни один из них не был похож, на того кого я знала. Ни один из них не был похож, на того кого я любила.

— Да папочка?

— Я люблю тебя. Я люблю Хэлли. Приготовься.

Он втянул еще нескольких неглубоких вдохов, а затем остановился на мгновение. Затем он выдохнул все это, не спуская в другом дыхании. Его голова упала на бок, и его глаза смотрели мимо меня, они были пустыми.

Я подавила крик.

— Папа? — проглотила я. — Папа?

Его слова повторялись в моей голове, и я толкнула его.

Ничего.

Я положил руку на его глаза, чтобы закрыть их, а потом я встала. — Хэлли, иди в другую комнату и закрой уши.

Я вытащила толстый черный ремень с моего плеча и держала винтовку обеими руками, вставая на ноги.

— Папа! — воскликнула Хэлли, протягивая руку к нему.

Я остановила ее одной рукой, держа ее прочь.

— Иди в другую комнату, так что я могу делать это, прежде чем он обернется монстром.

— Дженна, не делай этого! — она закричала.

— Я не хочу! Я должна! — сказала я, по моим щекам текли слезы. Я проверила прицел винтовки, а затем сняла с предохранителя.

Пальцы папы дернулись.

— Дженна, смотри! Он все еще жив! — крикнула Хэлли. — Не делай этого!

Его веки открылись, чтобы показать две млечные глаза, а потом он моргнул. Он посмотрел на меня, и его губы начали формировать рычание.

Моя грудь покачнулася, как я сдерживала рыдания.

— Пожалуйста, отвернись, Хэлли! — я подняла винтовку, и сквозь поток слез, прицелилась и нажала на курок.

Хэлли играла с фарфоровой кошкой и кружкой в форме цыпленка на кухонном столе, когда я пыталась занять себя чем-то. Мы съели последнюю пачку риса на обед в прошлую ночь, и Хэлли почти всегда истерила при мысли, что я оставлю ее одну и пойду искать пищу.

Она играла со своими игрушками, и у нее заурчал живот.

— Мы должны, так или иначе, достать пищу, — сказала я.

— Тогда позволь мне пойти с тобой, — сказала она.

Я вздохнула.

Она встала и обошла гостиную, чтобы попить воды в ванной. Она больше не могла ходить через гостиную. Я тоже не особо хотела. Я не могла убрать пятна крови с дивана, так что я прикрыла его простыней, от которой не стало намного лучше.

Хэлли расхотелось выходить на улицу, не то, что это было безопасно в любом случае. Я не была уверена, что это произошло потому, что сосед перестал привлекать инфицированных на другую сторону города с выстрелами, но там, казалось, что уже больше бродят по улицам и дворам. Хотя, многие из них шли из города по направлению к шоссе.

Я сочувствовала Хэлли, не будучи в состоянии играть в тени деревьев во дворе, тем более, было так жарко внутри. Мы открывали окна на верхнем этаже по вечерам только, чтобы было достаточно комфортно спать. С каждым днем она становилась все печальнее и меньше ела. Она не могла даже смотреть через заднюю дверь во двор, не желая видеть неглубокую могилу, где мы похоронили нашего отца.

Я обнимала ее по ночам, когда она плакала во сне, желая такую же роскошь себе. Я делала вид, что я — взрослая, хотя бы, потому что это было нужно моей сестре.

Я подумала, могли бы мы с Хэлли попробовать добраться до Красного холма. И сейчас, когда так много инфицированных бродили вокруг. Это казалось невозможным.

Мы делали противоположное тому, чему нас всегда учил папа — обращать внимание на наше окружение. Мы были убаюканы ложным чувством безопасности, в тени деревьев, и от дороги. И эта одна ошибка привела к смерти папы. Я пыталась решить, было ли важнее оставаться с живой Хэлли здесь в Шаллоте, пока она не была достаточно взрослой, чтобы путешествовать, или попытаться выйти в долгий путь к ранчо, не совершая ни одной ошибки, так что мы могли бы быть с нашей мамой.

Папа сталкивался с этим же выбором, и я бросила его, хотя он просил меня не делать этого. Зная результат этого поспешного решения, стало проще игнорировать эмоции, побуждающие меня пойти на Красный холм, и потратить больше времени, думая о стратегии. Теперь нас осталось только двое, и Хэлли не была достаточно сильной, чтобы бороться с инфицированными. Я могла справиться с одним или, может быть, двумя, и мы увидели большее количество групп, чем одиночек.

Если скоро не пойдет дождь, я не знаю, насколько хватит нам воды, даже если мы перестали использовать его для чего-нибудь, кроме питья. Оставить Хэлли и пойти на охоту — самая страшная вещь. Если что-то случилось со мной, у нее не будет никого. Это не было невозможно, но шансы на ее выживание в одиночку были низкими, и я обещала папе позаботиться о ней. Я не могла заботиться о ней, будучи мертвой.

Прошла, по крайней мере, неделя, с тех пор как мы потеряли папу. Дни слились в одно большое пятно. Скоро — мой день рождения, через пару дней. Прошло уже несколько

месяцев с первого дня вспышки. Мама, наверное, думает, что мы мертвы, и мне так хотелось доказать ей, что она неправа. Но я не могла думать об этом больше. Я должна сосредоточиться на Хэлли.

— Хэлли, если сосед вернется, я собираюсь выйти и поговорить с ним.

— Что? — сказала она, замерев.

— Я хочу, чтобы ты принесла нож папы. Если он пытается схватить меня, и я не смогу уйти, ты поможешь мне.

— Ты имеешь в виду, заколоть его?

— Да.

— Хорошо.

Ее ответ удивил меня. Я не знала, что смерть папы изменила ее, но она была уже не плаксивой, нуждающейся маленькой девочкой, какой она обычно была. Она слушала меня так, как слушалась родителей — без аргументов. Она доверяла мне.

— Хорошо, — сказала я.

Я услышал стон снаружи, и инстинктивно Хэлли задула свечу и бросилась ко мне. Мы вместе сидели на корточках под окном, и я плотно обернула ее вокруг нее.

— Хэй! Осторожно! — мужчина крикнул на улице.

Хэлли посмотрела на меня.

— Сосед? — прошептала она.

Я провела пальцем по моему рту, слушая обмен любезностями снаружи. Было темно, и мы не могли быть уверены, кто был снаружи.

— Еще больше, чем в прошлый раз! Слишком темно! Поехали! Поехали!

— Скитер! Одиннадцать часов! — два выстрела. — Я поведу их подальше от дома, и встретимся там!

Скитер? Парень из Фэрвью, который спас Коннора? Мое сердце гудело в моей груди. Скитеру можно доверять. Скитер поможет нам.

— Джо, давай!

— Я буду там через секунду! Иди!

Прозвучал еще один стон, и на этот раз, прямо за окном. После потасовки и громкого треска, я услышала больше стонов, а затем открылась задняя дверь.

Хэлли напряглась.

В гостиную вошел человек с бейсбольной битой в руке. Он тяжело дышал, в поту, забрызганный темной кровью, и в шоке глядел на нас.

— Привет, — сказал он.

Хэлли посмотрела на меня, а затем обратно на человека. Он был с той группой, которая забрала нашего соседа. Он был большой, высокий и был похож на красивого серийного убийцу.

Я наклонилась, чтобы взять винтовку папы, и я прицелилась на него.

Он поднял руки.

— Тихо, тихо! Я не собираюсь причинять вам вреда. Просто пытаюсь уйти от этих там.

— Кто это такие? — спросила Хэлли.

Я утихомирила ее.

Он сделал шаг, его руки все еще в воздухе.

— Ваши родители здесь?

— Где Скитер? — спросила я.

Его брови поднялись.

— Вы знаете Скитера?

— Где он? — спросила я.

— Он с нашей группой несколько домов внизу, — он посмотрел на Хэлли на мгновение, а потом на меня.

Я передвинулась, медленно толкая Хэлли назад.

— Не подходи ближе.

— Хорошо. Заставит ли это вас чувствовать себя лучше, если я дал вам свои вещи и сяду?

— Ваше оружие? — спросила я.

Он кивнул.

— Медленно, — сказал я твердым голосом, — пододвиньте их сюда.

Он закатил битую к нам, а потом он вытащил 9мм, держа его за ручку. Он соскользнул.

— У меня есть нож в ботинке. Хочешь его тоже?

— Просто держите руки подальше от вашей обуви, — сказала я.

Он опустил руки, двигаясь медленно, пока оба колена не были на земле, как у меня. Он положил руки на бедра.

— Вы тоже из Фэрвью? — спросил он.

Я стояла, все еще целясь пистолетом на его лицо.

— Нет, — сказала я, отказываясь позволить опустить мою защиту. — Кто еще в вашей группе? Откуда вы?

— Мы остановились на ферме к северо-востоку отсюда. У нас там есть несколько детей. Один ее возраста, — сказал он, кивая в Хэлли.

— Не смотри на нее, — сказала я. — Смотри на меня.

Он моргнул, удивляясь моему беспощадному подозрению.

— Я действительно не собираюсь причинять вам вред. Я могу уйти, если вы хотите, но... если вы одни, я не могу оставить вас здесь.

Я сузила глаза на него. — Почему вы продолжаете пытаться выяснить, одни ли мы?

Он поднял руки.

— Слушай, мы начали не с того. Меня зовут Джо. Мы не преступники, или что-нибудь в этом роде. Мы очистили дорогу между этим местом и нашим местом для нашего друга. У нее есть две дочери и... — его глаза плясали между нами. — Не может быть. О мой Бог. Вы не...

Я подняла брови, внимательно наблюдая за ним.

— Вы дочери Скарлет? — сказал он с широкими глазами.

— Дженна! — сказала Хэлли.

Джо засмеялся и сразу же закрыл рот.

— Святые угодники, вы — Дженна и Хэлли! Ваша мама прямо на улице!

— Что? — сказала я, мгновенно слезы полились из глаз.

— Мама! — сказала Хэлли, встав.

Я собрала мое хладнокровие и толкнула Хэлли назад за мной, перестраивая пистолет.

Джо поднял руки выше.

— Клянусь. Мы приезжали сюда почти каждый день, помогая ей очистить место, чтобы сделать путь более безопасным для вас, девочки, чтобы вы добрались до Красного холма. Где ваш отец? Эндрю?

Как только он сказал имя папы, я расслабилась, и мой пистолет указал на пол. Хэлли обвила руками меня в волнении. Я выдохнула, и начала неудержимо рыдать.

— Все в порядке, Дженна. Мама просто внизу по улице!

— Все... нормально, — сказал Джо. — Могу ли я... я могу обнять вас?

Я не ответила. Все, что я могла сделать, это — вопить. Так много навалилось сразу: облегчение и счастье пришло, две эмоции, которых я не чувствовал уже очень давно. Это было слишком подавляющим.

Джо подошел к нам медленно. Он взял пистолет из моих рук, поставил на предохранитель, а затем положить его на пол рядом, прежде чем аккуратно обернуть свои большие руки вокруг Хэлли и меня. Мои колени уступили, но он легко поднял мой вес.

— Хорошо, — сказал он в утешительном тоне, — мы собираемся доставить вас к вашей маме. Она будет... Я даже не знаю. Я не могу дождаться, увидеть ее улыбку.

Эта мысль помогла высушить мои слезы, и я посмотрел вниз на Хэлли.

— Собирай вещи. Мы собираемся увидеть маму.

Хэлли побежал за своим рюкзаком, и я схватила мою, закидывая винтовку через плечо.

Джо взял свое оружие, качая головой.

— Я не могу поверить, что я нашел вас. Я не могу поверить, что вы обе живы.

— Она думает, что мы мертвы?

— Нет. Она смотрела на холм, ожидая вас каждый день. Она никогда не сдавалась.

Впервые с того утра, когда мы направились в Красный холм с папой, я была наполнена надеждой.

— Давайте, позвольте мне понести это, — сказал он, принимая наши пакеты, — на улице темно, так что слушайте вокруг. Будьте рядом.

— Хорошо, — сказали мы в унисон.

Это происходит на самом деле. Мама находится всего в паре минут от нас.

Джо вышел из задней двери, и я последовала за ним, но перед моим лицом хлопнула дверь.

Джо повернулся к нам, в то время как зараженный вонзил зубы в его шею.

— Нет, — закричала я, глядя в его широко раскрытые глаза, в то время как уплощение ладони против оргстекла. — Нет!

— Оставайтесь внутри, — прошептал он, прежде чем отойти назад и затем спотыкаясь, прочь. Несколько инфицированных последовали за ним, а потом он исчез в темноте.

Хэлли глубоко вздохнула и начала кричать, но я закрыла ей рот и притянула ее к полу. Я протянула руку и повернула замок, а потом я качала ее, пока мы слушали сверчков и возбужденные стоны инфицированных напавших на Джо через двор.

Я сосредоточилась на дыхании, пытаюсь замедлить его. Мое зрение было расплывчатым, и мой нос онемел.

Я задержала дыхание на минуту, а потом я неглубоко вдохнула через ноздри, прежде чем выдохнуть. Следующий вдох был лучше. После нескольких стало еще комфортнее.

Я поняла, что я до сих пор качала Хэлли, моя рука закрывала ей рот. Я быстро убрала руку, и она вытерла глаза.

— Мы все еще увидим маму? — прошептала она.

— Это слишком рискованно. Мы поймем ее утром, прежде чем она покидает город.

— У него был мой рюкзак, — сказала Хэлли, ее нижняя губа дрожала.

— Мы найдем тебе новую.

Я поставила туалетный столик на нижней части лестницы и поставила туда стаканы и вазы, так же, как мы сделали нашу первую ночь. Тогда я сделала то же самое в верхней части лестницы.

Хэлли и я не пытались вытереться губкой, как обычно. Мы просто пошли прямо в постель. Я знала, что независимо от того, что случится, на следующий день не заставит себя ждать.

— Я хочу к маме, — скулила Хэлли.

— Я тоже. Мы увидим ее завтра.

— Ты продолжаешь говорить это, но мы никогда не видим.

— Я обещаю, Хэлли. Так или иначе, мы увидим маму завтра.

— Хорошо, — сказала она.

Хэлли потребовалось дольше времени, чем обычно, чтобы заснуть, а потом она дергалась и бормотала и плакала во сне, вероятно, видя сны о Джо или папе.

Стоны снаружи продолжались в течение нескольких часов, и я подумала, засну ли я когда-нибудь. Тепло не помогло, так же как и мысли о каждом звуке зараженных, пытавшихся попасть в дом или мысли о маме на следующий день.

Я подумала, о первом дне, когда я увидела группу, и я подумала, может той женщиной, которую я видела, была мама.

Выглядит ли она так, что я бы не узнала ее? Узнает ли она нас? Думает ли, что мы изменились? А она сама?

Я думал о Конноре и как отличался от мальчика, которого описывала Эйприл и как быстро он изменился. Мы были отдельно от мамы в течение нескольких месяцев, и по описанию Джо, она теперь в деле убийства зомби так, чтобы мы могли добраться до Красного холма. Я представила себе, как бы сейчас она выглядела? Хотя без разницы, насколько она изменилась. Единственное место, где бы мне хотелось быть — это рядом с ней, и неважно, чего бы стоил этот путь.

Мои глаза, наконец, стали тяжелыми, и я позволила унести себя прочь из-Шаллота в стены Средней школы Бишоп.

Я ходила и разговаривала с Хлоей, думая о том, где же были классы, и я была расстроена, потому что я не могла вспомнить комбинацию шкафа.

Хлоя покачала головой и нахмурилась.

— Дженна?

— Да?

— Вставай.

Я открыла глаза и увидела Хэлли, смотрящую перегнувшись через меня.

— Дженна? Увидим ли мы сегодня маму?

Я оттолкнула ее в сторону и села, увидев яркое солнце сквозь окна.

— Нет, нет! — сказала я, подбежав к окну в верхней части лестницы.

Они бы ушли с первыми лучами солнца. Я проспала. Я упустила их.

— Заполни флягу с водой, Хэлли! — сказала я, толкая туалетный столик из пути. — Мы уходим!

Я засунула последние кусочки вяленого мяса в мой задний карман. Я схватила винтовку, последнюю коробку патронов, а затем полный мешок газет с коробкой спичек.

— Возьми битую и охотничий нож папы, — сказала я.

— Что ты делаешь с этим? — спросила Хэлли, указывая на спички.

Я посмотрела на улицу и увидела несколько инфицированных во дворе. На улице их было несколько, но не так много, что мы не могли обогнать их.

— Мы выйдем через переднюю дверь.

— Почему? — спросила она. Мы никогда не делали этого раньше, потому что там часто были зараженные.

Я выбросила мешок бумаги на диван и толкнула ее к стене, к драпировке шторы над подушками. Я подожгла несколько спичек, подержала их под несколькими газетами, а затем наблюдала, как все превратилось в пламя. Оно перешло в другие, и я бросила несколько пуль в огонь.

— Что ты делаешь? — воскликнула Хэлли.

— Отвлекающий маневр, — сказала я, наблюдая, как пламя поднималось на занавески.

Комната быстро начала наполняться дымом, поэтому я открыла входную дверь и вытащила Хэлли.

Мы выбежали на улицу, прямо в группу инфицированных.

Мы побежали в другую сторону, остановились у еще нескольких.

— Дженна, — сказала Хэлли, боясь.

Дым валил от входной двери, а затем разорвался один из листов фанеры. Инфицированные повернулись к дому, но когда я потащила Хэлли, они стали следовать за нами.

Затем затрещали пули стали, привлекая полное внимание существ. Я потянула руку Хэлли, и мы бросились к шоссе, наконец, проходя машину на середине дороги. Я замедлилась только когда Хэлли начала отставать.

Мы остановились на мгновение, и, держась за колени и вздымалась, пока мы не перевели дыхание. Солнце надвигалось на нас, и только тогда я поняла, что я не схватила шляпу или солнцезащитный крем для Хэлли.

— Я сожалею, — сказала я, зная, что болезненное выражение Хэлли соответствует моим. — Мы должны спешить, если мы собираемся добраться до Красного холма до наступления темноты.

— Где мама?

— Она, вероятно, почти там сейчас.

— Когда мы доберемся?

— До темноты, если нам повезет.

Я сделала первый шаг, и Хэлли последовала.

Мы держались за руки, летнее солнце жарило безжалостно, на дороге поднималось шипящее тепло. Мои штаны были на дюйм короче, чем они были весной, и штаны Хэлли тоже. Цикады зашипел в траве, когда мы проходили мимо.

Каждые пятнадцать минут или около того, я хотела начать бежать трусцой, но только до тех пор, как Хэлли могла.

— Слишком жарко, чтобы бежать, — сказала Хэлли.

— Но если мы не будем, хоть раз, то мы не сделаем это до наступления темноты.

— Я хочу пить, — сказала она.

Я вытащила флягу из ремня вокруг моей шеи и протянула ей. Она сделала большой глоток.

— Полегче, Рор-Сап. Нам должно хватить нас весь день.

— Прости, — сказала она, протягивая его обратно. — Дженна?

— Да?

— Пожалуйста, не называй меня так. Это заставляет меня грустить о папе.

— Прости, — сказала я.

Я видела небольшую группу инфицированных впереди, и я спокойно предупредила Хэлли. Это было не слишком безопасно путешествовать через пшеничное поле, но я решила, что лучше так, чем пытаться обежать их.

— Слушай, звук пшеницы, — сказала я. — Мы можем услышать их приближение.

Хэлли кивнула, и мы нырнули в высокие стебли. Наклонившись, мы прошли на цыпочках мимо полудюжины инфицированных. Среди них было несколько детей, и от этого меня чуть не стошнило. Этого не должно случиться с нами, не раньше, чем мы увидим нашу маму.

После того, как мы были на несколько блоков впереди группы, мы выскочили из стеблей и держали быстрый темп, пока они не были так далеко позади, что мы не могли их видеть.

— Смотри, — сказала Хэлли, указывая на столб дыма в воздухе. — Это наш дом.

— Не вернемся назад теперь, даже если захотели бы.

— Я и так не хочу, — сказала Хэлли.

— Если что-то случится со мной, ты продолжай идти, — сказала я.

— Дженна...

— Я серьезно, Хэлли. Продолжай быть хитрой, пока не дойдешь. Ты знаешь путь. Просто продолжай идти, продолжай слушать, и обращай внимание на свое окружение. И ты дойдешь!

Хэлли закричала, и мы отшатнулись. Большой инфицированный вывалился из пшеницы перед нами, а за ним другой.

— Не подходи! — я крикнула Хэлли. — Следите!

Она была с битой, так что я использовал запас моей пушки, чтобы простелить колени зараженных. Затем я вынула большой нож, заправленный в задней карман штанов и ударила в его глаза. Его руки и ноги обмякли. Затем я повернула винтовку и ударила в голову второго. Она опрокинулась назад, а потом я ударил ее во второй раз. Она не двигалась, но я только держала ствол винтовки в моей руке. Он разломался пополам, когда я ударила ее.

— Нет! — крикнула я, глядя на бесполезный металл в моей руке. Я бросила его на землю и пнула его. — Проклятье! — крикнула я.

Хэлли утихомирила меня.

— Ты не можешь это починить? — спросила она.

Я покачал головой.

— Пойдем! — я взяла ее за руку, и мы продолжили идти по асфальту.

Он был трескучим, горячим и липким, и через некоторое время, мы бросить держаться за руки, потому что руки скользили от пота. Каждые пять минут, я должна была поощрять Хэлли, чтобы она не отставала. Каждую милю мы видели более разложившиеся тела, они были сложены на каждой стороне дороги. Я бы сказала, что их специально убрали, и я знал, что это мама расчистила путь для нас, говоря нам, чтобы мы продолжали идти.

— Хэлли, — сказала я, запыхавшись, — смотри!

— Белая Башня! — сказала Хэлли, шуря один глаз, посмотрев вверх.

Перед нами маячила высокая белая труба, словно маяк, зазывающий в Красный холм. Из шоссе мы перешли на грязь, и наш темп, естественно, оживился.

— Это не так далеко сейчас! — сказала я, побуждая мою сестру. — Еще несколько миль до кладбища, а потом мы практически там!

Мы прошли большой загон. Я вспомнила сотни, если не тысячи, коров слоняющихся там раньше, но теперь их не было. Мы прошли мимо большой кучи трупов зараженных и на всякий случай обошли это место.

Еще через час ходьбы, я остановилась и передала Хэлли фляжку. Она сделала большой глоток и передала его мне. Я сделала то же самое, а потом я потянулась на задний карман за вяленным мясом. Его там не было. Я покрутилась, будто бы я могла увидеть его.

— Должно быть, вывалился, когда я сражалась с зараженными, — плечи Хэлли поникли.

— Все нормально. Давай продолжим.

— Я так горжусь тобой, — сказала я Хэлли.

— Мы почти там, не так ли? И мамы там, так? — спросила она.

В ее голосе слышалась усталость.

— Да, да. Я не знаю, сколько еще, но я знаю, что мы доберемся туда до наступления темноты.

Я надеялась, что я была прав. Солнце все садилось, и мы шли в течение нескольких часов. Мы должны были быть близки.

— Смотри! — указала Хэлли вперед. — Кладбище!

Я схватила ее за руку, и мы побежали к нему, прежде чем повернуть налево.

— Еще пару миль, Хэлли! Мы почти там!

— Она будет так счастлива! Как думаешь, она будет плакать?

— Да. И я буду тоже.

Хэлли и я прослезились. Наши волосы вспотели, наши губы стали сухими и потрескались, наши носы и лбы были ярко-розовые от солнца, и я потеряла счет, сколько дней прошло с тех пор мы принимали душ. Мы выглядели не лучшим образом, как хотелось бы, но маме думаю, будет все равно.

— У меня болит бок, — сказала Хэлли.

— Хочешь, понесу тебя на спине? — предложила я.

Она покачала головой.

— Нет, это замедлит нас.

Я улыбнулась ей. Она была такой умной.

После мили — другой, мы попали на перекресток. Справа, около ста ярдов, был холм, а на другой стороне холма был ранчо. Мой желудок урчал, и мое сердце забилося. Мы были почти там.

— Там холм, — сказала я Хэлли, потянув ее на запад, в сторону заходящего солнца.

Она бросила битку, как будто она, отпуская все плохое, что случилось с нами до этого момента.

— Это тоже хорошо, — сказала она, — скоро стемнеет.

Я хотела бы побежать, но я просто слишком устала, и я знала, что Хэлли тоже.

Таким образом, мы держались за руки, пока мы подошли к холму и перелезли. Я посмотрела на дом в надежде увидеть маму на улице. Два человека сидели на крыше.

— Я думаю, что это мама! — сказала я. — Смотри, Хэлли, на крыше!

Двое мужчин выбежали из дома. Один поднялся вверх по лестнице на крышу, крича, а другой размахивал руками.

Хэлли и я побежали, а женщина на крыше что-то крикнула возбужденным, высоким голосом.

— Это мама! — сказала я, стараясь не бежать впереди Хэлли.

Они стали звать нас. Слезы счастья текли по моему лицу. Я крепко сжала руку Хэлли, волнуясь, что я слишком сильно взволнуюсь и побегу слишком быстро.

Люди начали бежать к нам, а за ними последовала женщина. Мама осталась на крыше, направив винтовку.

Что-то было не так.

У мамы началась паника, она кричала, я не могла понять. Я замедлилась, потянув Хэлли до полной остановки, и я огляделась по сторонам. Пшеница зашуршала. Мама могла увидеть что-то, что мы не могли. В поле были зараженные. Они направлялись к нам.

— Бегите! — кричала мама.

Я посмотрела меня, сжала руку Хэлли, и побежала к ферме. Люди шли к нам, с оружием в руках. Они должны быть друзьями мамы. Они были так же экипированы, как она должна была получить нас к ней, так же, как Джо был.

Люди звали нас, кивая нам бежать к ним. Я могла бы бежать быстрее, но Хэлли шла так быстро, как могла, и я бы никогда не оставила ее позади.

Хэлли начала плакать, передавая свой страх и облегчение каждой клетке, зная, что, так или иначе, это конец нашего путешествия.

Прозвучал выстрел, пролетев сквозь развевающуюся пшеницу. Через несколько секунд я слышала его снова. Это была мама. Она стреляла в инфицированных в поле. Стрельба продолжалась, каждый раз растрескивая воздух, как гром.

Первый инфицированный вышел из пшеницы. Я остановилась и откинулась назад так сильно, что я упала, унося собой Хэлли.

Выстрелы продолжались, пока я вставал. Стена рваных, гниющих тел, образовалась между мужчинами, пытающихся спасти нас с Хэлли. Их было так много. Как будто весь город Шаллот следовал за нами только, чтобы остановить нас прямо перед тем как мы дойдем к маме.

Мужчины и женщины начали кричать, чтобы привлечь внимание огромной группы инфицированных, но они продолжали нападать на нас. Я слышала треск пшеницы позади нас, и я знала, что мы окружены. Я схватила Хэлли и прижала ее к себе.

— Мамочка! — прозвучал пронзительный визг, я едва узнала свой голос, — мама!

Снова выстрел, а ближайший зараженный упал, его мозговая жидкость вылилась и смешалась с красной грязью. Свалился еще один, и я знала, что мама снимает тех, кто подходит слишком близко.

С поля на другой стороне дороги появился Человек, и схватил меня за руку. Хэлли и я закричали, но потом мужчина вытащил нас и подтолкнул нас назад. Мама убрала еще одного зараженного, но их было больше. Мужчина оттолкнул одного от нас, и он отступил назад, упав на землю. Потом еще один выстрел, на этот раз гораздо ближе.

Стоял шаш сосед с пистолетом.

— Иди, Натан! — сказал наш сосед мужчине, который держал меня за руку.

Натан посмотрел на нас.

— Мы идем в другое поле и обойдем него, хорошо? Следуйте за мной. Будьте рядом!

Мы столкнулись с высокими стеблями, сидел на корточках, как и раньше. Натан остановился на минуту и слушал, а потом он вытащил меня, и я перетащила Хэлли.

— Просто немного дальше, — сказал Натан, направляя нас через пшеницу.

Мы вышли из поля и снова оказались на красной грязи. На этот раз, мы были прямо перед проезжей частью. Мы перешли дорогу, и пошли через двор к крыльцу. Женщина с длинными светлыми волосами широко открыла руки и повела нас в дом.

Хэлли дошла до нее.

— Мамочка?

Глаза женщины широко раскрылись, и она забеспокоилась, но она утешительно улыbnулась.

— Она просто помогает другим. Вы в безопасности. Вы в безопасности.

Внутри были еще две другие девушки, они настороженно наблюдали за нами. Одна из них была моего возраста, а другая была ближе к возрасту Хэлли.

Раздавалось больше выстрелов. Хэлли закрыла уши, и я потянула ее к себе.

Она покачала головой, рыдая.

— Где мама?

— Она прямо на улице. Она будет здесь в ближайшее время. Ты помнишь меня, Хэлли? Я — Эшли, дочь врача. Мы уже встречались.

Хэлли кивнула, и уткнулась лицом в мою шею. Теперь, когда мы были здесь, ожидание было мучительным.

Через несколько минут, выстрелы замедлились, а потом вообще остановились, как на крыше, так и на и дороге.

— Я думаю, что все кончено, — сказала Эшли. Затем ее плечи дернулись, когда прозвучали еще два хлопка.

Эшли выбежала на улицу, и я за ней.

Там была наша мама, она стояла на крыльце и не могла поверить своим глазам. Я рухнула в ее объятия, прижимаясь лицом в грудь. Только услышав звуки, я знала, что Хэлли сделала то же самое. Мы упали вместе в кучу на крыльце, и тело мамы начало дрожать, а затем встряхивало, она плакала прямо вместе с нами, как я и знала.

Мама подняла подбородок, а затем обхватил мои щеки, глядя мне в глаза в страхе. Она посмотрела на Хэлли, тоже, а потом мы начали смеяться, прежде чем снова заплакать.

Натан и наш сосед направлял блондинку обратно к дому. Она надрывно ревела, протягивая руку к дороге, пока наш сосед, наконец, не прибежал к ней, заставляя зайти ее внутрь. Стены едва ли приглушали ее вопли.

Натан наблюдал за Эшли и нашим соседом, пока они не скрылись за дверью, а потом он посмотрел на нас в страхе.

— У вас есть какие-то невероятные дети.

— Миранда? — спросила мама.

Натан вздохнул:

— Брюс подвергся нападению. Она пыталась спасти его. Я не успел добраться до них вовремя.

Плечи мамы поникли, а затем она целовала лицо Хэлли, которая была под моей рукой. Ее грязные ногти впились в мою кожу. Я поцеловала ее в голову.

— Пойдемте, девочки. Я держу вас. Давайте зайдем внутрь.

Я не слышала голос мамы так долго, но он до сих пор был таким же мягким и сильным, как я помнила.

Натан помог нам, и мы вошли внутрь вместе. Мама, Хэлли, и я продолжали смотреть друг на друга, улыбаясь.

— Мы видели твое сообщение, — сказала я, мой голос дрогнул.

Мама покачала головой в недоумении.

— Где ваш отец?

— Его укусили, — сказала Хэлли своим тихим голосом.

— Он заставил нас оставить его, — сказала я. — Он заставил.

Я имела в виду, что он заставил меня стрелять в него, но я не могла сказать это вслух. Даже если это должно было быть сделано, это звучит ужасно, и все в комнате услышали бы это.

— Тсс... тсс... — сказала мама, обнимая нас. Ее тело слегка качалось, и я сразу почувствовала себя непринужденно. — Как долго вы были в одиночку?

— Я не знаю, — сказал я, — неделя? Я думаю.

— Ничего себе, — сказал наш сосед. — Сильные, как и их мама.

Я улыбнулась и положила щеку на грудь мамы.

— Так же сказал папа, когда мы оставили его. Он сказал, что мы сможем сделать это, потому что мы сильные, как и ты.

Мама посмотрела на Натана, который обнимал двух других маленьких девочек. Я бы сказала, мама была несчастлива тем, что мы были одни.

— Если бы ты не расчистила путь для них, было бы трудно пройти через Шаллот в одиночку, или даже невозможным, — сказал Натан, — ты была прав. Это было не зря.

Ее глаза блестели, и она снова обняла нас.

Я была неправ. Она была более стройной, чем я помнила, но она все еще была нашей мамой. Она не так сильно изменилась. Я не понимала, как боялась, что она будет не тем же человеком, которого я знала. Но теперь, в ее руках, в последние месяцы забывались. Казалось, прошла целая жизнь, с тех пор как она высадила нас в школе, но в то же время чувствовалось, что это было вчера.

— Пойдемте, детки. Очистим вас, — сказала мама. Хэлли скулила, но мама поцеловала ее волосы. — Теперь вы в безопасности, — она посмотрела на меня.

— Когда в последний раз вы ели? Или спали?

Я нахмурилась, думая о рисе, который мы съели за два дня до этого. — Прошло много времени.

Она обняла меня.

— Хорошо. Хорошо, что все закончилось. Натан?

— Уже иду, — сказал он, выходя из комнаты.

Через пару минут он вернулся с двумя бутербродами. Хэлли и я схватили их из его рук, прежде чем начать немедленно жевать. Я думала, что мне придется просить еще один, но с последним кусочком я была сыта.

Натан передал нам стакан воды, и мы выпили. Хэлли вытерла рот запястьем.

— Хорошо, — сказала мама, — пора помыться.

Мы стояли снаружи и снимая нашу одежду. Они были настолько грязными, что они стояли. Мама стояла на коленях, чтобы вычистить Хэлли с помощью тряпки и таза, я умывалась сама. Меня больше заботило мытье, чем раздевание на улице.

Под деревом было несколько могил, и мама оглянулась.

— Доктор Хейс, его подруга, и наш друг Купер, — сказала она. — Он был парнем Эшли. Помните ее? Она было дочерью доктора Хейса.

— Ее парень умер? — спросила я.

Мама указала в сторону.

— Спасал Зои. Это маленькая девочка там. Она дочь Натана. И Эллейни — другая маленькая девочка.

— Она тоже дочь Натана? — спросила Хэлли.

Мама налила немного воды над головой Хэлли, а затем намылила руки. Она втирала волосы Хэлли, пока она снова не стала блондинкой. Она покачала головой. — Она нашла нас.

— Большой парень был нашим соседом в Шаллоте, — сказала я, натягивая большую, но чистую футболку.

— Скитер? — спросила мама, удивленно.

— Это — Скитер? Жалко я не знала этого. Он жил несколько домов вниз от нас в Шаллоте.

Она сделала паузу.

— Подождите. Что ты имеете в виду?

— Я видел тебя, — сказала я. — Вся вашу группу когда вы ушли со Скитером. Но я не знала, что это была ты.

Мама покачала головой, ее взгляд упал на бетонный внутренний дворик, где мы сидели. — Вы были прямо там?

Я кивнула.

Она плотно закрыла глаза.

— Так, вы были там все это время? И прошлой ночью, когда мы провели ночь?

— Джо пришел в наш дом, — сказала Хэлли. — Когда он узнал, что это мы, он собирался привести нас к вам, но его укусили, так что мы остались внутри.

Мама закрыла рот и слушала, пока Хэлли не рассказала все наши тяжелые испытания — с того момента, когда папа забрал ее со школы, пока мы не достигли вершины красной грязи холма.

— Боже, — произнесла мама, качая головой, ее рука дрожала. Она закрыла глаза, а затем глубоко вдохнула, — Джо был хорошим человеком. Понятно, что он пытался спасти вас. Я так сожалею о вашем отце.

— Мама? — сказала я. — Мы не оставили его.

— Что вы имеете в виду?

— Он был укушен. Он был действительно болен, и... — я замолчала, не в силах произнести эти слова.

— Нет. Нет нет нет...

Сначала я подумала, что она была разочарована во мне, а потом она обняла меня и сильно сжала в объятьях.

— Мне так жаль, что тебе пришлось сделать это, Дженна. Боже мой, ты такая храбрая! — она прерывисто задыхалась. — Теперь вы здесь, и мы вместе. Я знаю, что ваш отец

гордился бы вами.

После того, как Хэлли переделалась в большую футболку, мама повела нас к столу, снова есть. На этот раз, были консервированные персики. Мы практически сглотнули их, а затем каждая из нас выпила еще один стакан воды.

С полными животами мы пошли в комнату мамы, и она убрала одеяла.

— У вас был длинный день.

Мы забрались в постель и устроились там.

Хэлли крепко стиснула пальцы вокруг запястья мамы. — Не уходи, мамочка.

Она покачала головой, поднесла руку Хэлли к губам, и поцеловала.

— Никогда.

— Обещаешь? — спросила Хэлли.

— Обещаю. Вы такие смелые, — сказала мама, прежде чем поцеловать нас в лоб Хэлли.

Затем она посмотрела мне в глаза и коснулась моей щеки. — Такая храбрая.

Мама сидела в кресле в углу комнаты, в то время как Хэлли и я лежали спокойно, ожидая сна. Она смотрела на нас, я смотрел на нее. Я почти боялась закрыть глаза. Я боялась, что проснусь в Шаллоте, и все это окажется сном.

Я провела последние четыре месяца с одной целью. Теперь, когда мы, наконец, с мамой, после тяжелой борьбы за выживание, страх, что этого никогда бы не случилось, сменился со страхом, что все это окажется неправдой.

Скоро, хотя, мои глаза отяжелели, и я заснула. Последние сорок восемь часов прошли перед глазами, переправляя меня в стены Средней школы Бишоп, где я хихикала со своими одноклассниками и учителями, а затем размахивала моему папе, когда он приехал, чтобы забрать меня после школы в своем костюме. На этот раз, хотя, мама была с ним, и я знал, что все будет в порядке.

Мои глаза открылись, и я моргнула. Солнце проходило через верхнюю часть окна, и я потянулась к Хэлли, не чувствуя ничего, кроме мятых простыней и подушки.

Я быстро села, мое сердце запрыгало в моей груди в панике. Мои плечи расслабились, когда я увидела, мама смотрит на меня со стула и Хэлли, свернувшись, спит у нее на коленях.

— Доброе утро, — ворковала она.

Я вздохнула, а потом снова улеглась, подперев голову подушкой. — О, слава Богу.

Мама улыбнулась.

— Я знаю. Я проснулась с мыслью, что все это был всего лишь сном. Но ты здесь, и я здесь, и мы все в порядке.

— Все еще спят? — спросила я.

Она покачала головой. — Мальчики на улице, похоронили Миранду и Брюса. Мы проведем похороны, когда Эшли немного придет в себя.

— Миранда была ее сестрой, — выдала я, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Да, — сказала мама.

— Неужели на тех машинах на улице есть бензин? — спросила я.

— Немного. Зачем ты спрашиваешь?

— Мы оставили людей позади в Фэрвью около месяца назад. У них там есть маленькие дети, дети ясельного возраста, моложе Хэлли. Я надеялась, что, если бы было достаточно топлива, мы могли бы забрать их.

— Я поговорю с остальными. Могу поспорить, мы можем.

Я вздохнула с облегчением. — Все было плохо так долго. Странно чувствовать себя в порядке.

— Я знаю.

— Я просто хочу, чтобы папа был здесь.

— Я знаю, милая. Мне жаль. Мне очень жаль. Я не могу себе представить, как тяжело было тебе, как тяжело было тебе одной заботиться о Хэлли.

— Я не могу это объяснить.

— Если тебе когда-нибудь захочется попробовать, я всегда здесь, чтобы выслушать.

— Я знаю, — сказала я.

Послышался тихий стук в дверь.

— Входите, — тихо сказала мама. — Привет, Эллейни. Это Дженна, моя старшая дочь.

— Привет, — поздоровалась Эллейни с усмешкой. — Наслышана о тебе.

Она напомнила мне о Хлое, и я вспомнила, насколько я скачала по моей подруге.

— Нейт сказал, что Эшли готова.

Мама кивнула, а затем встряхнула Хэлли нежно, целуя ее в висок.

— Девочка, пора вставать.

— Что? — сказала Хэлли, оглядываясь по сторонам широко открытыми глазами.

Мама помогла Хэлли надеть очки.

— Привет, — сказала мама, улыбаясь.

Хэлли обвила руками шею мамы.

— Мама!

Мама закрыла глаза и обняла ее.

— Мы должны выйти на улицу и попрощаться с нашими друзьями. Вы пойдете со мной?

Хэлли слезла с колен мамы, а потом мы последовали за ней и Эллейни наружу на босых ногах. Футболка почти доходила до колен, и рубашка Хэлли волочилась по земле. Наша одежда все еще сушилась с тех пор, как Натан помыл их ночью.

Эшли, Натан, Зои и Скитер стояли рядом с двумя свежими насыпями грязи.

Глаза Эшли распухли и покраснели, но она улыбнулась, когда она увидела Хэлли и меня.

— Привет, девочки, — прошептала она.

Я перехватила ее выражение лица, но я точно знала, что она чувствовала, и я задалась вопросом, как она держалась без криков. Затем мои глаза перешли к другим могилам. Ее отец был похоронен там, и как и ее парень. Я задавалась вопросом, есть ли момент, когда потеря близких перестала причинять боль. Может быть, она просто привыкла к боли, или, возможно, мы были отвлечением.

Натан говорил о Миранде и Брюсе и о том, как они умерли спасая Хэлли и меня, а потом все говорили забавные истории о них. Эшли, Натан, и Зоя положили цветы на каждую из могил, а потом мы пошли к крыльцу, и присели.

— Странно сидеть здесь, а не смотреть на гору в ожидании вас, — сказала мама. Она сидела между нами и обнимала нас.

Пшеница шелестела в прохладном утреннем ветру, мягко шипя в гармонии с ветром, дующим через деревья. Мама прижалась щекой ко мне, Хэлли устроилась у нее на коленях. Мирное выражение ее лица намекало на полное блаженство. Мы наконец-то нашли ее. Тогда она протянула руку и переплела пальцы с Натаном, я знала, что, в конце концов, мы обрели счастье во время апокалипсиса.

Конец:)

Больше книг на сайте — Knigolub.net